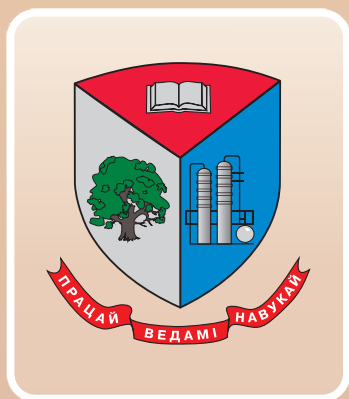

ISSN 2520-6885

ТРУДЫ БГТУ

Научный журнал

Серия 6

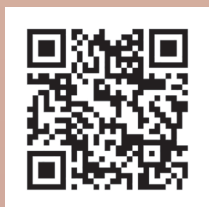
ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ

№ 2 (287) 2024 год

Рубрики номера:

История

Философия

Минск 2024

Учреждение образования
«Белорусский государственный
технологический университет»

ТРУДЫ БГТУ

Научный журнал

Издается с июля 1993 года

Серия 6

**ИСТОРИЯ,
ФИЛОСОФИЯ**

№ 2 (287) 2024 год

Выходит два раза в год

Минск 2024

Учредитель – учреждение образования «Белорусский государственный технологический университет»

Главный редактор журнала – Войтов Игорь Витальевич, доктор технических наук, профессор, Республика Беларусь

Редакционная коллегия журнала:

Флейшер В. Л. кандидат технических наук, доцент (заместитель главного редактора), Республика Беларусь;
Жарский И. М., кандидат химических наук, профессор, Республика Беларусь;
Флюрик Е. А., кандидат биологических наук, доцент (секретарь), Республика Беларусь;
Водопьянов П. А., член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор, Республика Беларусь;
Прокопчук Н. Р., член-корреспондент НАН Беларуси, доктор химических наук, профессор, Республика Беларусь;
Наркевич И. И., доктор физико-математических наук, профессор, Республика Беларусь;
Новикова И. В., доктор экономических наук, профессор, Республика Беларусь;
Черная Н. В., доктор технических наук, профессор, Республика Беларусь;
Куликович В. И., кандидат филологических наук, доцент, Республика Беларусь;
Торчик В. И., доктор биологических наук, профессор, Республика Беларусь;
Щекин А. К., член-корреспондент РАН, доктор физико-математических наук, профессор, Российская Федерация;
Башкиров В. Н., доктор технических наук, профессор, Российская Федерация;
Каухова И. Е., доктор фармацевтических наук, профессор, Российская Федерация;
Жантасов К. Т., доктор технических наук, профессор, Республика Казахстан;
Эркаев А. У., доктор технических наук, профессор, Республика Узбекистан;
Горинштейн Ш., доктор наук, профессор, Государство Израиль;
Маес Воутер, доктор наук, профессор, Королевство Бельгия.

Редакционная коллегия серии:

Водопьянов П. А., член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор (главный редактор серии), Республика Беларусь;
Новик Е. К., доктор исторических наук, профессор (заместитель главного редактора серии), Республика Беларусь;
Острога В. М., кандидат исторических наук, доцент (ответственный секретарь серии), Республика Беларусь;
Короткая Т. П., доктор философских наук, профессор, Республика Беларусь;
Решетников С. В., доктор политических наук, профессор, Республика Беларусь;
Сидоренко И. Н., доктор философских наук, доцент, Республика Беларусь;
Снапковская С. В., доктор педагогических наук, доктор исторических наук, профессор, Республика Беларусь;
Ракачев В. Н., доктор исторических наук, профессор, Российская Федерация;
Шалаев В. П., доктор философских наук, профессор, Российская Федерация.

Адрес редакции: ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск.

Телефоны: главного редактора журнала – (+375 17) 343-94-32;

главного редактора серии – (+375 17) 282-41-95.

E-mail: root@belstu.by, <http://www.belstu.by>

Свидетельство о государственной регистрации средств массовой информации

№ 1329 от 23.04.2010, выданное Министерством информации Республики Беларусь.

Журнал включен в «Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований»

Educational institution
“Belarusian State Technological University”

PROCEEDINGS OF BSTU

Scientific Journal

Published monthly since July 1993

Issue 6

**HISTORY,
PHILOSOPHY**

No. 2 (287) 2024

Published biannually

Minsk 2024

Publisher – educational institution “Belarusian State Technological University”

Editor-in-chief – Voitau Ihar Vital’evich, DSc (Engineering), Professor, Republic of Belarus

Editorial (Journal):

Fleisher V. L., PhD (Engineering), Associate Professor (deputy editor-in-chief), Republic of Belarus;
Zharskiy I. M., PhD (Chemistry), Professor, Republic of Belarus;
Flyurik E. A., PhD (Biology), Associate Professor (secretary), Republic of Belarus;
Vodop’yanov P. A., Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, DSc (Philosophy), Professor, Republic of Belarus;
Prokopchuk N. R., Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, DSc (Chemistry), Professor, Republic of Belarus;
Narkevich I. I., DSc (Physics and Mathematics), Professor, Republic of Belarus;
Novikova I. V., DSc (Economics), Professor, Republic of Belarus;
Chernaya N. V., DSc (Engineering), Professor, Republic of Belarus;
Kulikov V. I., PhD (Philology), Associate Professor, Republic of Belarus;
Torchik V. I., DSc (Biology), Republic of Belarus;
Shchekin A. K., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc (Physics and Mathematics), Professor, Russian Federation;
Bashkurov V. N., DSc (Engineering), Professor, Russian Federation;
Kaukhova I. E., DSc (Pharmaceutics), Professor, Russian Federation;
Zhantasov K. T., DSc (Engineering), Professor, Republic of Kazakhstan;
Erkayev A. U., DSc (Engineering), Professor, Republic of Uzbekistan;
Gorinshteyn Sh., DSc, Professor, State of Israel;
Maes Wouter, DSc, Professor, Kingdom of Belgium.

Editorial (Issue):

Vodop’yanov P. A., Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, DSc (Philosophy), Professor (managing editor), Republic of Belarus;
Novik E. K., DSc (History), Professor (sub-editor), Republic of Belarus;
Ostroga V. M., PhD (History), Associate Professor (executive editor), Republic of Belarus;
Korotkaya T. P., DSc (Philosophy), Professor, Republic of Belarus;
Reshetnikov S. V., DSc (Politics), Professor, Republic of Belarus;
Sidorenko I. N., DSc (Philosophy), Associate Professor, Republic of Belarus;
Snapkovskaya S. V., DSc (Pedagogics), DSc (History), Professor, Republic of Belarus;
Rakachev V. N., DSc (History), Professor, Russian Federation;
Shalaev V. P., DSc (Philosophy), Professor, Russian Federation.

Contact: 13a, Sverdlova str., 220006, Minsk.

Telephones: editor-in-chief (+375 17) 343-94-32;
managing editor (+375 17) 282-41-95.

E-mail: root@belstu.by, <http://www.belstu.by>

ИСТОРИЯ HISTORY

УДК 37.017.4(476)(091)

В. М. Астрога

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

ПЫТАННІ НАЦЫЯНАЛЬнай АДУКАЦЫі ў ГРАМАДСКА-ПЕДАГАГІЧНЫМ РУХУ БЕЛАРУСІ (КАНЕЦ XIX – ПАЧАТАК XX СТ.)

У артыкуле разглядаюцца пытанні развіцця нацыянальнай адукацыі ў грамадска-педагагічным руху Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX ст. На фоне кансерватыўнай адукацыйнай палітыкі царскага ўрада, накіраванай на русіфікацыю краю, прагрэсіўная грамадскасць, дзеячы асветы, педагогі-навукоўцы, настаўнікі-практыкі разглядалі неабходнасць школьнага нацыянальнага будаўніцтва ва ўмовах дэмакратычнага развіцця краіны як важны накірунак рэфармавання народнай асветы. Прыводзяцца погляды прагрэсіўных педагогаў, літаратараў, публіцыстаў, настаўнікаў, якія адстойвалі ідэю не толькі ўвядзення ўсеагульнай пачатковай адукацыі на ўсёй тэрыторыі Расійскай імперыі, але і падкрэслівалі неабходнасць стварэння сістэмы адукацыі, якая б улічвала мясцовыя нацыянальна-культурныя традыцыі і вялася на роднай мове. Паказана адлюстраванне дадзенай праблемы на старонках перыядычнага педагагічнага руху, а таксама ў беларускай газеце «Наша ніва», вызначана роля настаўнікаў у фарміраванні нацыянальнай свядомасці дзяцей беларусаў. Падкрэсліваецца, што многія часопісы дэманстравалі выхад за межы традыцыйных педагагічных праблем выхавання і методыкі выкладання, выконвалі важную сацыяльную ролю ў арганізацыі і інтэграцыі разрозненага грамадска-педагагічнага руху. Разам з тым канцэпцыя беларускай нацыянальнай школы магла атрымаць сваю рэалізацыю толькі ў новых дэмакратычных умовах на аснове перагляду каштоўнасцей і якасных падыходаў ў галіне народнай адукацыі.

Ключавыя словы: грамадска-педагагічны рух, нацыянальная адукацыя, настаўнік, педагагічны друк, пачатковая школа, нацыянальнае адраджэнне.

Для цытавання: Астрога В. М. Пытанні нацыянальнай адукацыі ў грамадска-педагагічным руху Беларусі (канец XIX – пачатак XX ст.) // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2024. № 2 (287). С. 5–9.

DOI: 10.52065/2520-6885-2024-287-1.

V. M. Ostroga

Belarusian State Technological University

ISSUES OF NATIONAL EDUCATION IN THE SOCIO-PEDAGOGICAL MOVEMENT OF BELARUS (LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURY)

The article discusses the development of national education in the socio-pedagogical movement of Belarus in the late 19th – early 20th century. Against the background of the conservative educational policy of the tsarist government aimed at Russification of the region, the progressive public, enlightenment figures, teachers, scientists, Practical teachers considered the need for school nation-building in the context of the democratic development of the country as an important direction of reforming public education. The views of progressive educators, writers, publicists, and teachers who defended the idea of not only introducing universal primary education throughout the Russian Empire, but also emphasized the need to create an education system that would take into account local national and cultural traditions and would be conducted in their native language. The reflection of this problem on the pages of the periodic pedagogical movement, as well as the Belarusian newspaper *Nasha Niva*, is shown, the role of teachers in the formation of the national consciousness of Belarusian children is determined. It is emphasized that many journals demonstrated going beyond the traditional pedagogical problems of upbringing and teaching methods, performed an important social role in the organization and integration of the disparate social and pedagogical movement. At the same time, the concept of the Belarusian national school could be realized only in new democratic conditions based on the review of value and qualitative approaches in the field of public education.

Keywords: social and pedagogical movement; National education; teacher, pedagogical press, primary school, national revival.

For citation: Ostroga V. M. Issues of national education in the socio-pedagogical movement of Belarus (late 19th – early 20th century). *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2024, no. 2 (287), pp. 5–9 (In Belarusian).

DOI: 10.52065/2520-6885-2024-287-1.

Уводзіны. У другой палове XIX – пачатку XX ст. накірункі і тэндэнцыі дзяржаўнай адукацыйнай і кадравай палітыкі краіны фарміраваліся ў кантэксце сацыяльна-палітычнага, эканамічнага і культурна-нацыянальнага жыцця. Настаўніцтва, якое на той час складала значную частку інтэлігенцыі Беларусі, з’яўлялася дастаткова разрозненай групай па сацыяльным і нацыянальным паходжанні, сваёй прафесійнай падрыхтоўцы, светапоглядзе і палітыка-ідэалагічных пазіцыях. Але ў гэты час, нягледзячы на рэакцыйную і супярэчлівую палітыку царскага ўрада, пільны кантроль і шматлікія бюракратычныя перашкоды, шырыўся культурна-адраджэнскі і грамадска-педагагічны рух.

Асноўная частка. Газета «Наша ніва» якая выходзіла ў Вільні на працягу 1906–1915 гг., фактычна з’яўлялася першым масавым нацыянальным выданнем і ўнесла значны ўклад у працэс адраджэння культуры беларускага народа і станаўлення яго нацыянальнай свядомасці. На старонках гэтага перыядычнага выдання знайшлі шырокае асвятленне пытанні развіцця пачатковай адукацыі і барацьбы за пашырэнне асветы сярод мясцовага насельніцтва, уключаючы неабходнасць увядзення ўсеагульнай адукацыі.

Важная роля ў арганізацыі навучна-выхаваўчага працэсу адводзілася настаўніцтву. Выкарыстоўваючы свае прафесійныя педагагічныя магчымасці, настаўнікі, як лічылі «нашаніўцы», павінны былі вярнуцца да сваіх родных каранёў і мовы, уключаючы ў працу нацыянальна-культурнага адраджэння, вёсці асветніцкую работу не толькі сярод дзяцей, але і мясцовага насельніцтва. Так, адзін з настаўнікаў Беларусі звяртаўся да сваіх калег – «вучыцеляў» з пытаннем: «Чаму вы так непрыхільна ўзіраецеся на святому працу адраджэння нашага роднага народу? Чаму вас так мала ў радах працаўнікоў гэтай святой ідэі?» Ён крытыкуе погляды розных выкладчыкаў, якія сцвярджалі, што родная мова «ўмёрла, ужо не васкрэсне», альбо перакананне, што «няма патрэбы дзяліцца на колькі нацыянальнасцей, а трэба ўсім нацыям ісці да адной мэты інтэрнацыяналізму». Не губляючы аптымізму і надзеі, ён далей піша: «Душа цешыцца, як чытаеш ім на іх роднай, добра зразумелай мове. Уваходжу ў школу з «Нашай нівай», зараз сціхае гул і праносіцца радасны шэпт: будзе чытаць вучыцель па-просту». Ён часта чытаў сваім вучням байкі, вучыў беларускія вершы і заклікаў

усіх настаўнікаў «не ганьбаваць сваім родным і не сароміцца яго, а любіць ўсёй душой і працаваць» [1, с. 3]. Такім чынам, з вуснаў настаўніка дзеці маглі пачуць надрукаваныя ў газеце беларускія народныя казкі, вершы, легенды, паданні, даведацца пра старонкі гісторыі роднага краю і свежыя падзеі.

У гэтай сувязі тагачасны беларускі паэт і публіцыст С. Палуян пісаў: «...калі на Беларусі з аднаго канца ў другі пракацілася хваля нацыянальнага адраджэння, беларускія настаўнікі аднымі з першых сталі ў шэраг работнікаў народнага вызвалення» [2, с. 42]. Вясковыя «вучыцелі», ураджэнцы Беларусі, уключыліся ў шырокую культурна-асветніцкую дзейнасць сярод мясцовага насельніцтва, асноўнымі накірункамі якой з’яўлялася правядзенне народных чытанняў, арганізацыя выдачы кніжак са школьных бібліятэк, выкладанне дарослым ў нядзельных школах, на адукацыйных курсах, гандаль кнігамі са складоў і інш. [3, с. 74]. Прысланыя ж выкладчыкі ў сярэднія навучальныя ўстановы з цэнтральных рускіх губерняў па зразумелых прычынах аказаліся «зусім няздольнымі служыць беларускаму нацыянальнаму інтарэсу» [4, с. 27].

Канец XIX – пачатак XX ст. – перыяд станаўлення і развіцця педагагічнай журналістыкі як самастойнага грамадскага і сацыяльна-культурнага феномену, сродку выхавання і распаўсюджвання перадавых педагагічных поглядаў і тэорый. У 1909 г. у Пецярбургу ўбачыў свет зборнік настаўнікаў Віцебскага педагагічнага таварыства «Белорусский учитель». Усе пытанні, якія чакалі свайго абмеркавання і асвятлення, фактычна з’яўляліся праграмай грамадска-педагагічнага руху перадавой настаўніцкай інтэлігенцыі: увядзенне ўсеагульнага навучання, рэфармаванне народнай школы, выкарыстанне перадавых метадаў навучання і выхавання, удасканаленне падрыхтоўкі настаўнікаў, арганізацыя культурна-асветніцкай дзейнасці ў вёсцы і інш. Была звернута ўвага на тое, што на працягу апошніх гадоў назіралася «абуджэнне нацыянальнай самасвядомасці беларусаў, заўважаецца імкненне да распрацоўкі і развіцця беларускай мовы, уздымаецца пытанне аб нацыянальнай беларускай школе... аб мове выкладання». Рэдакцыя часопіса заклікала да вырашэння гэтага пытання беларускага настаўніка, якому яно было «найбліжэй» і які павінен выказаць адносна беларускай школы «свой аўтарытэтны погляд».

У гэтай сувязі не мог застацца незаўважаным артыкул С. Русавай «На якой мове вучыць у школах Беларусі». Яна актыўна крытыкавала пазіцыю дзеючай арганізацыі «Белорусское общество» ў Вільні і ўсіх тых, хто лічыў, што «найбольш адпаведнай зброяй культурнай дзейнасці беларускіх арганізацый і культурнага развіцця беларускай народнасці можа з'явіцца толькі руская мова», і сцвярджала, што без сваёй мовы не можа быць і народа. «Голас беларускіх народных настаўнікаў адзін можа праўдзіва адказаць, — пісала яна, — ці патрэбны беларускаму народу школы з выкладаннем на яго сялянскай мове з кнігай, напісанай на ёй» [5, с. 1, 4, 44, 46]. Разам з тым такія публікацыі былі адзінкавымі: звычайна аўтары абыходзілі пытанне пра неабходнасць адкрыцця беларускіх школ і выкладання ў іх на роднай мове.

Заснаваны ў 1890 г. рускім педагогам і гісторыкам Гурэвічам Я. Р. педагагічны часопіс «Русская школа» быў адрасаваны шырокім колам грамадскасці, настаўнікам, дзеячам народнай асветы, бацькам і інш., з аднолькавай увагай адносіўся да ўсіх тыпаў навучальных устаноў і знаходзіўся на дастаткова прагрэсіўных ліберальных пазіцыях. У гэтай сувязі інтарэс уяўляе публікацыя рускага педагога, краязнаўцы, гісторыка літаратуры Залатарова С. А. «Руская мова ў агульнаадукацыйнай школе». Ён падкрэслівае, што вельмі важным з'яўляецца пытанне пра тое, як навучаць дзяцей роднай мове ў будучай дэмакратычнай школе. Адзначаючы каштоўнасць вяртання ёй «належага месца», педагог сцвярджаў, што «роднае слова не толькі прадмет вывучэння, але і найважнейшы сродак навучання; роднае слова служыць глыбокай крыніцай і наймацнейшым рухавіком духоўнага развіцця дзяцей». Акрамя гэтага, заўважалася неабходнасць «уласна жывога слова настаўніка ў выкладанні роднай мовы» (рускай альбо іншых), цікавасць усяго навучальнага курса і непасрэдная яго звязанасць з жыццём і патрэбамі. Аўтар сцвярджаў таксама, што і руская мова павінна заняць сваё пачэснае месца ў вывучэнні і выкладанні на ёй розных прадметаў у агульнаадукацыйнай школе Расіі. Ён падкрэсліваў, што не трэба бачыць у рускай мове пагрозу сваёй самабытнасці, неабходна шукаць «рацыянальныя прыёмы» яе вывучэння ва ўмовах адсутнасці на той час школьных падручнікаў на нацыянальных мовах [6, с. 131, 133, 130].

Я. Колас вядомы не толькі сваёй літаратурнай творчасцю, але і педагагічнай дзейнасцю. Пасля заканчэння Нясвіжскай настаўніцкай семінарыі ў 1902 г. працаваў вясковым народным настаўнікам. Яшчэ падчас навучання ён захапляўся мастацкай літаратурай, збіраў і запісваў фальклорныя творы і этнаграфічныя матэрыялы. Займаючы актыўную грамадзянскую пазіцыю,

быў удзельнікам грамадска-педагагічнага руху і падтрымліваў сувязі з газетай «Наша ніва». Яе рэдактар Уласаў А. М. падтрымаў імкненне мясцовага памешчыка Гардзялкоўскага К. А. адкрыць у адным са сваіх маёнткаў пад Талачынам беларускую школу і параіў на месца настаўніка К. Міцкевіча (потым называў яго «першым беларускім вучыцелем першай беларускай школы»). Як вядома, беларуская мова афіцыйна не прызнавалася і навучанне на ёй забаранялася: усе так званыя «тайныя школы» ўзмоцнена праследаваліся. Але Канстанцін Міхайлавіч з натхненнем уключыўся ў працу: былі набыты ўсе неабходныя вучнёўскія прылады, «Беларускі лемантар», «Першае чытанне для дзяцей беларусаў» і іншая літаратура. У працэсе выкладання самая непасрэдная ўвага ўдзялялася вывучэнню беларускай літаратуры і культуры, роднай прыроды, нават задачкі складаліся на матэрыяле беларускага народнага побыту. Яго былыя вучні ўспаміналі, што і песні ў вольныя хвілінкі спявалі ўсе разам на беларускай мове (напрыклад, «Чаму ж мне не пець» і інш.) [7, с. 41].

Гэтым часам Я. Колас не толькі піша вершы і апавяданні для хлопчыкаў і дзяўчынак, але і падручнік «Другое чытанне для дзяцей беларусаў», які быў выдадзены ў Пецярбургу ў выдавецтве «Загляне сонца і ў наша ваконца» (1909 г.), артыкулы «Аб народным вучыцелю» і «Беларуская мова ў казёнай школе». Для яго літаратурная творчасць стала тым сродкам, дзякуючы якому настаўнік імкнуўся зрабіць уплыў на павышэнне асветы народа, яго нацыянальнай і грамадскай свядомасці. Нягледзячы на тое, што настаўніцкая праца К. Міцкевіча з 18 вучнямі ў в. Сані працягвалася чатыры няпоўныя месяцы — з 8 студзеня да канца красавіка 1908 г., яна «мела гістарычнае значэнне для развіцця беларускай культуры, адукацыі, станаўлення нацыі ўвогуле» [8, с. 66, 68].

Ф. Кудрынскі (літаратурны псеўданім Б. Сцепанец) быў не толькі педагогам (выкладаў у Нясвіжскай настаўніцкай семінарыі і навучальных установах Вільні) і ўдзельнікам грамадска-педагагічнага руху, але і даследчыкам, этнографам і публіцыстам. Ён выдаў некалькі нарысаў, у тым ліку «Беларусы», актыўна публікаваўся на старонках педагагічных часопісаў. У сваім артыкуле «Аб нацыянальным выхаванні» сцвярджаў, што яно «павінна быць нацыянальнае», і «калі народ жадае з гонарам выконваць сваю ролю ў гісторыі, ён не можа адрачыся ад сваёй народнасці, пад апаскай адмовіцца і ад сваёй гістарычнай ролі і быць паглынутым іншымі народамі». Ён падкрэсліваў: «...калі народ жадае быць жывым і моцным, ён павінен фармаваць духоўныя сілы маладога пакалення абавязкова на глебе нацыянальнай». У гэтай няпростай справе вельмі

важную ролю адводзіў «айчыннай мове – сэрцу народа», а таксама асобе настаўніка – душы школы – і яго «педагагічнаму ўмельству развіваць душу дзяцей у спецыяльным, нацыянальным накірунку» [9, с. 203].

Але, як падкрэслівалі сучаснікі, у большасці ж выпадкаў «нацыянальнае пачуццё настаўніка... асабліва беларуса, моцна было задушана, у большасці было атулена як-бы летаргічным сном» [10, с. 138]. А менавіта ён, як прадстаўнік інтэлігенцыі, у першых радах павінен быў уключацца ў справу нацыянальнага адраджэння, выхоўваць у свядомасці мясцовага грамадства нацыянальныя каштоўнасці адукацыі. Важнымі рычагамі ў рэалізацыі гэтай справы і актывізацыі грамадскай дзейнасці настаўнікаў становілася распаўсюджванне прагрэсіўнай літаратуры, наяўнасць актуальных матэрыялаў у педагагічным друку, наладжванне краязнаўчай работы, удзел у адукацыйных экскурсіях, педагагічных нарадах і форумах, а таксама самаадукацыя. Для правядзення выхаваўчай і нацыянальна-асветніцкай работы сярод дзяцей і мясцовага насельніцтва настаўнік павінен быў сам усвядоміць яе патрэбу і праявіць жаданне, а для гэтага ведаць гісторыю беларускага краю, асаблівасці і дасягненні матэрыяльнай і духоўнай культуры народа, яго фальклор, традыцыі, звычкі, менталітэт, народныя святы і інш.

Значнай праявай грамадска-педагагічнага руху ў разглядаемы перыяд з'яўляліся настаўніцкія сходы (з'езды), якія аб'ядноўвалі перадавых «вучачых» і выконвалі найважнейшую прафесійную функцыю абмену вопытам працы, фарміравання навуковай свядомасці, а таксама новых узораў педагагічнай культуры, асновай якой становіліся грамадзянская адказнасць і дэмакра-

тызацыя ўсёй школьнай сістэмы. 25 мая 1907 г. на сходзе ў Вільні быў створаны Беларускі настаўніцкі саюз. Прынятая праграма вызначала асноўныя накірункі яго дзейнасці: барацьбу за перабудову школы на новых, дэмакратычных пачатках, увядзенне ў школах навучання на роднай мове, а таксама незалежнасць школы і настаўніцтва ад рознага начальства [11, с. 6]. Першы Усерасійскі сход па народнай адукацыі асуджаў русіфікатарскую палітыку ў нацыянальных ускраінах і прыняў больш як 20 рэзалюцый адносна розных нацыянальных навучальных устаноў. Не былі абдзелены ўвагай і праблемы развіцця беларускай школы. Упершыню ў гісторыі агульнарасійскага грамадска-педагагічнага руху на такім высокім узроўні прагрэсіўная частка настаўніцтва выказалася на карысць роднай мовы выкладання ў «инородческой» школе. Уступкі ў галіне народнай асветы, якія вымушаны быў зрабіць ўрад для нярускіх народнасцей падчас і пасля рэвалюцыі 1905–1907 гг., не распаўсюджваліся на ўжыванне беларускай мовы [12, с. 242, 161]. І толькі незадоўга да пачатку 1914/1915 навучальнага года царскія ўлады далі дазвол на адкрыццё беларускамоўных школ [4, с. 31].

Заклучэнне. Такім чынам, ажыўленне культурна-адраджэнскага руху патрабавала пошуку ўласных нацыянальных ідэалаў і каштоўнасцей у сістэме асветы, арганізацыі працы ў навучальных установах на роднай мове. Аднак царскі ўрад, праводзячы палітыку русіфікацыі краю і абапіраючыся на афіцыйную ўстаноўку «адна нацыя – адна дзяржава», нацыянальную адукацыю і барацьбу мясцовага настаўніцтва за фарміраванне нацыянальнай самасвядомасці нашага народа разглядаў як істотную перашкоду ў рэалізацыі сваёй кансерватыўнай палітыкі.

Спіс літаратуры

1. Арол М. З нашага жыцця // Наша ніва. 1912. 21 чэрвеня. С. 3.
2. Палуян С. Лісты ў будучыню. Проза. Публіцыстыка. Крытыка. Мінск: Мастацкая літаратура, 1986. 215 с.
3. Багдановіч А. І. Навуковая і культурна-асветніцкая дзейнасць інтэлігенцыі Беларусі (1861–1900). Мінск: БНТУ, 2012. 153 с.
4. Андрэева Е. Г., Лыч Л. М. У пошуках уласнага шляху: ідэя беларускай школы напачатку XX ст. // Адукацыя і выхаванне. 2000. № 2. С. 26–31.
5. Белорусский учитель. СПб., 1909. Вып. 1. 65 с.
6. Золотарев С. Русский язык в общеобразовательной школе // Русская школа. 1908. № 10. С. 117–131.
7. Калоса І. І. Якуб Колас – народны настаўнік // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1972. № 1. С. 40–41.
8. Салаўёва Н. В. Якуб Колас і Віцебшчына: «першы беларускі вучыцель першай беларускай школы» // Адукацыя на Віцебшчыне: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы рэспублік. навук.-практ. канф., Віцебск, 30–31 сак. 2010 г. / Віцебскі дзярж. ун-т, рэдкал.: В. У. Акуневіч адк. рэд. [і інш.]. Віцебск: УА «ВДУ імя П. М. Машэрава», 2010. С. 65–69.
9. Степанец Б. О национальном воспитании // Народное образование в Виленском учебном округе. 1909. № 5. С. 203–206.

10. Троська Я. Некоторые моменты из дарэвалюцыйнае асветы на тэрыторыі Магілёўшчыны // *Полымя*. 1926. № 1. С. 128–141.
11. З Беларусі і Літвы (ад нашых карэспандэнтаў) // *Наша ніва*. 1907. 8 чэрвеня. С. 6.
12. Снапковская С. В. Развитие образования и педагогической мысли Беларуси во второй половине XIX – начале XX вв. М.: Старицкая тип., 2011. 308 с.

References

1. Arol M. From our life. *Nasha niva* [Our field], 1912, 21 June, p. 3 (In Belarusian).
2. Paluyan S. *Listy u buduchynyu. Proza. Publitsystyka. Krytyka* [Letters to the future. Prose. Journalism. Criticism]. Minsk, Mastatskaya litaratura Publ., 1986. 215 p. (In Belarusian).
3. Bagdanovich A. I. *Navukovaya i kul'turna-asvetnitskaya dzeynasts' intelligentsyi Belarusi (1861–1900)* [Scientific and cultural and educational activities of the intelligentsia of Belarus (1861–1900)]. Minsk, BNTU Publ., 2012. 153 p. (In Belarusian).
4. Andreeva E. G., Lych L. M. In search of one's own path: the idea of the Belarusian school at the beginning of the XXth century. *Adukatsyya i vykhavanne* [Education and upbringing], 2000, no. 2, pp. 26–31 (In Belarusian).
5. *Belorusskiy uchitel'* [Belarusian teacher]. St. Petersburg, 1909, Issue 1. 65 p. (In Russian).
6. Zolotarev S. Russian language in comprehensive school. *Russkaya shkola* [Russian school], 1908, no. 10, pp. 117–131 (In Russian).
7. Kalosha I. I. Yakub Kolas is a national teacher. *Pomniki gistoryi i kul'tury Belarusi* [Monuments of the history and culture of Belarus], 1972, no. 1, pp. 40–41 (In Belarusian).
8. Salaueva N. V. Yakub Kolas and Vitebsk region: «the first Belarusian teacher of the first Belarusian school». *Adukatsyya na Vitsebshchynе: gistoryya i suchasnasts': materyyaly respublikanskay navukova-praktychnay kanferentsyi* [Education in Vitebsk region: history and present: materials of the republican scientific and practical conference]. Vitsyebsk, 2010, pp. 65–69 (In Belarusian).
9. Stepanets B. About national education. *Narodnoye obrazovaniye v Vilenskom uchebnom okruge* [Public education in the Vilnius educational district], 1909, no. 5, pp. 203–206 (In Russian).
10. Tros'ka Ya. Some moments of pre-revolutionary education in Mogilev region. *Polymya* [Flame], 1926, no. 1, pp. 128–141 (In Belarusian).
11. From Belarus and Lithuania (from our correspondents). *Nasha niva* [Our field], 1907, 8 June, p. 6 (In Belarusian).
12. Snapkovskaya S. V. *Razvitiye obrazovaniya i pedagogicheskoy mysli Belarusi vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [Development of education and pedagogical thought in Belarus in the second half of the 19th – early 20th century]. Moscow, Staritskaya tip. Publ., 2011. 308 p. (In Russian).

Інфармацыя пра аўтара

Астрога Валянціна Міхайлаўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Свядлова, 13а. Рэспубліка Беларусь). E-mail: ostroga@belstu.by

Information about the author

Ostroga Valentina Mikhailovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: ostroga@belstu.by

Пасмыніў 14.09.2024

УДК 614.842.83(476)(091)

Г. В. Алексашина, Т. В. Воронич

Белорусский государственный экономический университет

ПОЖАРНАЯ ОХРАНА В ГОРОДАХ БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

В конце XIX – начале XX в. в белорусском регионе активно происходили процессы урбанизации. Развивалась городская инфраструктура: телефонная и телеграфная связь, городской транспорт, водопровод, канализация и многое другое. Однако большой бедой для городов по-прежнему оставались пожары, приводившие к большим разрушениям и убыткам. В течение рассматриваемого периода проблема организации и деятельности пожарной охраны продолжала сохранять свою актуальность. Денежные средства, выделяемые из городских бюджетов на развитие пожарного дела городов, были недостаточными. Крайне тяжелыми были материальное положение и жилищные условия членов пожарных команд и их семей. Увеличение же численности пожарных за этот период происходило лишь благодаря деятельности вольных пожарных обществ. Материально-техническая оснащенность вольных пожарных дружин также значительно превосходила городские пожарные команды. Основная ответственность за обеспечение пожарной охраны по-прежнему лежала на самих горожанах и, фактически, являлась их натуральной повинностью. Тем не менее позитивные изменения в организации и деятельности пожарной охраны городов происходили. Постепенно шла модернизация оснащенности городских пожарных команд, на вооружении команд появлялись новые современные виды пожарно-спасательной техники и оборудования.

Ключевые слова: пожарная охрана, пожары, города Беларуси, конец XIX – начало XX в.

Для цитирования: Алексашина Г. В., Воронич Т. В. Пожарная охрана в городах Беларуси в конце XIX – начале XX в. // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2024. № 2 (287). С. 10–16. DOI: 10.52065/2520-6885-2024-287-2.

G. V. Aleksashina, T. V. Voronich

Belarusian State University of Economics

**FIRE PROTECTION IN THE CITIES OF BELARUS
AT THE END OF THE 19 – BEGINNING OF THE 20TH CENTURY**

In the late 19th – early 20th century, urbanization processes were actively taking place in the Belarusian region. Urban infrastructure was developing: telephone and telegraph communications, urban transport, water supply, sewerage and much more. However, fires, which led to great destruction and losses, remained a big problem for cities. During the period under consideration, the problem of organization and activity of fire protection continued to be topical. The money allocated from the city budgets for the development of firefighting in the cities was insufficient. The financial situation and living conditions of the fire brigade members and their families were extremely difficult. The increase in the number of firefighters during this period occurred only due to the activities of free firefighting societies. The material and technical equipment of fire brigades was also far superior to the city fire departments. The main responsibility for the provision of fire protection still rested on the townspeople themselves and, in fact, was their natural duty. Nevertheless, positive changes in the organization and activities of the fire protection of cities were taking place. Gradually there was modernization of equipment of city fire departments, new modern types of fire-rescue equipment and machinery appeared in the armament of the brigades.

Keywords: fire protection, fires, cities of Belarus, late 19th – early 20th century.

For citation: Aleksashina G. V., Voronich T. V. Fire protection in the cities of Belarus at the end of the 19th – beginning of the 20th century. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2024, no. 2 (287), pp. 10–16 (In Russian).

DOI: 10.52065/2520-6885-2024-287-2.

Введение. В конце XIX – начале XX в. в белорусском регионе активно происходили процессы урбанизации. Развивалась городская инфраструктура: телефонная и телеграфная связь, городской транспорт, водопровод, канализация

и многое другое. Однако большой бедой для городов по-прежнему оставались пожары, приводившие к большим разрушениям и убыткам. Большинство строений в городах были деревянные, а покрытие крыш – деревянное и соломенное.

Первоначально за обеспечение пожарной безопасности в городах и уездах Российской империи отвечали полицейские органы, привлекались к тушению пожаров расквартированные в городах воинские части и гарнизоны. Городские пожарные команды начали создаваться в начале XIX в.

Целью данной статьи является анализ обеспеченности городов Беларуси пожарными командами и пожарным инвентарем, находившимся в их распоряжении, в конце XIX – начале XX в. Для достижения данной цели были поставлены задачи: проанализировать численность пожарных команд в городах Беларуси (городских и добровольных), выявить основные пожарные инструменты, принадлежавшие командам, провести сравнительный анализ численности пожарных команд и пожарного инвентаря по городам губерний Беларуси. Данная научная проблема недостаточно изучена в отечественной историографии, что актуализирует исследование. Историю становления и развития пожарной службы в Беларуси с момента ее зарождения до сегодняшних дней изучает В. И. Яковчук [1, 2]. А. А. Готин рассматривает вопросы организации пожарного дела в Минске и городах Минской губернии в первой половине XIX века [3]. Организация пожарных команд исследуются историками на примере отдельных городов (А. В. Бобрик) [4]. Вместе с тем полной картины деятельности пожарных команд в городах Беларуси эти исследования не дают, вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

В качестве предмета изучения были выбраны города пяти губерний: Гродненской, Виленской, Витебской, Минской и Могилевской, территории которых полностью либо преимущественно входят в состав современной Беларуси.

Основная часть. Одной из самых острых и злободневных проблем городов рассматриваемого периода была пожарная безопасность. В соответствии с таблицей, составленной Пензенским союзом городских обществ взаимного страхования от огня, Витебск, например, был отнесен к городам с чрезвычайно опасной пожарной ситуацией. Более 90% всех домов и 87% крыш были деревянными. По этим показателям Витебск «обогнал» даже сибирские города. В европейской части Российской империи деревянные здания составляли только 2/3, а покрыто деревом и соломой было 26% всех жилых строений. Ситуация усугублялась и тем, что в силу исторически сложившейся застройки и рельефа большинство улиц города были кривыми и узкими – 5–11 сажень в ширину, а тротуары покрыты деревом. Даже Вокзальная улица, соединявшая железнодорожный вокзал с центром города, в ширину составляла не более шести сажень. Кроме того, Витебск, особенно его окра-

ины, был застроен достаточно тесно. Многие арендаторы городской земли вследствие высокой арендной платы стремились на небольшом участке земли возвести как можно большее количество построек. К тому же строительство велось с нарушением норм пожарной безопасности [5]. Подобная ситуация была характерна для всех городов.

Пожары становились событием для всего города и привлекали множество любопытных. Жизнь в городе во время пожаров замирала, магазины и лавки закрывались, улицы пустели. Ситуацией пользовались разного рода воры и мошенники, которые грабили оставленные без присмотра дома и магазины, пока их владельцы глазели на пожар. В 1904 г. Витебская городская управа даже советовала жителям не собираться на места пожаров, а охранять свои дома от огня, а имущество от возможного грабежа.

Пожары возникали в основном по вине самих домовладельцев и главной причиной было возгорание саж в дымоходах и неосторожное обращение с огнем. Пожары становились стихийным бедствием для всех горожан, уничтожая целые кварталы города. Во время одного из крупнейших пожаров 24 июля 1901 г. в Витебске огнем было уничтожено 1217 строений, в том числе 20 каменных. Без крыши над головой осталось 843 семьи из 4623 человек. Кроме того, в городе за этот же год произошло еще 20 небольших пожаров. Убыток от огня за 1901 г. составил 1 276 995 руб.

Неблагоприятная пожарная ситуация значительно актуализировала вопросы организации и деятельности пожарной охраны в городах рассматриваемого периода. Пожарные команды были двух типов: постоянные (городские или полицейские) и вольные пожарные команды. К постоянным пожарным командам относились команды, имевшие неизменный комплект пожарных инструментов и лошадей, а также подготовленных к пожарной службе людей. Вольные пожарные команды собирались по мере необходимости из местных жителей или служащих и рабочих в учреждениях, предприятиях и т. д. (железнодорожные, заводские, военные, частные и др.). К их созданию подтолкнула деятельность Соединенного Российского пожарного общества, основанного в 1893 г. Главной задачей этого общества было объединение действий уже существующих вольных пожарных команд и открытие новых в разных регионах Российской империи. С 1894 г. общество начало издавать журнал «Пожарное дело».

В 1896 г. был издан «Нормальный устав городских добровольных пожарных обществ». Уже в год опубликования устава образовались около 40 таких обществ. В городах Беларуси

тоже создавались добровольные пожарные общества, например, в Гомеле (1896 г.), Бресте (1897), Гродно (1898).

Деятельность городских пожарных обществ не ограничивалась только тушением возникавших пожаров. Их обязанностью был также контроль за соблюдением горожанами правил пожарной безопасности. В случае выявленных нарушений общества имели право обращаться в полицию для привлечения виновников к ответственности.

К подбору кадров в пожарные команды относились очень серьезно. Главными критериями были здоровье, выносливость, смелость, сообразительность. Наличие этих качеств считалось основным условием успешных действий пожарных команд.

В 1897 г. был утвержден устав Всероссийского общества взаимопомощи пожарных деятелей – «Общество Голубого Креста». Цель общества – оказание материальной помощи пожарным и их семьям в случае потери трудоспособности или смерти от несчастных случаев либо при исполнении служебных обязанностей, содействие членам общества в страховании от несчастных случаев.

В большинстве городов Российской империи (за исключением Петербурга, Москвы и Варшавы) дело противопожарной обороны находилось на неудовлетворительном уровне. Средства, выделяемые на организацию пожарной безопасности, были мизерными.

В соответствии с Городовым положением 1870 и 1892 гг. расходы на содержание пожарных команд относились к первоочередным статьям бюджета городов. В 1875 г. на содержание пожарных команд было выделено 23% городских средств (100,5 тыс. руб.). К 1912 г. суммарные расходы городов увеличились более чем в 14 раз и составили 6949,5 тыс. руб. Но при этом расходы на содержание пожарной части городов увеличились в три раза и составили всего 4% (275,3 тыс. руб.) всех расходов [6]. Средства, выделяемые на организацию и деятельность пожарной охраны городов, были недостаточными.

В рассматриваемый период происходило существенное увеличение численности пожарных в городах Беларуси. Так, например, в городах Гродненской губернии в 1895 г. тушением пожаров занимались 84 человека. К 1913 г. численность состава пожарных команд и добровольных пожарных обществ увеличилась почти в 10 раз и составила 842 человека [7, 8].

Значительный рост численности пожарных произошел в связи с открытием в городах Вольных пожарных обществ.

В тех городах, в которых отсутствовали городские пожарные команды, содержащиеся за счет средств городов, проблему пожарной безопасности вполне успешно решали вольные пожарные общества и их пожарные дружины.

Вольные пожарные общества располагали достаточным количеством дружинников, были обеспечены необходимым пожарно-техническим вооружением и оборудованием. К 1913 г. практически во всех городах исследуемых губерний действовали либо городские пожарные команды, либо дружины вольных пожарных обществ. Причем последние по численности составляли большую часть всех пожарных.

В городах Виленской губернии численность пожарных с 1895 по 1912 г. увеличилась в 14 раз со 126 до 1798 человек, из которых 1193, т. е. свыше 2/3, работали под эгидой вольных пожарных обществ [9, 10].

В городах Витебской губернии число пожарных с 1895 по 1907 г. увеличилось с 1003 до 1319 человек (в 1,3 раза). Доля добровольных дружин в городах Витебской губернии составляла: в 1895 г. – 87,1%, 1906 г. – 89,7% [11, 12]. В городах Минской губернии в 1895 г. было 39 пожарных, а в 1913 г. – 258, т. е. их число увеличилось в 6,6 раза [13, 14]. Число пожарных, занятых в добровольных дружинах, в городах Могилевской губернии с 1895 по 1904 г. возросло в 1,3 раза, с 1226 до 1635 человек [15, 16].

Пожарные команды имели определенный набор пожарного оборудования и техники. В их распоряжении, как правило, находились лошади с упряжью, дроги (длинные повозки без кузова), пожарные трубы с рукавами, бочки, ведра, лестницы, багры и крюки, топоры и ломы.

По данным Центрального статистического комитета МВД Российской империи, в снаряжении пожарных команд в городах Беларуси в 1904 г. было 367 насосов и машин и 882 бочки, в 1910 г. – 415 и 1111, соответственно, т. е. количество насосов и машин возросло на 13%, а бочек – на 26% (см. таблицу). Наибольшим количеством насосов и машин в 1904 г. располагали пожарные команды в городах Гродненской губернии (92), а наименьшим – в Виленской (45). В 1910 г. по количеству насосов и машин по-прежнему лидировали команды в городах Гродненской губернии (115), а наименьшее их число отмечалось опять у команд в городах Виленской губернии.

Наибольшее число бочек для воды было в 1904 г. у пожарных в городах Минской губернии (258), наименьшее – в городах Виленской губернии (113). В 1910 г. больше всего бочек было в распоряжении пожарных команд в городах Минской губернии (310), а наименьшее их число – в городах Могилевской губернии (151).

В целом количество насосов, машин и бочек для воды в распоряжении городских пожарных команд возросло во всех губерниях за исключением Витебской, где немного сократилось количество насосов и машин, и Могилевской, где сократилось число бочек для воды.

**Число пожарных инструментов, принадлежащих пожарным командам в городах Беларуси,
их изменение в 1910 г. по сравнению с 1904 г.**

Губерния	1904 г.		1910 г.		1910 г. к 1904 г., %	
	Насосов и машин	Бочек	Насосов и машин	Бочек	Насосов и машин	Бочек
Виленская	45	113	58	178	+29,0	+58,0
Витебская	76	142	74	163	–3,0	+15,0
Гродненская	92	214	115	309	+25,0	+44,0
Минская	88	258	99	310	+13,0	+20,0
Могилевская	66	155	69	151	+5,0	–3,0
<i>Всего</i>	367	882	415	1111	+13,0	+26,0

Примечание. Составлено по источникам [17, с. 75–77, 18, с. 85–87].

Пожарные команды, оснащенные современным инвентарем и машинами для тушения пожаров, действовали, как правило, только в губернских городах. Так, в Вильне уже в 1893 г. была приобретена паровая машина стоимостью 4,2 тыс. руб. К 1911 г. в распоряжении минской городской пожарной команды был паровой насос, позволявший тушить огонь в высоких зданиях, раздвижные лестницы, достигавшие 3-го этажа, речной насос [19, с. 118].

В остальных же городах «средства для тушения пожаров весьма скромные и немногочисленные», «далеко недостаточны для того, чтобы, в случае пожара, действовать с успехом».

Для обеспечения пожарной безопасности в городах нанимались пожарные сторожа, которые выполняли иногда обязанности и ночных городских сторожей. Содержание ночных сторожей относилось к натуральной повинности горожан. В случае каких-либо происшествий, возникшего пожара сторожа в первую очередь сообщали об этом владельцу дома, затем соседям, а после вызывали полицию и пожарных.

В большинстве случаев сторожа не оправдывали своего назначения. По словам жителей Витебска «сторожа просиживали в укромных уголках, ...преспокойно отдаваясь безмятежному сну, узнавая о происшедшем только тогда, когда оно сделалось гласным». Кроме того, многим сторожам не было даже известно место жительства членов пожарной команды, поэтому начинавшийся пожар в городе всегда замечали только с городской каланчи.

Также в тех городах, в которых отсутствовали постоянно действующие пожарные команды, лошадей во время пожаров для подвоза воды и инвентаря поставляли сами жители. За предоставляемые услуги горожане получали установленную плату от городских управ.

Однако в городах главная ответственность за пожарную охрану возлагалась все же на самих горожан. Для пожарной безопасности у ворот домов также ставились кадки с водой, багры и швабры-помелы, т. е. основная нагрузка по обес-

печению пожарной безопасности лежала на самих горожанах.

Несмотря на острую необходимость в развитии пожарного дела, техническое оснащение пожарных команд модернизировалось довольно медленно.

На рубеже XIX–XX вв. одним из наименее оснащенных по сравнению с другими городами изучаемых губерний в противопожарном отношении был Витебск. Состав пожарного обоза в Витебске был утвержден еще в 1854 г. и с тех пор ни разу не пересматривался. В 1904 г. в Витебске насчитывалось чуть более 20 пожарных насосов и бочек. Могилев и Гродно, которых Витебск по количеству населения и сумме годового бюджета опережал почти в два раза, имели соответственно 36 и 33 насосов и бочек. В некоторой степени улучшилась ситуация с проведением водопровода, на линии которого было устроено 139 пожарных кранов. Пожарные краны помещались в деревянных высмоленных колодцах, которые закрывались чугунной крышкой. На ближайших домах были прибиты красные таблички, где указывалось местоположение и расстояние до пожарных кранов для того, чтобы их можно было найти зимой под снегом. В соответствии с договором, заключенным между городом и владельцами водопровода, вода во время пожаров поставлялась в неограниченном количестве. Стоимость ее составляла половину той суммы, которую городское управление платило домовладельцам. Но так как водопровод был проложен по центральному улицам города, то и водой во время пожаров были обеспечены только они.

В случае пожара на городской каланче, где дежурил часовой, ударяли в набат и подавали сигнал той части города, в которой произошло возгорание. В дневное время вывешивались шары, а в ночное – фонари.

Городская управа Витебска вместо улучшения материальной оснащенности пожарных и увеличения их заработной платы, предложила домовладельцам поставить емкости с водой на крышах и чердаках домов, а в сухое время года поливать крыши и заборы водой.

Пожарные постоянно использовались для решения многих других вопросов городской жизни. Минская городская пожарная команда с момента своего основания в 1864 и до 1906 г. состояла в ведении полиции. Такое подчинение неблагоприятно отражалось на ее состоянии. Пожарные часто использовались на других работах, выполняли обязанности дворников: убрали улицы, вывозили снег. В 1905 г. городская думская комиссия, проводившая смотр команды, доложила, что из 40 человек только 10 находились на тушении пожара. Остальные 30 занимались посторонними делами.

Малоизученным является вопрос о материальном положении членов пожарной команды. Пожарные самоотверженно выполняли свой долг, получая при этом мизерное жалованье. В Витебске, например, жалованье с выплатой на обмундирование в 1898 г., составляло не более 170 руб. в год на человека. В Минске же в 1890-х гг. заработная плата членов городской пожарной команды составляла 12–15 руб. в месяц. В начале XX в. после перехода команды в ведение города (1906 г.) оклады пожарных несколько увеличились и составили уже от 15 до 18 руб. в месяц [19, с. 117–118]. В то же время цены на продукты питания в Минске в 1907 г. составляли за фунт (0,409 кг): хлеб ржаной – 3,3 коп., пшеничный 1-го сорта – 7 коп., пшеничный 2-го сорта – 5 коп., мясо 2-го сорта – 13 коп., сливочное масло – 30 коп., крупа гречневая – 5 коп., мука ржаная – 3,75 коп., картофель – 0,62 коп. [20, л. 101].

О тяжелом материальном положении пожарных свидетельствуют их жилищные условия. В Минске для пожарной команды было выделено здание под жилье. В нем находились как отдельные квартиры для членов команды с семьями, так и несколько помещений казарменного типа. И хотя жилье предоставлялось пожарным бесплатно, его размеры совершенно не отвечали санитарным нормам. Так, в помещении, рассчитанном на 40 человек, размещался в 1896 г. 131 человек [21, л. 143]. В 1910 г. брандмейстер пожарной команды Сайковский с семьей из 5 человек жил в квартире с тремя жилыми комнатами,

кухней и прихожей общей площадью 71,4 м². Часть помещения семья сдавала квартиранту. Помощник брандмейстера Саричин с пятью членами семьи занимал однокомнатную квартиру с кухней общей площадью 35,0 м². В однокомнатной квартире с кухней общей площадью 35,2 м² проживали две семьи пожарных Тарбута с девятью членами семьи и Татарицкого с тремя членами семьи [22, л. 4–5, 12].

Некоторые члены пожарной команды занимали отдельные комнаты. Так, пожарный Пищалко с семьей из двух человек размещался в комнате площадью 18,9 м², служившей также кухней. Семья еще и сдавала угол квартиранту. Семья пожарного Сидоровича (6 человек) жила в одной комнате площадью 9,2 м². В таких же условиях находились еще четыре семьи пожарных. Часть помещений в доме для пожарных были казарменного типа. Четыре семьи пожарных (20 человек) находилось в одном жилом помещении площадью 174,0 м². Еще четыре семьи (13 человек) проживали в комнате площадью 58,6 м². Шесть семей (20 человек) размещались в комнате площадью 103,0 м².

Заключение. Таким образом, в течение рассматриваемого периода проблема организации и деятельности пожарной охраны продолжала сохранять свою актуальность. Денежные средства, выделяемые из городских бюджетов на развитие пожарного дела городов, были недостаточными. Увеличение же численности пожарных за этот период происходило лишь благодаря деятельности вольных пожарных обществ. Материально-техническая оснащенность пожарных дружин также значительно превосходила городские пожарные команды. Основная ответственность за обеспечение пожарной охраны по-прежнему лежала на самих горожанах и, фактически, являлась их натуральной повинностью.

Тем не менее позитивные изменения в организации и деятельности пожарной охраны городов происходили. Постепенно шла модернизация оснащенности городских пожарных команд, на вооружении команд появлялись новые современные виды пожарно-спасательной техники и оборудования.

Список литературы

1. Яковчук В. И. Пожарная служба Беларуси: история развития. Минск: БГПУ, 2005. 419 с.
2. Страницы истории пожарной службы Беларуси / сост.: А. В. Тетерник, В. И. Яковчук. Минск: Тэхналогія, 2013. 191 [1] с.
3. Готин А. А. Организация пожарного дела в городах Минской губернии в 1793–1853 гг. [Электронный ресурс]: документы и материалы: сб. [Минск: б. и., 2013?]. 1 эл. опт. диск (DVD-ROM).
4. Организация пожарной команды г. Гомеля во второй половине XIX века / А. В. Бобрик // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук: сб. науч. ст. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию МГУ им. А. А. Кулешова, 18–19 апр. 2013 г. Могилев, 2013. С. 68–69.
5. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ) Ф. 134. Оп. 1. Д. 697.
6. Воронич Т. В. Доходы и расходы городов Беларуси (1875–1912 гг.) / Весці БДПУ: штоквартальны навука.-метада. часопіс. 2022. № 2. С. 50–55.

7. Обзор Гродненской губернии за 1895 год. Гродно: Губ. тип., [1896]. 8, 173, [83] с., табл. Ведомость об устройстве пожарной части в Гродненской губернии за 1895 г.
8. Обзор Гродненской губернии за 1913 год. Гродно: Губ. тип., 1914. [4], 115, [145] с., табл. Ведомость об устройстве пожарной части в Гродненской губернии за 1913 г.
9. Обзор Виленской губернии за 1895 год. Вильна: Губ. тип., [1896]. [4], 73, [37] с. О состоянии пожарной части в Виленской губернии, за 1895 г.
10. Обзор Виленской губернии за 1912 год. Вильна: Губ. тип., [1913]. [5], 100, [69] с. О состоянии пожарной части в Виленской губернии, за 1913 г.
11. Обзор Витебской губернии за 1895 год. Витебск: Губернская типография, 1896. 113 с., [53] л., табл. Ведомость о состоянии пожарной части в Витебской губернии за 1895 г.
12. Обзор Витебской губернии за 1906 год. Витебск: Губернская типография, 1907. III, 109 с., [95] л., табл. Ведомость о состоянии пожарной части в Витебской губернии за 1906 г.
13. Обзор Минской губернии за 1895 год. Минск: Губ. тип., 1896. [2], 54, [52] с. Ведомость о состоянии пожарной части в Минской губернии за 1895 г.
14. Обзор Минской губернии за 1913 год. Минск: Губ. тип., 1914. 72, [21] с. Ведомость о состоянии пожарной части в Минской губернии за 1913 г.
15. Обзор Могилевской губернии за 1895 год. Могилев на Днепре, 1896. [4], 57, [199] с., табл. Ведомость о добровольных пожарных обществах в Могилевской губернии за 1895 г.
16. Обзор Могилевской губернии за 1904 год. Могилев: Тип. Губ. правления, 1905. [6], 100, [240] с., табл. Ведомость о добровольных пожарных обществах в Могилевской губернии за 1904 г.
17. Города России в 1904 году. СПб.: Типо-лит. Ныркина, 1906. 907 с.
18. Города России в 1910 году. СПб.: Типо-лит. Ныркина, 1914. 1200 с.
19. Шибeko З. В., Шибeko С. Ф. Минск: страницы жизни дореволюционного города. Минск: Пoлyмyя, 1990. 352 с.
20. НИАБ. Ф. 311. Оп. 1. Д. 36.
21. НИАБ. Ф. 21. Оп. 1. Д. 77.
22. НИАБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4828.

References

1. Yakovchuk V. I. *Pozharnaya sluzhba Belarusi: istoriya razvitiya* [The Fire Service of Belarus: the history of development]. Minsk, BGPU Publ., 2005. 419 p. (In Russian).
2. *Stranitsy istorii pozharной sluzhby Belarusi*. Comp.: A. V. Teternik, V. I. Yakovchuk [Pages of the history of the fire service of Belarus]. Minsk, Tekhnologiya Publ., 2013. 191 [1] p. (In Russian).
3. Gotin A. A. *Organizatsiya pozharnogo dela v gorodakh Minskoy gubernii v 1793–1853 gg.: dokumenty i materialy: sbornik* [Organization of fire fighting in the cities of the Minsk province in 1793–1853: documents and materials: collection]. Minsk, 2013. One electronic optical disc (DVD-ROM) (In Russian).
4. Bobrik A. V. Organization of the Gomel fire brigade in the second half of the XIX century. *Aktual'nyye problemy sotsial'no-gumanitarnykh nauk: sbornik nauchnykh statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu MGU im. A. A. Kuleshova* [Current problems of social sciences and humanities: collection of scientific articles of the international scientific and practical conference dedicated to the looth anniversary of Moscow State University named after A. A. Kuleshov]. Mogilev, 2013, pp. 68–69 (In Russian).
5. *Natsional'nyy istoricheskiy arkhiv Belarusi (NIAB)* [National Historical Archive of Belarus (NHAB)]. Fund 134. I. 1. F. 697.
6. Voronich T. V. Incomes and expenses of the cities of Belarus (1875–1912). *Vestsi BDPU* [BSPU Bulletin], 2022, no. 2, pp. 50–55 (In Russian).
7. *Obzor Grodnenskoй gubernii za 1895 g.* [Overview of the Grodno province in 1895]. Grodno, Gub. tip. Publ., [1896]. 8, 173, [83] p. (In Russian).
8. *Obzor Grodnenskoй gubernii za 1913 g.* [Overview of the Grodno province in 1913]. Grodno, Gub. tip. Publ., 1914. [4], 115, [145] p. (In Russian).
9. *Obzor Vilenskoy gubernii za 1895 g.* [Overview of the Vilna province in 1895]. Vil'na, Gub. tip. Publ., [1896]. [4], 73, [37] p. (In Russian).
10. *Obzor Vilenskoy gubernii za 1912 g.* [Overview of the Vilna province in 1912] Vil'na, Gub. tip. Publ., [1913]. [5], 100, [69] p. (In Russian).
11. *Obzor Vitebskoй gubernii za 1895 g.* [Overview of the Vitebsk province in 1895]. Vitebsk, Gubernskaya tipografiya Publ., 1896. 113 p., [53] l (In Russian).

12. *Obzor Vitebskoy gubernii za 1906 g.* [Overview of the Vitebsk province in 1906]. Vitebsk, Gubernskaya tipografiya Publ., 1907. III, 109 p., [95] l (In Russian).
13. *Obzor Minskoy gubernii za 1895 g.* [Overview of the Minsk province in 1895]. Minsk, Gub. tip. Publ., 1896. [2], 54, [52] p. (In Russian).
14. *Obzor Minskoy gubernii za 1913 g.* [Overview of the Minsk province in 1895]. Minsk, Gub. tip. Publ., 1914. 72, [21] p. (In Russian).
15. *Obzor Mogilevskoy gubernii za 1895 g.* [Review of the Mogilev province in 1904]. Mogilev na Dnepre, 1896. [4], 57, [199] p. (In Russian).
16. *Obzor Mogilevskoy gubernii za 1904 g.* [Review of the Mogilev province in 1904]. Mogilev, Tip. Gub. Pravleniya Publ., 1905. [6], 100, [240] p. (In Russian).
17. *Goroda Rossii v 1904 g.* [Cities of Russia in 1904]. St. Petersburg, Tipo-lit. Nyrkina Publ., 1906. 907 p. (In Russian).
18. *Goroda Rossii v 1910 g.* [Cities of Russia in 1904]. St. Petersburg, Tipo-lit. Nyrkina Publ., 1914. 1200 p. (In Russian).
19. Shibeko Z. V., Shibeko S. F. *Minsk: stranitsy zhizni dorevolyutsionnogo goroda* [Minsk: pages of the life of a pre-revolutionary city]. Minsk, Polymya Publ., 1990. 352 p. (In Russian).
21. NHAB. Fund 311. I. 1. F. 36.
22. NHAB. Fund 21. I. 1. F. 77.
23. NHAB. Fund 1. I. 1. F. 4828.

Информация об авторах

Алексашина Галина Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры экономической истории. Белорусский государственный экономический университет (220070, г. Минск, Партизанский пр-т, 26, Республика Беларусь). E-mail: gal1na@tut.by

Воронич Татьяна Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры экономической истории. Белорусский государственный экономический университет (220070, г. Минск, Партизанский пр-т, 26, Республика Беларусь). E-mail: vtv1@mail.ru

Information about the authors

Alexashina Galina Vyacheslavovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Economic History. Belarusian State Economic University (26, Partizansky Ave., 220070, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: gal1na@tut.by

Voronich Tatyana Vladimirovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Economic History. Belarusian State Economic University (26, Partizansky Ave., 220070, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: vtv1@mail.ru

Поступила 10.09.2024

УДК 947.6.«1917»

І. М. Рыжанкоў

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

**ГРАМАДСКА-ПАЛІТЫЧНЫЯ АРГАНІЗАЦЫІ І ЖЫЦЦЯДЗЕЙНАСЦЬ
СЯЛЯНСТВА НА ЭТАПЕ РАЗГОРТВАННЯ ЛЮТАЎСКАЙ РЭВАЛЮЦЫІ:
ПА МАТЭРЫЯЛАХ ВІЦЕБСКАЙ ГУБЕРНІ**

У артыкуле паказваюцца роля і месца грамадска-палітычных арганізацый у праграме палітычнага рэфармавання дзяржавы і надання сялянскай актыўнасці дэмакратычных формаў вырашэння злабадзённых праблем. У першыя месяцы лютага адбыліся карэнныя змены ў палітычнай сістэме Расіі. Аўтарытэтнымі і ўплывовымі палітычнымі інстытутамі сталі партыі і грамадскія арганізацыі, якія ў згодзе з урадавымі структурамі прыступілі да будаўніцтва дэмакратычнай дзяржавы. З сакавіка па чэрвень 1917 г. на Віцебшчыне была створана сетка сялянскіх грамадска-палітычных арганізацый: Сялянскі саюз, Саветы сялянскіх дэпутатаў. У сваіх пастановах сялянскія арганізацыі выказалі рашучаю падтрымку арміі, хлебнай манополіі, выказвалі гатоўнасць падтрымліваць фронт, вайну да пераможнага канца, удзельнічаць у выбарах ва Устаноўчы сход, дэпутатам якога належала вырашаць цэнтральнае пытанне таго часу – правядзенне зямельнай рэформы. Праяўленнем палітычнай актыўнасці сялян з'яўлялася рашучая падтрымка харчовых урадавых мерапрыемстваў. І гэтую падтрымку на пачатковым этапе рэвалюцыі сяляне выказалі. У сваёй масе сялянства Віцебшчыны не паказала ўстойлівую палітычную пазіцыю, і далей карпаратыўныя інтарэсы пераважалі над дзяржаўнымі. Сялянства не выяўляла значнай зацікаўленасці да дзейнасці Саветаў у параўнанні з валаснымі (выканаўчымі), зямельнымі і харчовымі камітэтамі, і часцей разглядала іх як сродак для вырашэння сваіх гаспадарчых пытанняў. Паслабленне дзяржаўнай улады і неразвітасць дэмакратычных інстытутаў узмацнялі магчымасці валасных выканаўчых органаў для злоўжыванняў на карысць іх выбаршчыкаў. Калі прысутнасць на выбарных пасадах першага складу значнай колькасці заможных элементаў тлумачылася адсутнасцю сялянскіх кандыдатаў, здольных выконваць функцыі кіравання, то ў далейшым «грамадзяне-земляробы» адносна хутка засвоілі карысць ад удзелу ў дзяржаўных установах і метадам перавыбараў пазбаўляліся ад непажаданых асоб.

Ключавыя словы: рэвалюцыя, рэформы, Часовы ўрад, сялянства, аграрнае пытанне.

Для цытавання: Рыжанкоў І. М. Грамадска-палітычныя арганізацыі і жыццядзейнасць сялянства на этапе разгортвання Лютаўскай рэвалюцыі: па матэрыялах Віцебскай губерні // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2024. № 2 (287). С. 17–20.

DOI: 10.52065/2520-6885-2024-287-3.

I. M. Ryzhankou

Belarusian State Technological University

**SOCIO-POLITICAL ORGANIZATIONS AND THE VITAL ACTIVITY
OF THE PEASANTRY AT THE STAGE OF THE FEBRUARY REVOLUTION
UNFOLDING: BASED ON THE MATERIALS OF THE VITEBSK PROVINCE**

The article indicates the role and place of socio-political organizations in the program of political reform of the state and giving peasant activity to democratic forms of solving topical problems. In the first months of February, fundamental changes took place in the Russian political system. Parties and public organizations have become authoritative and influential political institutions, which, in agreement with government structures, have begun to build a democratic state. From March to June 1917, a network of peasant socio-political organizations was created in the Vitebsk region: the Peasant Union, Councils of Peasant Deputies. In their resolutions, peasant organizations expressed strong support for the army and the grain monopoly, expressed their readiness to support the front, the war to the bitter end, and participate in elections to the Constituent Assembly, whose deputies had to solve the central issue of that time – land reform. The manifestation of the political activity of the peasants was the active support of food government activities. And the peasants expressed this support at the initial stage of the revolution. For the most part, the peasantry of the Vitebsk region did not show a stable political position and further corporate interests prevailed over state ones. The peasantry did not show significant interest in the activities of the soviets, compared with the volost (executive), land and food committees, and more often considered them as a means to solve their economic issues. The weakening of State power and the

underdevelopment of democratic institutions increased the possibilities of volost executive bodies for abuse in favor of their constituents. If the presence of a significant number of wealthy elements in elected positions of the first composition was explained by the lack of peasant candidates capable of performing leadership functions, then in the future «citizen farmers» relatively quickly learned the benefits of participating in public institutions and got rid of undesirable persons by re-election.

Keywords: revolution, reforms, Provisional Government, peasantry, agrarian question.

For citation: Socio-political organizations and the vital activity of the peasantry at the stage of the February Revolution unfolding: based on the materials of the Vitebsk province. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2024, no. 2 (287), pp. 17–20 (In Belarusian).

DOI: 10.52065/2520-6885-2024-287-3.

Уводзіны. У першыя месяцы лютага адбыліся карэнныя змены ў палітычнай сістэме Расіі. Аўтарытэтнымі і ўплывовымі палітычнымі інстытутамі сталі партыі і грамадскія арганізацыі, якія ў супрацоўніцтве з урадавымі структурамі прыступілі да будаўніцтва дэмакратычнай дзяржавы. У сакавіку – красавіку 1917 г. адбываліся маніфістацыі, мітынгі, шэсці ў гонар новага ладу. Працягам Лютаўскай рэвалюцыі з’явілася стварэнне сеткі сялянскіх грамадска-палітычных арганізацый: Сялянскі саюз, Саветы сялянскіх дэпутатаў.

Асноўная частка. Аб жаданні сялян удзельнічаць у палітычным жыцці і «не адчуваць іх ад астатніх груп насельніцтва» было адзначана 6 сакавіка ўдзельнікамі пасяджэння Віцебскага гарадскога камітэта. У адказ А. Валковіч і М. Кандрацьеў паведамілі, што пытаннем арганізацыі сялянства маюць намер займацца губернскі і павятовыя камісары [1]. Варта заўважыць, што станоўчую ролю ў справе згуртавання вяскоўцаў Расіі, у тым ліку беларускага краю, вакол ідэі паспяховай рэалізацыі хлебнай манополіі адыгралі рэвалюцыі Усерасійскага з’езда Саветаў сялянскіх дэпутатаў, які адбыўся з 4 па 28 мая 1917 г. Колькасную перавагу сярод дэлегатаў ад беларускіх губерняў на форуме мелі Мінская – 28, Магілёўская – 24, Віцебская – 16, Віленская – 9, Гродзенская – 6. Адным з першых рашэнняў сялянскіх дэлегатаў з’явілася пастава па харчовым пытанні, якая заклікала вяскоўцаў падтрымаць цвёрдыя цэны і манопалію на хлеб [2]. Газета «Русское слово» ад 16 мая паведамляла, што манополія прызнавалася «адзіным выйсцем са страшэннага становішча і заблытанага палажэння».

Эсэраўскі па партыйным складзе з’езд прыняў адпаведную аграрную рэзалюцыю, якая абвешчала, што зямельнае пытанне належыць вырашаць сялянскім дэпутатам ва Устаноўчым сходзе. Прычым увесь зямельны фонд павінен стаць агульнанародным здабыткам для ўраўняльнага працоўнага карыстання без выкупу.

Таксама выказвалася пажаданне аб пераходзе зямлі ў веданне зямельных камітэтаў, з наданнем ім права вызначэння парадку апрацоўкі палёў, пакосу травы. Прапановы большавікоў па

сялянскім пытанні аб саюзе найбяднейшага сялянства і рабочага класа не атрымалі шырокай і шчырай падтрымкі з боку дэпутатаў.

Разам з тым калуары сялянскага форуму выявілі няўстойлівасць палітычных перакананняў вяскоўцаў. Так, газета «Русское слово» ад 13 мая прывяла да прыкладу ўрывак з размовы двух удзельнікаў з’езда: «Да не разумеюць мужыкі ў партыях. Не цікавяцца... Да іх хто не прыйдзе, толькі скажы: «зямля», – і добра». Цікавымі назіраннямі дзялілася газета «Народнае слова». У прыватнасці, у нумары ад 18 чэрвеня адзначалася, што «з сацыялістам ён (сялянін) сацыяліст, з анархістам – анархіст, з буржуем – буржуй». У гэтай сувязі газета падсумоўвала, што «ён з усім быццам згодзен, усе кропкі гледжання прыстае да сваёй мэты».

Член агітацыйнай групы пры Віцебскім губернскім земстве Ладэс, які знаходзіўся з камандзіроўкай у Дрысенскім павеце з 29 красавіка па 23 мая скардзіўся на недахоп культурных сіл «...жадаючых працаваць са мной не знайшлося. Акрамя Сялянскага саюза ніякіх арганізацый няма» [3].

Адсутнасць грамадска-палітычнай самаідэнтыфікацыі земляробаў выявілася яшчэ на пачатковым этапе арганізацыі сялянства. Так, са спазненнем адбывалася арганізацыя вяскоўцаў Віцебшчыны, асабліва гэта тычылася іх згуртавання на ўзроўні губерні. Так, 28 красавіка адбыўся павятовы сялянскі з’езд у Дрысе, 7 мая ў Віцебску, 9 мая ў Гарадку (500 чалавек), у другой палове мая ў Лепелі, 8–9 чэрвеня ў Полацку (215 дэлегатаў).

Як правіла, арганізатары форумаў уносілі ў парадак дня наступныя пытанні: Устаноўчы сход, формы дзяржаўнасці, вайна і дэзерцірства, зямельнае пытанне, зямельныя камітэты і «прымірыцельныя камеры», харчовае пытанне і задачы (харчовых) камітэтаў, кааперацыя, Пазыка свабоды, школьная і пазашкольная адукацыя, нацыянальнае пытанне, выбары ва Усерасійскі з’езд сялянскіх дэпутатаў і прадстаўнікоў у харчовыя камітэты і інш. Рэзалюцыі мелі шырокі і ўсеабдымны характар і тычыліся практычна ўсіх абласцей палітычнага, сацыяльна-эканамічнага і культурна-асветніцкага жыцця.

5 чэрвеня ў Віцебску на сходзе губернскага Арганізацыйнага камітэта пад старшынствам

Карпава было вырашана «перанаймаваць» Сялянскі саюз у Савет сялянскіх дэпутатаў. «Витебский листок» ад 13 чэрвеня» паведамляў, што ў працы губернскага сялянскага з'езда бралі ўдзел прадстаўнікі ўрадавых структур, грамадскія дзеячы, партыйцы РСДРП і ПС-Р.

Паказальна тое, што ў першы дзень працы тэмай для абмеркавання стала харчовая палітыка ўрада. Так, з паведамленнямі выступілі 30 вясковых дэпутатаў, прычым у сваёй большасці прамовы былі прысвечаны праблеме цвёрдых цэн на сельгаспрадукцыю. У прыватнасці, сялянскія прадстаўнікі прызналі пажаданым дамагацца ад Галоўнага (Агульнадзяржаўнага) харчовага камітэта правядзення рэквізіцыі хлебных запасаў у гандляроў і землеўласнікаў, якія маюць звыш 50 дзесяцін зямлі па старых цвёрдых цэнах.

16 чэрвеня 1917 г. упаўнаважаны М. Сямеўскі паведамляў А. Валковічу аб становішчы ў Невельскім павеце: «...большасць гатова чакаць Устаноўчага сходу. Сяляне да бягучых спраў адносяцца індывідуальна. Цікавяцца толькі пытаннямі зямлі і вайны, але ў іх разбіраюцца кепска. У зямельным пытанні цікавяцца толькі прырэзкай кожнаму з іх зямлі з прылягаючых панскіх і казённых маёнткаў. Тыя хто і маюць дастатковую колькасць зямлі, заклапочаны адным, каб ад іх не адабралі якую-небудзь частку. Ідэя сацыялізацыі большасці не зразумела і з'яўляецца чуждай» [4].

Газета «Витебское слово» ад 17 чэрвеня адзначае, што па харчовым пытанні дэлегаты далучыліся да адпаведнай рэзалюцыі Усерасійскага форуму, «хлебная манаполія і цвёрдыя цэны на хлеб павінны быць захаваны і настойліва праводзіцца ў жыццё». Разам з тым сяляне выказалі пажаданне ўсталяваць цвёрдыя цэны на фабрычна-завадскія тавары (тканіну, жалеза, цукар і інш.), забяспечыць іх сельгасінвентаром і мінеральнымі ўгнаеннямі, перапыніць вытворчасць прадметаў раскошы, заклікаць у армію «чыноўнікаў, манахаў, рабочых і інш.».

Характэрна, што толькі на 4-ы дзень пункт «Аграрнае пытанне» быў разгледжаны сялянскімі прадстаўнікамі. Вядома, што на з'ездзе трапіліся размовы пра магчымасці правядзення неадкладнага падзелу зямлі. Але здаровы сэнс і своеасаблівая сялянская мудрасць перамаглі правакацыі.

У прыватнасці, газета «Витебский листок» ад 17 чэрвеня прыгадала прадстаўніка Люцынскага павета, які прапанаваў пачакаць з падзелам зямлі да Устаноўчага сходу – «калі ж дзяліць зараз, то мы паб'ёмся». Рэзалюцыя

паўтарала адпаведны дакумент Усерасійскага з'езда сялянскіх дэпутатаў аб недапушчальнасці захопаў і гвалту прыватнай зямельнай уласнасці і аб наданні Устаноўчаму сходу выключнага права вырашэння зямельнага пытання. З'езд прызнаў найлепшай формай дзяржаўнага кіравання дэмакратычную рэспубліку парламенцкага тыпу. Сяляне Віцебшчыны адмовіліся ад варыянта фэдэрацыі, якая, як вядома, дапускала аўтаномію для беларускага краю. Праўда, скаргі мелі своеасаблівае тлумачэнне – менавіта той інтэлігенцыі, якая «б працавала рука аб руку з народамі, захоўваючы інтарэсы народа». У некаторых мясцінах існавалі цяжкасці з доступам да перыядычных выданняў і літаратуры. Так, сялянскі прадстаўнік Дрысеншчыны адзначыў, што «самі справіліся б “дайце толькі літаратуры, дайце друкаваныя законы”». Для вырашэння ўзнятых на з'ездзе пытанняў і выпрацоўкі далейшай праграмы дзеянняў быў сфарміраваны губернскі выканкам у складзе 23 чалавек (старшыня А. А. Драздецкі). Віцебскі павятовы Савет сялянскіх дэпутатаў для вяскоўцаў выпісываў газеты, набываў літаратуру [5].

Заклучэнне. У маі – ліпені 1917 г. такія тэмы, як харчовае (хлебная манаполія, цвёрдыя цэны і інш.) і зямельнае пытанні (дзейнасць зямельных камітэтаў, аграрная рэформа і інш.), дабрачынныя і асветніцкія праекты (пазыка свабоды, дапамога франтавікам і інш.), пастаянна становіліся тэмай для абмеркавання як губернскіх, так і павятовых, валасных сялянскіх з'ездаў. Услед за Саветамі рабочых і салдацкіх дэпутатаў шэраг сялянскіх з'ездаў у сваіх пастановах у рэзкай форме выказаліся на конт дэзерціраў. Частка з'ездаў вырашыла пазбавіць дэзерціраў права ўдзелу ў маючай адбыцца аграрнай рэформе. Такія рашэнні спрыялі росту яўкі беглых вайскоўцаў да воінскіх камісій і начальнікаў. Выбарам сялян кіравала ў першую чаргу іх старадаўняя мараль пра справядлівае размеркаванне зямельнай уласнасці і, у сваю чаргу, на форумах яны (сяляне) упэўніліся ва ўрадавых гарантыях правядзення аграрнай рэформы. Для дзяржавы і грамадска-палітычных сіл пытанне рэалізацыі харчовай праграмы па сваёй значнасці не саступала шэрагу іншых, вельмі важных галін унутранай і знешняй палітыкі – ваеннай, зямельнай, рэфармаванню органаў дзяржаўнага кіравання і інш. Праяўленнем палітычнай актыўнасці сялян з'яўлялася актыўная падтрымка харчовых урадавых мерапрыемстваў. І гэтую падтрымку на пачатковым этапе рэвалюцыі сяляне выказалі.

Спіс літаратуры

1. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Фонд 626. Воп. 1. Спр. 1. Л. 2.
2. НАРБ. Фонд 60. Воп. 3. Спр. 186. Л. 11.

3. НАРБ. Фонд 60. Воп. 3. Спр. 242. Л. 198.
4. НАРБ. Фонд 60. Воп. 3. Спр. 262. Л. 235.
5. НАРБ. Фонд 60. Воп. 3. Спр. 242. Л. 115.

References

1. *Natsional'nyy istoricheskiy arkhiv Belarusi (NIAB)* [National Historical Archive of Belarus (NHAB)]. Fund 626. I. 1. F. 1. P. 2.
2. NARB. Fund 60. I. 3. F. 186. P. 11.
3. NARB. Fund 60. I. 3. F. 242. P. 198.
4. NARB. Fund 60. I. 3. F. 262. P. 235.
5. NARB. Fund 60. I. 3. F. 242. P. 115.

Інфармацыя пра аўтара

Рыжанкоў Ігар Міхайлавіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Свярдлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: im@belstu.by

Information about the author

Ryzhankou Ihar Mikhaylavich – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: im@belstu.by

Паступіў 11.09.2024

УДК 94(470+571):323.27

Н. Е. Семенчик

Белорусский государственный технологический университет

**АГРАРНЫЕ ОЖИДАНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ СОЛДАТ
ЗАПАДНОГО ФРОНТА ПОСЛЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

В статье указывается на значительный объем в отечественной историографии литературы, посвященной революционным событиям с участием военнослужащих Западного фронта и тыловых частей, дислоцированных в Беларуси в период от свержения самодержавия до Октябрьского переворота. Указаны основные цели и результаты преобразования армейской жизни. Описываются события, связанные с демократизацией фронта и ролью в этом солдатских комитетов и Советов. Отмечена негативная роль Временного правительства и «революционной демократии» в снижении боеспособности фронта. Особой причиной снижения дисциплины на Западном фронте и в тылу называется деятельность партии большевиков. Значительное внимание уделено настроениям солдат фронта и тыла относительно объявленной Временным правительством подготовки к земельной реформе, в том числе их заинтересованности аграрными программами крупнейших политических партий. В статье изложены и проанализированы данные об участниках съезда 23–25 октября 1917 г., их партийная принадлежность, отношение к Временному правительству и его политике, настроения относительно способов осуществления земельной реформы. Автор приводит факты о приверженности участников съезда эсеровскому проекту решения аграрной проблемы вопреки деструктивной деятельности большевистских делегатов. На доказательном уровне характеризуется негативное отношение большевиков к другим партиям и Учредительному собранию. В материалах, посвященных итогам съезда, отражены не только аграрные настроения его участников, но и их отношение к текущим событиям, связанным с Октябрьским восстанием в Петрограде. В статье акцентируется внимание на том, что, несмотря на антибольшевистский пафос резолюций, принятых депутатами съезда солдат-крестьян Западного фронта, их реальный вклад в защиту завоеваний Февральской революции был незначительным. В числе причин автором названы политическая беспринципность основной массы «защитников отечества», поддержавших популистские ленинские декреты о мире, земле и др., вопреки программе преобразований, намеченных Учредительным собранием. В заключении статьи приводятся обобщающие выводы по теме исследования.

Ключевые слова: мировая война, Февральская революция, российская армия, демократизация, Западный фронт, Беларусь, Временное правительство, земельная реформа, политические партии, аграрная программа, солдаты-крестьяне, Учредительное собрание.

Для цитирования: Семенчик Н. Е. Аграрные ожидания и политические настроения солдат Западного фронта после Февральской революции // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2024. № 2 (287). С. 21–26.

DOI: 10.52065/2520-6885-2024-287-4.

N. Ye. Semenchyk

Belarusian State Technological University

**AGRICULTURAL EXPECTATIONS AND POLITICAL ATTITUDES OF SOLDIERS
OF THE WESTERN FRONT AFTER THE FEBRUARY REVOLUTION**

The article points to a significant amount of literature in Russian historiography devoted to revolutionary events involving military personnel of the Western Front and rear units stationed in Belarus during the period from the overthrow of the autocracy to the October coup. The main goals and results of the transformation of army life are indicated. The events related to the democratization of the front and the role of soldiers' committees and Councils in this are described. The negative role of the Provisional Government and «revolutionary democracy» in reducing the combat capability of the front was noted. A special reason for the decline in discipline on the Western Front and in the rear is the activity of the Bolshevik Party. Considerable attention is paid to the sentiments of the soldiers of the front and rear regarding the preparations for land reform announced by the Provisional Government, including their interest in the agrarian programs of the largest political parties. The article presents and analyzes data on the participants of the congress, their party affiliation, attitude to the Provisional Government and its policies, and sentiments regarding ways to implement land reform. The author provides facts about the commitment of the participants of the congress to the Socialist Revolutionary project of solving the agrarian

problem in spite of the destructive activities of the Bolshevik delegates. At the evidentiary level, the negative attitude of the Bolsheviks towards other parties and the Constituent Assembly is characterized. The materials devoted to the results of the congress reflect not only the agrarian sentiments of its participants, but also their attitude to current events related to the October Uprising in Petrograd. The article focuses on the fact that, despite the anti-Bolshevik pathos of the resolutions adopted by the deputies of the Congress 23–25 October 1917 of peasant soldiers of the Western Front, their real contribution to the defense of the gains of the February Revolution was insignificant. Among the reasons for this, the author names the political unscrupulousness of the bulk of the "defenders of the fatherland" who supported the populist Leninist decrees on peace, land, etc., contrary to the program of transformations outlined by the Constituent Assembly. The article concludes with generalizing conclusions on the research topic.

Keywords: world war, February Revolution, Russian army, democratization, Western Front, Belarus, Provisional Government, land reform, political parties, agrarian program, peasant soldiers, Constituent Assembly.

For citation: Semenchuk N. Ye. Agricultural expectations and political attitudes of soldiers of the Western Front after the February revolution. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy, 2024*, no. 2 (287), pp. 21–26 (In Russian).

DOI: 10.52065/2520-6885-2024-287-4.

Введение. Усилиями отечественных историков (П. Башко, В. Ивашин, И. Игнатенко, Н. Каменская, П. Селиванов, М. Смольянинов, Н. Сташкевич, А. Хацкевич, А. Хохлов и др.) в советское время сложился солидный пласт литературы, посвященной революционным событиям 1917 г. с участием военнослужащих Западного фронта и тыловых частей, дислоцированных в Беларуси. Но с крахом КПСС обнаружилась их значительная научная несостоятельность. Даже вышедшим в начале XXI столетия публикациям по этой теме свойственна прежняя идеологическая заданность, мифотворчество, некритический подход к источникам. В этой связи существует необходимость и возможность объективного осмысления аграрных ожиданий и политических настроений солдат Западного фронта, мобилизованных в армию из деревни и застигнутых революционными событиями 1917 г.

Основная часть. Переход отдельных полков столичного гарнизона на сторону участников протестного движения обусловил его перерастание 26–27 февраля 1917 г. в победоносное вооруженное восстание. Временное правительство, осознавая определяющую роль вооруженных сил в становление нового строя и имея целью усиление их боеспособности в продолжавшейся войне, приступило к их демократизации, то есть ликвидации рудиментов старой «палочной» дисциплины, перестройке отношений рядового и офицерского состава на принципах товарищества, созданию элементов самоуправления и т. д. Но, вопреки протестам командования, армия под руководством Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (РиСД) стала активно политизироваться. В ней наряду с солдатскими комитетами стали возникать партийные группы левого толка, главным образом пар-

тии социалистов-революционеров (ПСР). Этот процесс охватил даже ту часть недавних бойцов «за царя, веру и отечество», которые были мобилизованы из деревни и с трудом разбирались в смысле происходящего. В условиях осуществленных свобод все партии делали свои ставки на солдат. Лидеры «революционной демократии» отдавали себе отчет, что их победа в Учредительном собрании будет особенно зависеть от самой массовой категории выборщиков – нынешних хлеборобов и их вчерашних односельчан, призванных на фронт.

Под воздействием левых партий, в том числе большевиков, и по примеру трудящихся социалистической ориентации, большинство военнослужащих заявляло о своей принадлежности к «революционной демократии» во главе с Петроградским Советом и вне строя стало разделяться по классово-партийному признаку.

Те же настроения, касающиеся текущих и грядущих перемен, существовали в Беларуси. Здесь, как и повсюду в стране, с обретением гражданских свобод и на фоне декларированной Временным правительством подготовки к аграрной реформе интерес к ПСР и, особенно, ее аграрной реформе был преобладающим среди остальных. На Западном фронте, где кайзеровским войскам противостояло до 1200 тыс. военнослужащих, именно мобилизованные крестьяне составили основной контингент «мартовских» эсеров.

В апреле 1917 г. один из центров «революционной демократии» возник в Минске в лице Исполнительного комитета Западного фронта (Искомзап). Подавляющее большинство из более чем 7 тыс. [1, с. 30] подчиненных ему солдатских комитетов возглавлялись членами ПСР. Характерно, что в комитетах всех уровней, от ротных до фронтового, были созданы крестьянские

секции, в том числе занимавшиеся пропагандой эсеровского проекта аграрной реформы.

Данная работа осуществлялась в рамках основного предназначения солдатских комитетов, направленного на укрепление воинской дисциплины и общей боеспособности войск. В этом плане у партийных активистов работа только осложнилась, поскольку ввиду ожидаемого раздела помещичьих земель у части рядового состава «солдат-крестьян» желание воевать существенно уменьшалось. Вместо наступательного порыва бойцов из окопов и прифронтовой зоны усилился их отток. В этой связи Временное правительство приняло решение о передаче на рассмотрение Учредительного собрания лишение права дезертиров на наделение землей. В результате к 15 мая на Западный фронт вернулись 9536, а в Минский округ – 23 058 беглецов [2].

Однако в мае – июне 1917 г. в Вооруженных силах возникла и стала нарастать проблема более важная, нежели дезертирство. Дело в том, что принятое в рамках демократизации решение о предоставлении солдатам вне строя прав гражданина в целом приводило к обратному эффекту: их дисциплина, как и авторитет офицера и командира, резко снижалась, а вслед за этим и общая боеспособность армии, в том числе и на Западном фронте.

А. Керенский совместно с «революционной демократией» делал многое, чтобы вдохновить армию на летнее победоносное наступление. «Пусть войско покажет, – говорил военный министр, – на что способен свободный русский человек от земли, этот крестьянин, одетый в солдатскую форму, когда он стоит на страже мирового достоинства страны, свободы и той земли, которую Учредительное собрание отдаст и ему, и его потомкам» [2].

На Западном фронте и в Беларуси эсеры были сторонниками наступления, но особого энтузиазма в этом деле не проявляли, а большевистская антивоенная агитация находила отклик и среди солдат, причислявших себя к эсерам. За неимением действенной аграрной программы данная деятельность являлась, пожалуй, единственным средством привлечения сторонников в борьбе против Временного правительства.

Характерно, что, работая в тылу, ПСР уделяла большее внимание организации Советов крестьянских депутатов, земельных и продовольственных комитетов, выборам городских и земских самоуправлений, нежели повышению боеспособности армии. Идеино-пропагандистские и организационные усилия эсеров привели к созданию Фронтальной и Областной партийных организаций. По-прежнему основная масса сол-

датских комитетов – от ротных до фронтового – также находилась под их контролем. Наступало время и создавались условия, когда эсеры, доминировавшие в Министерстве земледелия и Главном земельном комитете, вопреки решениям майского 1917 г. Всероссийского съезда Советов КД, стали поднимать вопрос о постепенном, еще до выборов Учредительного собрания, осуществлении аграрной реформы. К примеру, внимание земельных комитетов Минской губернии не могло не привлекать наличие у частных собственников 67,7% всех земель [3].

На фоне провала летнего наступления русской армии, в значительной степени вызванного подрывной деятельностью большевиков, деятельность земельных и продовольственных комитетов, направленная против помещичьей собственности, только усиливала социально-экономическую напряженность в регионе.

Основной опорой власти в стране, по-прежнему, оставалась армия, и А. Керенский постоянно искал поддержки у ее крестьянской части. «Наша армия состоит, главным образом, из тех же крестьян, – говорил он, – их нужно вознаградить за их трёхлетнее отстаивание родной земли от грозного нашествия врага...» [4]. Но после корниловского мятежа, когда русская армия окончательно потеряла способность к наступательным действиям и все более активно стала требовать не столько земли, сколько мира, белорусское крестьянство ограничило или вовсе прекратило продажу Западному фронту сельскохозяйственной продукции. В сложившихся условиях единственный способ решения этой и иных назревших проблем связывался с Учредительным собранием. О том, что еще до его созыва помещичье землевладение было обречено на гибель, свидетельствовали решения крестьянских съездов Беларуси, жалобы местных комитетов союза землевладельцев, увещевания партии кадетов и др. Отсюда и усилившееся у солдат-крестьян требование о его передаче земельным комитетам. При этом, как на фронте, так и в тылу большевистский лозунг о захвате земель, как и о передаче власти Советам популярностью не пользовался ни на фронте, ни в тылу.

Более важный вопрос – кто победит на выборах во Всероссийский парламент – еще оставался открытым. В Беларуси и на Западном фронте в решении этого вопроса собирались принять участие группы кандидатов от четырех избирательных округов, в том числе очевидные фавориты из числа эсеров. В этой связи в рамках предвыборной кампании 23 октября в Минске руководство Областного комитета ПСР организовало

съезд депутатов от солдаткрестьян Западного фронта, который начал работу в 10 утра с участием около 300 делегатов. В президиум было избрано 10 человек. Функции председателя поручались члену Исполнительного комитета Западного фронта (Искомзап) и главе Минского Совета КД солдату Николаеву М. Функции его помощников – председателю крестьянской дивизионной секции 10-й армии Никитину; председателю полкового комитета Попову; председателю армейской крестьянской секции 10-й армии Ключеву; члену Исполкома Всероссийского Совета КД и председателю корпусного комитета Пашковскому. Секретарские обязанности поручались солдату Зетелю З. И. (он же являлся секретарем Искомзапа), Готову (секретарю 61-го расформированного полка), Авдееву (секретарю полкового комитета), Петрову (секретарю дивизионного комитета), прапорщику Иванову (председателю оргбюро по созыву съезда) – эсерам по партийной принадлежности. От лица этой же партии присутствующих приветствовали: И. Нестеров – председатель Северо-Западного Областного комитета ПСР, а также члены названного комитета М. Николаев и П. Злобин.

В повестку дня были включены вопросы о необходимости передачи земли земельным комитетам, о программе деятельности Всероссийского Совета крестьянских депутатов, обращение фронтовых крестьянских секций по плану предвыборной кампании в Учредительное собрание и о порядке выборов в него и др., а также выступления с мест по армиям, доклад лидера ПСР Чернова В. о текущем моменте и вопрос о II Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов (РиСД).

После обсуждения первого вопроса делегаты приняли резолюцию с требованием «немедленной передачи всех земель без исключения, также живого и мертвого инвентаря государственных и частновладельческих и прочих имений в распоряжение земельных комитетов в целях общенародного спокойствия при выборах в Учредительное собрание». Было принято решение по телеграфу отправить текст резолюции в адрес Временного правительства.

Вечером был заслушан двухчасовой доклад И. Нестерова по истории крестьянского движения в России и об аграрных программах Всероссийского Совета КД, партии эсеров, меньшевиков, большевиков и кадетов.

24 октября, на утреннем заседании содокладчик по земельному вопросу Пашковский привел массу цифровых данных и под аплодисменты заключил, «что единственно возможная приемлемая для крестьянства программа – эсеровская».

На съезде обозначились различные, иногда не в пользу Исполкома, оценки работы Всероссийского Совета КД. В частности, несколько делегатов выразили несогласие с его постановлением о «необходимости ждать с землей до Учредительного собрания». Один из них – С. Бочарников заявил: «Работа, программа, Совета крестьянских депутатов для нас недостаточна, мы хотим немедленной передачи земли крестьянам до Учредительного собрания, а Учредительное собрание пусть лишь эту передачу закрепит».

Присутствовавшие на съезде большевистские делегаты возражали эсеровским ораторам, уличая их тактику по земельному вопросу в сближении с кадетской. Один из них – Ханов возражал докладчику и рекомендовал «брать землю сейчас же». Со своей стороны прапорщик Нилов обратил внимание делегатов на отсутствие у большевиков постоянной земельной программы, на их призывы к немедленным действиям и безуспешное стремление «идти к социализму через обатрачивание деревни». В ответ на разного рода выпады в адрес организаторов съезда и ПСР в целом делегаты-эсеры приняли решение о предоставлении большевикам возможности и времени для выступления с аграрной программой своей партии.

В соответствии с данным решением 24 октября на вечернем заседании съезда перед присутствующими выступил председатель Северо-Западного Областного комитета партии большевиков прапорщик А. Мясников. В своей речи, направленной как против аграрной программы ПСР, так и самой партии, оратор заявил о невозможности социализации земли при господстве капитализма в городе. По словам оратора, «земли должны сейчас же перейти в руки Советов, центральной власти, которая передаст их в пользование крестьянам». Его заявления «большевики ставят себе целью: утоление земельного голода крестьянства, вырывание силы из рук буржуазии» выглядели неубедительными, не вызвали симпатий большинства публики и сопровождались репликами, к примеру, «говорите о земле!».

Речь оратора была прервана овациями и шумными криками «ура» в адрес появившегося в зале всероссийского лидера ПСР Чернова. В. А. Мясникову дали возможность завершить свое выступление, но никаких содокладов, замечаний, возражений и т. д. по нему не последовало, ибо все внимание присутствующих уже было приковано к «мужицкому министру».

В речи, обращенной к делегатам, В. Чернов сконцентрировал внимание на определяющей роли крестьянина в жизни страны, как в экономике, так и на войне, и в этой связи – на значении для всего

народа будущей аграрной реформы. «Земля – источник всех богатств, – говорил В. Чернов, – земля – мать всего, как труд – отец всего. И вот, товарищи, право на землю имеет лишь тот, кто на ней работает, продавать или покупать её нельзя – земля – мать, а матерью не торгуют. Мы установим самоуправление России, вся земля будет у народа, единственным хозяином земли будет великий самодержавный русский народ».

Судя по тому, как бурно реагировали делегаты на слова «мужицкого министра», поддержка солдатами эсеров на выборах в Учредительное собрание выглядела обеспеченной.

25 октября заседание началось в 11 часов утра, но оно было объявлено закрытым для публики. В. Чернов зачитал полученную им телеграмму о восстании большевиков в Петрограде. В своей речи он осудил их как узурпаторов власти и выступил против идеи создания до Учредительного собрания нового правительства, даже состоящего из левых элементов, а также предостерег от опасности гражданской войны, созданной большевиками.

Выступившие по этому поводу делегаты-эсеры призвали поддержать правительство, чтобы не сорвать выборы в Учредительное собрание, а также выразили сомнение в целесообразности созыва съезда Советов РСД, как «подтасованного в интересах большевиков». «Съезд заявляет, – говорилось в принятой резолюции, – что армия на фронте не отступит ни перед какими средствами, чтобы ликвидировать как можно скорее бесполезную новую смуту, чтобы Учредительное собрание, несмотря ни на что было собрано в назначенный срок».

Данная резолюция была принята большинством голосов: 257 против 23 при 16 воздержавшихся.

Делегаты-эсеры и им сочувствовавшие провозгласили В. Чернова почетным председателем своего съезда и почетным членом Исполнительного комитета, избранного из 30 человек. Члены Исполкома поклялись своему вождю воплотить в жизнь принятую резолюцию и поддерживать избранный ими фронтовой орган. Первой акцией названного Исполкома стала его участие в работе Комитета спасения революции Западного фронта, оформившегося 27 октября [5, с. 1–21].

Несмотря на антибольшевистскую резолюцию съезда солдат-крестьян Западного фронта,

их реальный вклад в защиту завоеваний Февральской революции был незначительным. Так, после поражения Комитета спасения их деятельность заметно ослабела, а с упрочением власти большевистского Военно-революционного комитета Западного фронта – и вовсе прекратилась. Под влиянием декретов о мире и о земле расстановка политических сил резко изменилась в пользу большевиков и левых эсеров. Ярким примером тому стали результаты выборов в Учредительное собрание по Западно-фронтовому округу, когда из 16 мест в парламент большевики завоевали 11, в то время как эсеры – только 3 [6].

Очевидно, что основная масса выборщиков-военнослужащих сочла проблемы мира и земли окончательно решенными, а присутствие большевиков в Учредительном собрании заслуженным.

Такое резкое и беспринципное «полевание» солдат-крестьян лишало их прежних фаворитов дальнейшей инициативы. Вновь созванный левыми эсерами фронтовой съезд солдат-крестьян на этот раз поддержал «социалистическую революцию», высказался за совместную с большевиками власть Советов и обеспечил соответствующее руководство в переизбранном Исполкоме.

До конца года эсеры сохраняли свое доминирование в Исполкоме крестьянских депутатов и военной организации III армии (Полоцк), но в условиях усиления большевистской диктатуры утратили и его.

Заключение. Таким образом, со свержением самодержавия и провозглашением нового строя в России, на Западном фронте и в Беларуси, как и повсюду в стране, бывшие подданные, обретшие гражданские свободы, получили возможность бескровно, демократическим путем осуществить свои личные, общественные и государственные интересы. Как известно, свои надежды на лучшее, в том числе на получение помещичьей земли, высказывали крестьяне, среди них и те, кто воевал на Западном фронте. Однако в силу своей малограмотности, в частности и политической, они оказались в сфере влияния социалистических партий и стали их орудием в борьбе за власть. В конце концов, оказав поддержку большевикам в ответ на их обещания мира и земли, солдаты Западного фронта не получили ни того, ни другого, а лишь усугубили кризисное положение Беларуси и всей страны в целом.

Список литературы

1. Андреев А. М. Солдатские массы гарнизонов русской армии в Октябрьской революции. М.: Наука, 1975. 345 с.
2. Новое Варшавское утро. 1917. 18 июня.

3. Свободное слово. 1917. 9 мая.
4. Социалист-революционер. 1917. 21 ноября.
5. Народное слово. 1917. 27 августа.
6. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 60. Оп. 3. Д. 339.

References

1. Andreev A. M. *Soldatskiye massy garnizonov russkoy armii v Oktyabr'skoy revolyutsii*. Moscow, Nauka Publ., 1975. 345 p.
2. *Novoye Varshavskoye utro* [New Warsaw morning], 1917, June, 18.
3. *Svobodnoye slovo* [Free word], 1917, May, 25.
4. *Sotsialist-revolutsioner* [Socialis-trevolutioner], 1917, November, 21.
5. *Narodnoye slovo* [Folk word], 1917, August, 27.
6. *Natsional'nyy arkhiv Respubliki Belarus'* [Natsional Archives of Republic of Belarus]. Fund 60. I. 3. F. 339.

Информация об авторе

Семенчик Николай Ефимович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). Email: polity@bk.ru

Information about the author

Semenchyk Nikolai Yefimovich – DSc (History), Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). Email: polity@bk.ru

Поступила 09.09.2024

УДК 94(476.5)“1917/1920”

А. М. Лукашевич

Белорусский государственный университет

**ПОЛОЦКИЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
(1917–1920 ГГ.)**

В статье рассматривается судьба Полоцкого кадетского корпуса (гимназии военного ведомства) в годы Гражданской войны. Показано, что с сентября 1914 г. учебное заведение находилось в эвакуации в четырех городах: Сумах (третья рота), Одессе (вторая рота), Владикавказе (первая рота) и Симбирске (карцелария). Отмечается, что до осени 1917 г. Полоцкая гимназия военного ведомства функционировала как единое военно-учебное заведение. И только после прихода к власти большевиков, в июле 1918 г., оно было официально упразднено. Поскольку на территориях, которые вышли из-под контроля советской власти, наблюдался процесс возрождения военно-учебных заведений, Полоцкий кадетский корпус продолжил свое существование. В составе сводных корпусов он функционировал до 1920 г., а его воспитанники являлись кадровым резервом Белого движения. К осени 1920 г. воспитанники военно-учебного заведения были эвакуированы в Крым, где поступили в состав Крымского кадетского корпуса (1-я рота) и Феодосийского интерната (3-я рота). Впоследствии они объединились в составе Крымского кадетского корпуса, который был передислоцирован в Белую Церковь (Королевство Сербов, Хорватов и Slovenцев). 2-я рота полочан в составе Одесского корпуса была эвакуирована морем и сушей в г. Сараево, где вошла в состав Сводного кадетского корпуса. При этом некоторая часть воспитанников и офицеров Полоцкого кадетского корпуса была вынуждена вернуться в Одессу, занятую большевиками. Их судьба в основном была трагична.

Ключевые слова: Полоцкий кадетский корпус, Гражданская война, эвакуация, гимназии военного ведомства, Сумской кадетский корпус, Владикавказский кадетский корпус, Одесский кадетский корпус.

Для цитирования: Лукашевич А. М. Полоцкий кадетский корпус во время Гражданской войны (1917–1920 гг.) // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2024. № 2 (287). – С. 27–34.
DOI: 10.52065/2520-6885-2024-287-5.

A. M. Lukashevich

Belarusian State University

POLOTSK CADET CORPS DURING THE CIVIL WAR (1917–1920)

The article examines the fate of the Polotsk Cadet Corps (Gymnasium of the Military Department) during the Civil War. It shows that from September 1914 the educational institution was evacuated to four cities: Sumy (third company), Odessa (second company), Vladikavkaz (first company) and Simbirsk (penitentiary). It is noted that until the autumn of 1917 the Polotsk Gymnasium of the Military Department functioned as a single military educational institution. And only after the Bolsheviks came to power, in July 1918, it was officially abolished. Since the process of revival of military educational institutions was observed in the territories that came out from under the control of the Soviet power, the Polotsk Cadet Corps continued to exist. As part of the combined corps, it functioned until 1920, and its students were the personnel reserve of the White movement. By the autumn of 1920, the students of the military educational institution were evacuated to the Crimea, where they joined the Crimean Cadet Corps (1st company) and the Feodosiya boarding school (3rd company). Subsequently, they united as part of the Crimean Cadet Corps, which was redeployed to Bila Tserkva (Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes). The 2nd company of Polotsk residents as part of the Odessa Corps was evacuated by sea and land to the city of Sarajevo, where it became part of the Combined Cadet Corps. At the same time, some of the students and officers of the Polotsk Cadet Corps were forced to return to Odessa, occupied by the Bolsheviks. Their fate was mostly tragic.

Keywords: Polotsk Cadet Corps, Civil War, evacuation; military department gymnasiums, Sumy Cadet Corps, Vladikavkaz Cadet Corps, Odessa Cadet Corps.

For citation: Lukashevich A. M. Polotsk Cadet Corps during the Civil War (1917–1920). *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2024, no. 2 (287), pp. 27–34 (In Russian).
DOI: 10.52065/2520-6885-2024-287-5.

Введение. Судьба российских кадетских корпусов в годы Гражданской войны долгое время не являлась предметом научного исследования. Исключение составляли работы мемуарного характера русских эмигрантов – воспитанников самих кадетских корпусов [1, 2]. И только в постсоветский период эти вопросы оказались в центре внимания российских (С. В. Волков [3, 4], В. А. Гурковский [5]), С. А. Хубулова [6]), украинских [7] и белорусских (А. Л. Самович [8]) исследователей. Однако в большинстве работ история Полоцкого кадетского корпуса затрагивалась вскользь. Исключение составляют публикации А. М. Лукашевича, непосредственно посвященные этому учебному заведению, хотя его судьба в годы Гражданской войны еще не получила должного отражения [9–11].

Цель статьи – проследить судьбу Полоцкого кадетского корпуса и его структурных подразделений (трех рот в Сумах, Одессе, Владикавказе и канцелярии в Симбирске) в годы Гражданской войны.

Все даты в статье до 1918 г. приводятся по юлианскому календарю, а после – по григорианскому.

Основная часть. Положение корпуса к осени 1917 г. В сентябре 1914 г. в связи с началом Первой мировой войны воспитанники Полоцкого кадетского корпуса были эвакуированы из места постоянной дислокации в Сумы (3-я рота), Москву и затем в Одессу (2-я рота), и Владикавказ (1-я рота). Тем не менее руководство военно-учебного заведения сохраняло надежду на скорое возвращение в Полоцк. В течение года директор корпуса М. Г. Чигирь (1908–1918) занимался поддержанием в исправном состоянии строений заведения. Несмотря на неудачи на фронте, вопрос о полном изъятии помещений Полоцкого корпуса военными властями не ставился. И только в сентябре 1915 г., когда возникла угроза прорыва российско-германского фронта в районе Свенцян, последние служащие корпуса вместе с канцелярией и архивом были передислоцированы в Симбирск. Во время вынужденной эвакуации Полоцкий кадетский корпус по-прежнему функционировал как единое военно-учебное заведение [11, с. 28–29].

Реформированный при Временном правительстве в гимназию военного ведомства, к концу 1917 г. Полоцкий кадетский корпус продолжал свою деятельность в четырех городах. В Сумах находилась 3-я рота. Здесь же производился набор воспитанников, которые принимались в учебное заведение по новым демократическим правилам. Вторая рота полочан летом 1917 г., из-за угрозы захвата Одессы австро-германскими войсками, вместе с воспитанниками принимающей гимназии военного ведомства была эвакуирована в Ростов-на-Дону, а затем – в Новочеркасск. Первая рота полочан остава-

лась во Владикавказе, и здесь в мае 1917 г. состоялся очередной выпуск. Канцелярия и архив Полоцкого кадетского корпуса вместе с инспектором классов И. А. Котроховым с октября 1915 г. находились в Симбирске [11, с. 29].

Приход к власти в октябре 1917 г. большевиков привел к отказу от реформы военно-учебных заведений [10]. Поскольку большинство представителей кадетского сообщества, сформированного еще при императорской власти и воспитанного в монархическом духе, не признали советскую власть, гимназии военного ведомства подлежали упразднению. Процедура их ликвидации растянулась на несколько месяцев и официально завершилась 14 июля 1918 г. В то же время на территориях, которые вышли из-под контроля советской власти, наблюдался процесс возрождения кадетских корпусов. И воспитанники этих военно-учебных заведений на несколько лет стали кадровым резервом Белого движения.

К лету 1918 г. из 32 гимназий военного ведомства (кадетских корпусов) осталось всего 7. Уцелевшие учебные заведения стремились переехать на неподконтрольные большевикам территории – в Украину (Сумы, Киев, Одесса, Полтава), Сибирь и на Дальний Восток (Омск, Иркутск, Хабаровск), на Дон и Кавказ (Ростов-на-Дону, Новочеркасск, Владикавказ). Однако в них с большим трудом удавалось организовать учебно-воспитательный процесс. Что касается Полоцкого кадетского корпуса (официально до июля 1918 г. – гимназии военного ведомства), то разбросанный по разным городам, он пока не мог соединиться в одном месте.

Судьба 3-й роты. В довольно сложном положении оказалась 3-я рота (3-й возраст) полочан, прикомандированная к Сумской гимназии военного ведомства. В начале 1918 г. последняя была официально закрыта. Вопрос о ее судьбе, а следовательно, и о прикомандированной роте полочан рассматривался на заседании Сумской городской думы 28 апреля 1918 г. В связи с дороговизной содержания воспитанников и тем, что Сумской кадетский корпус утратил значение военной школы (превратился в обычное реальное училище), предлагалось перевести в его здание Высший сельскохозяйственный Александровский институт. При этом гимназию в Сумах предполагалось оставить, но сначала решить вопрос с наследниками П. И. Харитоненко, на деньги которого был основан кадетский корпус [12, л. 20–21].

После прихода к власти в Украине гетмана П. П. Скоропадского (с 29 апреля по 14 декабря 1918 г.) военно-учебное заведение в Сумах было восстановлено (неофициально именовалось «Сумской войсковой бурсой»). К этому времени в нем

собрались кадеты из Орловской, Воронежской, Московских, 2-й Петроградской гимназий военного ведомства и Морского корпуса (училища).

7 июня 1918 г. старший воспитатель 3-го возраста Полоцкой гимназии военного ведомства полковник И. Н. Свенцицкий, возглавлявший полочан в Сумах, направил в Симбирск исполняющему должность директора гимназии генерал-майору И. А. Котрохову рапорт о состоянии вверенной ему роты. В нем он сообщал: «До 1-го июля сего года на содержание служащих и воспитанников давало средства министерство Украины. С 1-го июля оно прекращает нас содержать, и мы остаемся без всяких средств к существованию. Не получая содержания, служащие, как низшие, так и высшие, разойдутся, приискивая себе пропитание; многим и очень многим воспитанникам придется остаться без образования и на улице за неимением средств содержать себя в других учебных заведениях. Общий педагогический совет Сумской гимназии военного ведомства дал свое согласие оставить наш возраст у себя до перевода в Полоцк, а директор гимназии будет ходатайствовать об этом перед министерством Украины. Нужны только средства на наше содержание. Прошу Вас принять все меры, чтобы снабдить нас деньгами в самом непродолжительном времени» [13, л. 4–4 об.].

Кроме того, И. Н. Свенцицкий просил сообщить о наличии учебников для 3-го класса (предполагалось открыть в Сумах одно отделение 3-го класса для тех, кто в 1918 г. переходил в него) и о том, будут ли по-прежнему содержаться в корпусе воспитанники на стипендии дворян [13, л. 4 об.]. Офицер также сообщил о составленной на 1918 г. смете в размере 150 тыс. руб. Однако он выразил сомнение, что этой суммы действительно хватит на содержание роты из-за «прогрессирующей дороговизны», и предположил, что расходы достигнут 200 тыс. руб. [13, л. 5]. Для сравнения, содержание всего Полоцкого кадетского корпуса в 1916 г. составляло 199 750 руб. в год [14, л. 2 об. – 3].

В заключение полковник И. Н. Свенцицкий выразил сомнение в возможности возвращения корпуса на Полотчину. «Возвращение в Полоцк в текущем учебном году мы считаем совершенно невозможным, – делился мыслями офицер. – Мы даже сомневаемся чтобы можно было осуществить мысль об объединении всех рот в одном из городов Поволжья: Украина может не дать согласия на вывоз казенного ротного имущества» [13, л. 5–5 об.].

О положении, в котором находились полочане в Сумах, может свидетельствовать и тот факт, что даже на пересылку рапорта у старшего офицера Полоцкой гимназии военного ведомства не было денег. В своем сопроводительном

письме к исполняющему должность директора И. А. Котрохову И. Н. Свенцицкий сообщал: «По наведенным справкам пересылка письма через артель “Харьковский гонец” стоит во Владикавказ 10 (десять) рублей, поэтому эта дороговизна и заставила меня отложить отправкою рапорта. Директор [Сумской. – Авт.] гимназии [А. М.] Саранчов не может дать денег... Если у Вас есть деньги, то прошу копию с моего рапорта отправить генералу Чигирю. 2-ая рота находится не в лучшем положении т. к. у нее нет помещения» [13, л. 2–3 об.].

В таком неопределенном положении 3-я рота полочан находилась в течение нескольких месяцев. В конце 1918 г., когда возникла угроза захвата г. Сумы красноармейцами, «кадеты были распущены по домам, но много их осталось в корпусе, и стал вопрос об эвакуации» [15, с. 88]. Директор Сумского кадетского корпуса с группой сотрудников заведения и членов их семей выехали в Киев в местный кадетский корпус, «где были радушно приняты» [15, с. 89]. Однако вскоре из-за угрозы Киеву, снова стал вопрос об эвакуации, на этот раз в Одессу. Впрочем, вывезти из города сразу два кадетских корпуса оказалось непросто: украинцы отказывались предоставить состав. Однако в последний момент необходимые вагоны были поданы и кадеты успешно добрались до Одессы [15, с. 89].

К середине 1919 г. первые четыре класса сумчан и 3-ю роту полочан переместили в Крым, где в январе 1920 г. в Феодосии было образовано учебное заведение (интернат) для малолетних воспитанников при Киевском Константиновском военном училище [3, с. 328; 4, с. 148–151]. В этот интернат по приказу генерала А. И. Деникина с фронта отправляли всех несовершеннолетних детей [4, с. 149–151]. Директором учебного заведения был назначен полковник князь П. П. Шаховской (бывший ротный командир сумчан) [3, с. 328].

Судьба 2-й роты. Еще более сложным оказалось положение 2-й роты (2-го возраста) полочан, которая вместе с воспитанниками-одесситами находилась в Новочеркасске. Поскольку область Войска Донского стала местом сосредоточения сторонников Белого движения, в ней скопилось множество военных. Из-за отсутствия приемлемых условий для проживания и организации учебного процесса, в октябре 1917 г. решением атамана Всеволодского Войска Донского Одесская гимназия военного ведомства была упразднена. В ноябре 1917 г. полочане и одесситы, группами по 15–20 человек, «с большими трудностями и опасностями» были возвращены в Одессу [4, с. 58, 59]. В это время город еще не был под контролем большевиков.

В связи с тем, что здание Одесского кадетского корпуса было занято солдатами запасных полков, воспитанников разместили в бывшем женском Епархиальном училище. Однако уже не как гимназию военного ведомства, а как среднее учебное заведение без наименования (хотя директором по-прежнему был полковник В. А. Бернацкий) [4, с. 59].

Занятия, после их возобновления, проводились в увеличенном объеме: необходимо было наверстать упущенное время после переездов в Ростов-на-Дону, Новочеркасск и обратно в Одессу. Однако в декабре 1917 – январе 1918 г. в Одессе начались беспорядочные перемены власти (она переходила из рук в руки различным «группировкам украинского толка», а затем – к большевикам). Поэтому полочане были вынуждены часто перемещаться с места на место [4, с. 59].

До весны 1918 г., в условиях политической нестабильности, занятия проходили с большими перебоями. «Питались кадеты тем, что могли добыть, жили или по домам, или у знакомых, – вспоминал один из воспитанников-одесситов. – В училище приходили только на занятия» [4, с. 59].

После вступления в Одессу весной 1918 г. австро-германских войск, новые власти поддерживали гетмана П. П. Скоропадского. И тот возродил Одесский кадетский корпус, но уже как «гетманский» (т. е. украинский). Кроме того, при нем были восстановлены Киевский, Сумской и Полтавский кадетские корпуса [3, с. 203, 251, 276; 4, с. 4].

Сначала полочан и одесситов перевели в здание артиллерийского училища. Затем корпусной администрации вернули прежние здания. Полоцких кадетов вновь разместили на третьем этаже. После очистки помещений и приведения их в порядок начались занятия. Воспитанники снова получили кадетскую форму, «но с погонами украинского образца» (учащиеся называли их «селедками») [4, с. 59–60]. В Одессе в более-менее стабильном положении полочане пребывали до конца 1918 г. [1, 2].

После ноябрьской революции в Германии и ее капитуляции Одесса попала в сферу влияния стран Антанты. В декабре 1918 г. в Одесский порт прибыл французский линейный корабль «Мирабо». После падения власти гетмана П. П. Скоропадского в городе высадился 15-тысячный корпус Антанты. Однако уже в марте 1919 г. под давлением частей Красной армии (состояли преимущественно из перешедших на сторону большевиков отрядов атамана Н. А. Григорьева), войска Антанты оставили Херсон и Николаев. А в начале апреля 1919 г. они покинули и Одессу.

В марте 1919 г. для эвакуации полоцким и одесским кадетам была предоставлена плавучая мастерская «Кронштадт». Однако команда судна,

узнав, что оно предназначено для кадетов, покинула пароход. Тогда вести его взялся морской офицер, который оказался среди пассажиров. Ему помогали старшие кадеты. Под их управлением в машинном отделении удалось поднять пары, и «Кронштадт» тронулся с места. За штурвалом также были кадеты. Опасаясь натолкнуться на минные поля времен мировой войны, пароход шел медленно, держась берега. Тем не менее «Кронштадт» сел на мель. Только с помощью двух английских миноносцев его удалось снять с мели, и он вернулся в Одессу. В порту одесситов перегрузили на пароход «Великий князь Александр Михайлович», а полочан – на грузовой пароход «Петр Регир». Последний доставил кадетов в Новороссийск [16; 4, с. 95].

Затем воспитанников перевезли в Туапсе. В апреле 1919 г. Одесский кадетский корпус (вместе с полочанами) был восстановлен в составе Вооруженных Сил Юга России (ВСЮР). После занятия Одессы войсками А. И. Деникина (август 1919 г.), воспитанников обоих корпусов в октябре 1919 г. морем вернули в родной город.

В начале декабря 1919 г. в Одессу был передислоцирован Киевский кадетский корпус (около 130 кадетов, 20 воспитателей с семьями). Как и полочан, киевлян разместили в здании Одесского корпуса (для них отвели «большой зал на верхем этаже» [4, с. 137]. При этом все три корпуса (общая численность воспитанников достигала 900 человек) до конца января 1920 г. жили в Одессе своей жизнью: со своими директорами и соблюдая свои традиции [4, с. 104, 137].

Когда возникла угроза занятия города красноармейцами, 4 февраля 1920 г. была объявлена эвакуация. Однако колебания и нераспорядительность директора Одесского кадетского корпуса полковника В. А. Бернацкого привели к тому, что время для погрузки всех воспитанников на суда было упущено [4, с. 104].

В итоге многие события развивались спонтанно, что привело к дроблению корпусов. В ночь на 7-е февраля часть кадетов под командой офицеров (20 старших кадетов-киевлян, 2-й взвод 1-й роты и 2-я полурота одесситов, два класса полочан) направилась в порт. Затем к ним присоединились младшие кадеты-киевляне. Всех их на борт взял английский крейсер «Церес» [4, с. 105–106, 139, 140].

Позднее в открытом море одна группа (126 воспитанников и 20 лиц персонала) была пересажена на пароход «Рио Негро». Ее доставили в греческий порт Солоники. Оттуда кадеты поездом добрались до Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев (далее – КСХС) (через Белград их отправили в Панчево) [4, с. 140]. Вторая группа (около 130 младших кадетов-киевлян [4, с. 106]) была пересажена на болгарский пароход

«Царь Фердинанд». Он доставил подростков в порт Варну, откуда их переправили в г. Сисак (КСХС) [4, с. 141]. 10 марта 1920 г. кадеты Киевского, Одесского и 2-й роты Полоцкого корпусов были сведены в один, который получил наименование «Сводного кадетского корпуса».

Однако большая часть кадетов (около 400 человек) 7 февраля 1920 г. не смогла пробраться в Одесский порт. Среди них были «1-й и 3-й взводы 1-й роты и почти все младшие кадеты, числом около 350 человек, вместе с большинством офицеров и преподавателей с их семьями» [4, с. 105]. Под командованием полковника В. А. Бернацкого они попытались эвакуироваться сухопутным путем в Румынию. Однако румынские власти их не пропустили [4, с. 113].

После этого полурота 1-й роты (48 страших и 4 младших кадетов, при 4 офицерах) вместе с воинскими частями продолжили поход, чтобы соединиться с отрядом генерала Н. Э. Бредова. Этим кадетам, с потерями (осталось 43 учащих и 1 офицер, остальные погибли 15 февраля в бою при Канделе или в пути), все же удалось прорваться в Румынию. Оттуда они были эвакуированы в КСХС, где 25 апреля 1920 г. влились в Сводный кадетский корпус [4, с. 123]. Во время этого похода погибли кадет-полочанин Патон и полковник Полоцкого корпуса Г. И. Рогойский (пропал без вести 16 февраля, по некоторым данным, обессиленный, он застрелился) [4, с. 89, 112, 115, 119, 120].

Оставшиеся около 310 кадетов (полурота 2-й роты (40 человек) и полностью 3-я рота одесситов) и 45 человек служащих с семьями [4, с. 115] не смогли эвакуироваться в Румынию. Во главе с полковниками В. А. Бернацким и П. Ф. Овсянниковым они были вынуждены возвращаться в Одессу, занятую большевиками [4, с. 115]. На входе в город офицеры и старшие кадеты были задержаны. Младших воспитанников сначала вернули в здание кадетского корпуса, а затем их выпустили по домам. Тех, у кого не оказалось родных, приняли на попечение сочувствующие горожане [4, с. 87–90]. В июне 1920 г. из этой группы по обвинению в контрреволюционном заговоре большевики расстреляли не менее трех офицеров Полоцкого кадетского корпуса (полковников П. Ф. Овсянникова, А. Н. Снитко, Н. И. Бышевского) и кадета-полочанина «Кочмаржевского» (вероятно, Ричарда Конаржевского. – *Авт.*) [4, с. 90].

Всего из Одессы, морем и по суше, удалось эвакуировать более 250 воспитанников. «Я принял в составе Киевского корпуса 95 кадет и 18 лиц персонала, в составе Одесского – 126 кадет и 20 лиц персонала, – вспоминал директор Сводного кадетского корпуса генерал Б. В. Адамович. – 25 апреля прибыли еще 42 кадета, пробив-

шиеся сухим путем с боями и потерями через Днестр в Румынию под командой полковника [А. Ф.] Гущина и капитана [Г. Л.] Реммерта. Таким образом, всего собралось в первом составе корпуса 263 кадета и 40 лиц персонала» [17, л. 72 об.].

Судьба 1-й роты. В схожем положении оказалась и 1-я рота (1-й возраст) полочан. В конце 1917 г. Владикавказ стал одним из центров зарождения Белого движения. В начале Гражданской войны на Тереке Владикавказская гимназия военного ведомства официально была упразднена [6].

Поэтому когда полковник Б. Н. Литвинов возглавил восстание терских казаков, многие служащие и воспитанники кадетского корпуса его поддерживали. Вероятно, именно в этот период во Владикавказе погиб директор Полоцкого кадетского корпуса генерал М. Г. Чигирь. Личный состав Владикавказского корпуса в течение трех с половиной месяцев с боями отступал в Екатеринодар. Многие погибли. После боя у станции Воровсколеской, в ноябре 1918 г. отряд Б. Н. Литвинова объединился с войсками Добровольческой армии. «В офицерской роте полковника Литвинова, Туркестанского стрелка и Георгиевского кавалера, едва ли не половину составляли кадеты, – вспоминал современник. – Некоторые из них ростом не превышали носимых ими с гордостью тяжелых пехотных винтовок. Эта рота считалась надежной частью...» [18, с. 5].

В это время быт кадетов-владикавказцев и полочан был крайне тяжелым: «Они уже живут коммунальной, последний акт их деятельности была продажа штанов (белья уже нет). Не откажите как-то устроить, – писал полковник Б. Н. Литвинов атаману Всевеликого Войска Донского, – чтобы они получили хоть белье» [18, с. 5].

После занятия ВСЮР в феврале 1919 г. Владикавказ генерал А. И. Деникин издал приказ о возобновлении работы Донского и Владикавказского кадетских корпусов. В газете «Великая Россия» (Ростов-на-Дону) были размещены объявления: «Владикавказский кадетский корпус работает в Ростове-на-Дону, набирает преподавателей» [18, с. 5]. И уже осенью 1919 г. он возобновил занятия в своем здании. Директором учебного заведения снова стал генерал В. В. Троцкий-Сенютович, затем его сменил М. Н. Голеевский [3, с. 138–139].

В октябре 1919 г. в связи с угрозой захвата Полтавы большевиками начальник военно-учебных заведений ВСЮР приказал передислоцировать Полтавский (бывший Петровский Полтавский) кадетский корпус во Владикавказ. После его прибытия, в декабре 1919 г., оба корпуса были объединены. При этом общая численность кадетов во Владикавказе возросла с 500 до 700 человек, а с учетом и полочан – до 900 [3, с. 276; 4, с. 4, 147; 5, с. 147; 18, с. 6].

Поражение Белых правительств предрешило и судьбу кадетских корпусов. В марте 1920 г. Владикавказский корпус вместе с полтавскими и полоцкими кадетами, персоналом трех учебных заведений и их семьями (до 800 человек) выступил походным порядком в Грузию. Дорога до Кутаиси заняла несколько дней. Оттуда кадеты по железной дороге были доставлены в Батуми. По свидетельству мемуаристов, в июне 1920 г. их на пароходе «Кизил Арват» доставили в Крым. Здесь произошло окончательное объединение трех корпусов в Ореанде [4, с. 147; 5, с. 147].

Первоначально военно-учебное заведение получило название «Сводный Полтавско-Владикавказский кадетский корпус» [4, с. 147; 5, с. 147], а в октябре 1920 г. оно было переименовано в Крымский кадетский корпус. К октябрю 1920 г. численный состав этого учебного заведения приблизился к 500 человекам, и было принято решение часть воспитанников разместить в приспособленных под казарму помещениях в пос. Массандра [3, с. 138–139, 276; 4, с. 148–149; 18, с. 7]. В октябре 1920 г. в состав Крымского кадетского корпуса был включен Феодосийский интернат (более 100 юношей от 8 до 16 лет) [4, с. 148, 151].

В ночь на 15 ноября 1920 г. началась эвакуация Крымского кадетского корпуса. Младшая рота была погружена на пароход «Константин», а основной состав – на паровую баржу «Хриси». На пятье сутки баржа и пароход прибыли в Константинополь. Вскоре все кадеты были пересажены на пароход «Владимир». Там к корпусу присоединились воспитанники Феодосийского интерната во главе с князем П. П. Шаховским, эвакуировавшиеся из Крыма на пароходе «Корнилов» (всего – свыше 600 человек) [4, с. 151; 5, с. 150]. После продолжительной стоянки в Константинополе (ни одно из государств не хотело принимать эмигрантов) 8 декабря 1920 г. пароход прибыл в бухту Бакар (КСХС). Оттуда по железной дороге кадетов перевезли в г. Стримице [4, с. 152; 5, с. 151].

После окончательного разгрома Белого движения к 1922 г. за границей оказалось примерно 2000 кадетов, которые были сведены в семь корпусов: Донской – в Исмаилии (Египт, эвакуирован из Новороссийска), Сводный (затем – Первый Русский) – в Сараеве (составлен из остатков Киевского, Одесского и 2-й роты Полоцкого корпусов), Крымский (из Владикавказского, Полтавского, двух рот Сумского, 1-й и 3-й рот Полоцкого корпусов) – в Белой Церкви, 2-й Донской (был образован в Евпатории из

остатков Донского кадетского корпуса) – в Билече (все три – КСХС), Морской – в Бизерте (Тунис), Сибирский (Омский) и Хабаровский – в Шанхае (Китай) [4, с. 6–7; 8]. Среди их воспитанников было несколько десятков бывших полочан.

Заключение. Таким образом, на судьбу Полоцкого кадетского корпуса кардинальным образом повлиял приход к власти большевиков. После принятия советским правительством решения о ликвидации гимназий военного ведомства большинство из них к лету 1918 г. официально прекратили свое существование. Однако на практике ликвидация учебных заведений зависела от места дислокации: они были упразднены только в зоне контроля большевиков. На неподконтрольных им территориях Украины, Дона, Кавказа, Сибири и Дальнего Востока кадетские корпуса возрождались. Так, 3-я (Сумы) и 2-я (Одесса) роты полочан находились на территориях, подконтрольных в 1918 г. различным украинским властям, а в 1919–1920 гг. – Добровольческой армии и Вооруженным Силам Юга России. В зоне зарождения Белого движения, во Владикавказе, оказалась 1-я рота полочан. Не случайно, что главной целью кадетских корпусов становилась подготовка офицерских кадров для продолжения борьбы с советской властью.

Небывалый по своим масштабам размах Гражданской войны привел к тому, что даже восстановленные кадетские корпуса находились в очень тяжелом положении. Из-за нехватки помещений и финансирования они вынуждены были часто менять места дислокации. При этом постоянно существовали проблемы с обмундированием и питанием воспитанников, что отрицательно сказывалось на качестве подготовки учащихся.

К осени 1920 г. большинство из оставшихся воспитанников Полоцкого кадетского корпуса были эвакуированы в Крым, где поступили в состав Крымского кадетского корпуса (1-я рота) и Феодосийского интерната (3-я рота). Впоследствии они объединились в составе Крымского кадетского корпуса, который был перемещен в Белую Церковь (Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев). В то же время 2-я рота полочан в составе Одесского корпуса была эвакуирована морем и сушей (с боями) в г. Сараево, где вошла в состав Сводного кадетского корпуса. При этом некоторая часть воспитанников и офицеров Полоцкого кадетского корпуса была вынуждена вернуться в Одессу, занятую большевиками. Их судьба в основном была трагична.

Список литературы

1. Одесский великого князя Константина Константиновича кадетский корпус. 1899–1924 / сост. В. А. Качоровский. Нью-Йорк: Изд. инициативной группы и Нью-Йоркского объединения кадет Одесского великого князя Константина Константиновича кадетского корпуса, [1974]. 365, [3], 61 с.

2. Полоцкий кадетский корпус / предисл.: Вадим Ситковский. Сан Франциско: Изд-во «Глобус»; Рус. Нац. изд-во и тип. Вл. Азар, 1982. 163, [5] с.
3. Волков С. В. Белое движение в России: организационная структура (Материалы для справочника). М.: [Б. и.], 2000. 368 с.
4. Кадеты и юнкера в Белой борьбе и на чужбине / сост., науч. редакция, предисл. и коммент. д-ра ист. наук С. В. Волкова. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2003. 927 с.
5. Гурковский В. А. Крымский кадетский корпус. 1920–1929 гг. // Вестник архивиста. 2010. № 2. С. 147–169.
6. Хубулова С. А. «Все пути, связывающие Закавказье с северным Кавказом, ведут через Владикавказ...». Из истории Владикавказского кадетского корпуса // Военно-исторический журнал. 2013. № 5. С. 39–43.
7. Кадетские корпуса XIX – нач. XX вв.: украинское измерение (система обучения и воспитания) / сост.: А. Г. Барадачев, В. В. Цыбулькин, Л. Н. Рожен. Киев: Пресса Украины, 2012. 272 с.
8. Самович А. Л. Военная школа России в 1914–1920 гг.: кадетские корпуса. М.: Спутник+, 2002. 50 с.
9. Шайкоў В., Лукашэвіч А. Полацкі кадэцкі корпус і яго выхаванцы // Беларускі гістарычны часопіс. 1999. № 4. С. 45–51.
10. Лукашевич А. М. Реформа средних военно-учебных заведений в России и ее судьба (1917–1918) // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2023. № 4. С. 6–22.
11. Лукашевич А. М. Полоцкий кадетский корпус в годы Первой мировой войны (1914–1918) // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2024. № 2. С. 17–32.
12. Государственный архив Сумской области. Ф. Р-354. Оп. 1. Д. 55.
13. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 2613. Оп. 1. Д. 164.
14. НИАБ. Ф. 2613. Оп. 1. Д. 241.
15. Широкая А. Последний привет // Кадетская перекличка. 1978. № 20. С. 88–91.
16. Буйневич Л. «Кронштадт» // Кадетская перекличка. 1975. № 11. С. 5–22.
17. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-6792. Оп. 2. Д. 165.
18. Экспертиза Комплекса Владикавказского кадетского корпуса. Обоснование целесообразности включения выявленного объекта культурного наследия, Комплекс Владикавказского кадетского корпуса по адресу: Республика Северная Осетия-Алания, пр. Коста, д. 32, 34 в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. Приложение 1. Историческая справка. URL: <https://okn.alania.gov.ru/sites/okn/files/media/pages/files/2018-05/%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%201%20%D0%98%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D1%81%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BA%D0%B0.pdf> (дата обращения: 10.05.2024).

References

1. Kachorovskiy V. A. (comp.). *Odesskiy velikogo knyazya Konstantina Konstantinovicha kadetskiy korpus. 1899–1924* [Odessa Grand Duke Konstantin Konstantinovich Cadet Corps. 1899–1924]. New York, Izd. initsiativnoy gruppy i N'yu-Yorskogo ob'yedineniya kadet Odesskogo velikogo knyazya Konstantina Konstantinovicha kadetskogo korpusa Publ., [1974]. 365, [3], 61 p. (In Russian).
2. *Polotskiy kadetskiy korpus (predisl.: Vadim Sitkovskiy)* [Polotsk Cadet Corps; preface: Vadim Sitkovsky]. San Francisco, Izd-vo “Globus”; Rus. Nats. izd-vo i tip. Vlad. Azar Publ., 1982. 163, [5] p. (In Russian).
3. Volkov S. V. *Beloye dvizheniye v Rossii: organizatsionnaya struktura (Materialy dlya spravochnika)* [White movement in Russia: organizational structure. (Materials for the reference book)]. Moscow, [without publisher], 2000. 368 p. (In Russian).
4. Volkov S. V. (compl., edit.) *Kadety i yunkera v Beloy bor'be i na chuzhbine* [Cadets and cadets in the White struggle and in foreign lands]. Moscow, ZAO “Tsentrpoligraf” Publ., 2003. 927 p. (In Russian).
5. Gurkovskiy V. A. Crimean Cadet Corps. 1920–1929. *Vestnik arkhivista* [Archivist's Bulletin], 2010, no. 2, pp. 147–169 (In Russian).
6. Khubulova S. A. “All routes connecting Transcaucasia with the northern Caucasus lead through Vladikavkaz...” From the history of the Vladikavkaz Cadet Corps. *Voyenno-istoricheskiy zhurnal* [Military-historical magazine], 2013, no. 5, pp. 39–43 (In Russian).
7. Baradachev A., Tsybul'kin V., Rozhen L. (compl.) *Kadetskiye korpusa XIX – nach. KHKH vv.: ukrainskoye izmereniye (sistema obucheniya i vospitaniya)* [Cadet corps XIX – early XX centuries: Ukrainian dimension (system of training and education)]. Kyiv, Pressa Ukrainy Publ., 2012. 272 p. (In Russian).

8. Samovich A. L. *Voyennaya shkola Rossii v 1914–1920 gg.: kadetskiye korpusa* [The military school of Russia in 1914–1920: cadet corps]. Moscow, Sputnik+ Publ., 2002. 50 p. (In Russian).
9. Shaykou V., Lukashevich A. Polotsk cadet corps and its pupils. *Belaruski gistorychny chasopis* [Belarusian Historical Journal], 1999, no. 4, pp. 45–51 (In Belarusian).
10. Lukashevich A. M. Reform of secondary military educational institutions in Russia and its fate (1917–1918). *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Journal of the Belarusian State University. History], 2023, no. 4, pp. 6–22 (In Russian).
11. Lukashevich A. M. Polotsk cadet corps during the World War I (1914–1918). *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Journal of the Belarusian State University. History], 2024, no. 2, pp. 14–29 (In Russian).
12. *Gosudarstvennyy arkhiv Sumskoy oblasti* [State Archives of the Sumy Region]. Fund R-354. I. 1. F. 55 (In Russian).
13. *Natsional'nyy istoricheskiy arkhiv Belarusi (NIAB)* [National Historical Archive of Belarus (NHAB)]. Fund 2613. I. 1. F. 164.
14. NHAB. Fund 2613. I. 1. F. 241.
15. Shirokaya A. Last greetings. *Kadetskaya pereklichka* [Cadet roll call], 1978, no. 20, pp. 88–91 (In Russian).
16. Buynevich L. “Kronstadt”. *Kadetskaya pereklichka* [Cadet roll call], 1975, no. 11, pp. 5–22 (In Russian).
17. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [State Archive of the Russian Federation]. Fund R-6792. I. 2. F. 165.
18. Examination of the Vladikavkaz Cadet Corps Complex. Justification of the feasibility of including the identified cultural heritage site, the Vladikavkaz Cadet Corps Complex at the address: Republic of North Ossetia-Alania, Kosta Ave., 32, 34, into the unified state register of cultural heritage sites (historical and cultural monuments) of the peoples of the Russian Federation. Appendix 1. Historical background. Available at: <https://okn.alania.gov.ru/sites/okn/files/media/pages/files/2018-05/%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%201%20%D0%98%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D1%81%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BA%D0%B0.pdf> (accessed 05.10.2024) (In Russian).

Информация об авторе

Лукашевич Андрей Михайлович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени. Белорусский государственный университет (220030, г. Минск, пр-т Независимости, 4, Республика Беларусь). E-mail: lukashevand@mail.ru

Information about the author

Lukashevich Andrei Mikhailovich – DSc (History), Professor, Professor, the Department of history of Belarus of new and contemporary times. Belarusian State University (4, Nezavisimosti Ave., 220030, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: lukashevand@mail.ru

Поступила 04.06.2024

УДК 94(476)

А. В. Хованский

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

**БЕЛОРУССКИЕ ЗЕМЛИ В СИСТЕМЕ ВОЕННО-ОКРУЖНОГО УПРАВЛЕНИЯ
II РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В 1918–1921 ГГ.**

В статье рассматривается деятельность польского правительства по устройству на белорусских землях, находившихся под контролем Польши, органов местного военного управления. Созданные в 1918–1921 гг. генеральные округа в регионе выполняли функции территориальных администраций Войска Польского. Отмечается, что структура округов на белорусских землях в целом повторяла устройство органов центрального управления. Стоявшие во главе их командиры были наделены широкими полномочиями. Окружные управления на протяжении всего межвоенного периода отвечали за организацию внутренней службы, боевую подготовку, всестороннее обеспечение, а также за вопросы, связанные с сотрудничеством с гражданскими властями, в том числе содействуя им в борьбе с национально-освободительным движением белорусов.

Делается вывод, что военно-окружные управления занимали важное место как в системе безопасности региона, так и страны в целом. Генеральные округа на белорусских землях формировались не одновременно, а их структура характеризовалась неустойчивостью, что было обусловлено складывавшейся военно-политической обстановкой вокруг II Речи Посполитой. В связи с окончанием Польско-советской войны, административно-территориальным переустройством и переходом армии к мирной организации в ноябре 1921 г. существовавшие на белорусских землях генеральные округа были реорганизованы в округа корпусов.

Ключевые слова: военное управление, белорусские земли, генеральные округа, Польша, безопасность.

Для цитирования: Хованский А. В. Белорусские земли в системе военно-окружного управления II Речи Посполитой в 1918–1921 гг. // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2024. № 2 (287). С. 35–40.

DOI: 10.52065/2520-6885-2024-287-6.

A. V. Khavanski

Yanka Kupala State University of Grodno

**BELARUSIAN LANDS IN THE SYSTEM OF MILITARY DISTRICT
ADMINISTRATION OF THE II RICHE POSTPOLITANA IN 1918–1921**

The article examines the activities of the Polish government in establishing local military administration bodies on the Belarusian lands that were under Polish control. Created in 1918–1921 general districts in the region performed the functions of territorial administrations of the Polish Army. It is noted that the structure of districts in the Belarusian lands generally repeated the structure of central government bodies. The commanders who headed them were endowed with broad powers. Throughout the interwar period, district departments were responsible for the organization of internal service, combat training, comprehensive support, as well as for issues related to cooperation with civil authorities, including assistance in the fight against the national liberation movement of Belarusians.

It is concluded that military district departments occupied an important place both in the security system of the region and the country as a whole. The districts on the Belarusian lands were not formed simultaneously, and their structure was characterized by instability, which was due to the emerging military-political situation around the Second Polish-Lithuanian Commonwealth. In connection with the end of the Polish-Soviet War, the administrative-territorial reorganization and the transition of the army to a peaceful organization in November 1921, the general districts that existed on the Belarusian lands were reorganized into corps districts.

Keywords: military administration, Belarusian lands, general districts, Poland, security.

For citation: Khavanski A. V. Belarusian lands in the system of military district administration of the II Riche Pospolitana in 1918–1921. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2024, no. 2 (287), pp. 35–40 (In Russian).

DOI: 10.52065/2520-6885-2024-287-6.

Введение. Деление территории страны на военно-административные единицы (округа) практиковалось во многих государствах и имело целью обеспечение проведения мероприятий, связанных с эффективной подготовкой конкретного региона и его силового блока на случай военной угрозы. Аппарат местной военной администрации выполнял важные функции по обеспечению текущего функционирования воинских частей, организации боевой подготовки, одновременно, в случае эскалации военно-политической обстановки, выступая в качестве организационного ядра для формирования полевых органов управления армии. Исследования истории устройства военно-окружного управления в 1918–1921 гг. на белорусских землях в составе II Речи Посполитой до настоящего времени характеризуются недостаточной изученностью. Несмотря на то, что появился ряд трудов по теме, тем не менее они не охватывают все стороны и направления функционирования военной организации в регионе. Одним из недостаточно рассмотренных аспектов по-прежнему остается развитие военно-административного аппарата и его влияние на вопросы безопасности как на государственном, так и на региональном уровне. Из существовавших в межвоенный период в Польше военных (генеральных) округов комплексно исследованы только Лодзинский и Львовский [1, 2]. В свою очередь, вопросы, связанные с особенностями организации регионального военного управления в Западной Беларуси, рассматривались лишь косвенно. Вместе с тем окружные штабы, существовавшие с 1918 по 1939 г., обладали широкими полномочиями и играли важную роль в области обеспечения военной безопасности. В статье рассматривается устройство военно-окружных управлений на белорусских землях в составе Польши в 1918–1921 гг.

Основная часть. Традиции военно-окружного строительства на землях, некогда входивших в состав Речи Посполитой, берут свое начало еще в XIX в. В 1807 г. по условиям Тильзитского мирного соглашения было образовано Великое Герцогство Варшавское. Во главе этого государственного образования, находившегося фактически под протекторатом наполеоновской Франции, был назначен король Саксонии Фридрих Август I. Его указом от 20 марта 1810 г. территория герцогства была разделена на четыре военных округа во главе с комендантами (1-й – варшавский, 2-й – познанский, 3-й – люблинский, 4-й – радомский). Де-факто военно-окружное устройство здесь просуществовало лишь три года. Решением Венского конгресса территория герцогства была присоединена к Российской империи как Королевство Польское [3, s. 208–209; 4, s. 23].

Летом 1862 г. в условиях начавшихся антиправительственных выступлений для восстановления правопорядка и обеспечения безопасности западных границ Российской империи были созданы Варшавский и Виленский военные округа, просуществовавшие до начала Первой мировой войны. В 1914 г. в ходе проведения мобилизационных мероприятий на базе Варшавского военного округа были созданы органы полевого управления Северо-Западного фронта, а также сформирован Минский военный округ на театре военных действий. В свою очередь, Виленский округ стал организационной основой для создания Двинского военно-окружного управления. Весной 1918 г. в связи с окончательным разложением российской армии, революцией и дезорганизацией органов военного управления, Минский и Двинский военные округа были расформированы [5, с. 337].

В 1918 г. в условиях становления правительственных институтов польского государства власти предпринимали шаги по созданию собственной армии и аппарата ее управления. Генеральный штаб, сформированный в октябре 1918 г., разработал организационную структуру Вооруженных Сил страны. Роль высших военно-территориальных управлений в ней возлагалась на местные военные инспекции, которым, в свою очередь, на местах подчинялись военные округа. Так, 30 октября 1918 г. был издан приказ, на основании которого территория страны делилась на 15 военных округов. Позднее 14-й и 15-й округа были объединены в один – 14-й (Бельск-Подляски). Кроме того, были образованы три военные инспекции как базы для формирования полевых органов управления в случае военной угрозы: Варшавская, Келецкая, Люблинская. Начальники инспекций (инспекторы) подчинялись непосредственно Генеральному штабу [6, s. 12].

10 ноября 1918 г. приказом начальника Генерального штаба была создана Петркувская инспекция. Однако такое устройство военного управления просуществовало всего несколько недель, поскольку уже в ноябре 1918 г. инспекции были преобразованы в генеральные округа [7, s. 13].

Процесс становления аппарата местного управления польской армии в конце 1910-х гг. характеризовался неустойчивостью и противоречивостью, и только передача 11 ноября 1918 г. всей полноты власти Ю. Пилсудскому несколько улучшила ситуацию. Уже 17 ноября 1918 г. территория Польши была разделена на пять генеральных округов: Варшавский, Люблинский, Келецкий, Лодзинский и Краковский [2, s. 186].

В процессе расширения подконтрольных польскому правительству территорий создавались новые генеральные округа. 29 декабря 1918 г.

командованием Войска Польского было сформировано управление генерального округа Вильно. Для его названия часто используют наименование «Генеральный округ Литвы и Беларуси». Командующим округом был назначен генерал-лейтенант Вейтко В. Однако уже в январе 1919 г. польская военная администрация под натиском наступавших частей Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА) была вынуждена покинуть город, вернув контроль над ним лишь в апреле 1919 г. [8, с. 267].

19 октября 1919 г. в условиях установления польского контроля над западнобелорусскими землями здесь был учрежден генеральный округ Гродно (первоначально со штаб-квартирой в Белостоке). Территориальная форма генеральных округов была различной и зачастую не совпадала с административно-территориальным делением страны, что определялось не только решениями центрального правительства, но и текущим положением линии фронта. Часто работу окружных администраций приходилось приостанавливать из-за нахождения в непосредственной близости от линии фронта, а сами командования эвакуировать за пределы прифронтовой зоны. Именно в такой ситуации оказалось управление генерального округа Гродно. 9 августа 1920 г. в условиях успешного наступления РККА оно было расформировано. Похожая участь ждала и созданный в июле 1920 г. на украинских землях округ Ровно, который уже в конце того же месяца был ликвидирован [9, л. 10].

В случаях восстановления контроля польской администрации над оставленными территориями военно-окружная организация в них снова возобновляла работу, однако иногда (с учетом обстановки) пересматривались места размещения штаб-квартир командований, что также приводило к изменению наименований округов. 4 декабря 1920 г. управление генерального округа Гродно было частично воссоздано, однако временно местопребыванием его штаба был определен г. Белосток. Само же командование получило статус «филиала генерального округа Варшава в Белостоке». Его компетенции распространялись на Белостокский, Бельский, Сокульский, Гродненский, Волковысский, Пружанский, Брестский и Кобринский поветы. 15 апреля 1921 г. округ был переименован на генеральный округ Белосток [10, с. 101].

1 августа 1921 г. решением польских властей на белорусских землях был создан генеральный округ Брест-Литовский. Первым его командующим стал генерал-майор Краевский Ф. В состав округа вошли территории Барановичского, Беловежского, Бельского, Брестского, Дрогичинского, Кобринского, Косовского, Лунинецкого, Несвижского, Новогрудского, Пинского, Пру-

жанского, Слонимского поватов. Он граничил с генеральными округами Варшава, Люблин и Белосток (Гродно), на востоке достигал советско-польской границы. 17 августа 1921 г. управление генерального округа Брест-Литовск было переименовано в командование генеральным округом Брест над Бугом IX [11, л. 9].

Организационное устройство генеральных округов в Западной Беларуси во многом базировалось на общей структуре, определенной для всей страны. Утвержденная иерархическая организация командований соответствовала принципам управления «сверху вниз». Однако создание здесь округов не было процессом одновременным, что объяснялось интенсивными боевыми действиями за установление государственных границ. При этом генеральные округа на белорусских землях создавались несколько позже, что в значительной мере определило их более устойчивую организационно-штатную структуру [11, л. 9–10].

Во главе генеральных округов назначались командующие. Их властные полномочия в силу выполнения обязанностей во время военных действий были значительно расширены. На них возлагалась ответственность за надлежащую организацию внутренней службы, надзор за воинской дисциплиной, обеспечение правопорядка на вверенных территориях. К компетенции окружного командования также относились вопросы комплектования, мобилизации, материально-технического обеспечения, сохранности здоровья военнослужащих и право распоряжения не только военным имуществом, но и имуществом, принадлежавшим государственной казне [8, с. 267].

Кроме того, структура управления генеральных округов организационно была представлена: 1) заместителем командующего войсками; 2) начальником штаба, его заместителем; 3) интендантским отделением; 4) отделом строительства и квартирования; 5) отделом экономического контроля; 6) инженерным управлением; 7) окружными инспекциями (пехоты, артиллерии и транспорта); 8) санитарным и интендантским отделением; 9) отделом пастерской службы; 10) адъютантами командования. В свою очередь, в состав штаба округа входили отделы: а) организационно-мобилизационный; б) боевой подготовки; в) информационный; г) учебный; д) технический; е) кадровый для офицеров; ж) кадровый для рядового состава; з) военно-юридический [11, л. 34].

Начальник организационно-мобилизационного отдела округа одновременно являлся заместителем начальника штаба. Основные задачи отдела заключались в комплектовании частей, разработке мобилизационных планов, решении

вопросов, связанных с обучением, учетом резервных частей, охраной государственной границы и коммуникаций, надзором за организацией гарнизонной службы, в ведении учета топографических карт [2, s. 190].

Информационный отдел состоял из следующих секторов: разведывательного, политического, информационного, пропаганды, надзора и переписки, пленных и интернированных, военных объединений. К компетенции должностных лиц относились вопросы, связанные с изучением взаимоотношений внутри воинских коллективов, сбора информации об общественно-политической жизни на подведомственной территории, контроля прессы и военной корреспонденции, контрпропагандистской работы, функционирования лагерей для военнопленных.

Учебный отдел и отдел боевой подготовки курировали вопросы организации в округе процесса обучения, подготовки и переподготовки военных кадров, а также обеспечение войск в округе необходимой материально-учебной базой [7, s. 13].

В структуру технического отдела входили сектора: связи, конного и подвижного состава, ветеринарный, саперный, вооружения, автомобильный и железнодорожный. В компетенции отдела находились дела, касавшиеся военно-технического обеспечения войск, их вооружения, а также надзора за лошадьми, автомобилями и мотоциклами.

Отделы по кадрам для офицеров и для рядовых осуществляли ведение личных дел офицеров, унтер-офицеров, рядовых, курировали вопросы предоставления отпусков, назначений, перемещений по службе, переводов и др.

Военно-юридический отдел обеспечивал соблюдение правовых норм, указаний вышестоящих органов управления, а также контролировал работу, связанную с подготовкой правовых актов районными властями. В его состав входили три сектора: юридический, наследственный и экономико-правовой [7, s. 23].

Иерархическая структура генеральных округов также включала ряд самостоятельных отделов (отделений). Каждое из которых возглавлял начальник, непосредственно подчинявшийся командующему округом.

Санитарное отделение состояло из секторов: мобилизационно-организационного, кадрового, надзорного, гигиенического и санитарного контроля. Начальник отделения имел право отдавать распоряжения в области санитарно-эпидемиологического нормирования на всей территории округа. Ему были подчинены все лечебно-оздоровительные объекты, расположенные в зоне ответственности округа. Основными задачами были забота о здоровье солдат и офицеров, про-

филактика распространения инфекционных заболеваний, контроль за соблюдением санитарных норм в воинских частях, борьба с эпидемиями [1, s. 295].

Отдел экономического контроля состоял из секторов: предварительного контроля, последующего контроля и военного казначейства. Начальник отдела отвечал за организацию военного хозяйства, финансовое планирование, своевременное обеспечение денежными средствами частей и учреждений, осуществление финансового контроля в округе.

Отдел строительства и квартирования, состоял из трех секторов (технического, жилого, снабжения) и хозяйственной комиссии, занимавшейся финансовыми делами ведомства. Основными задачами отдела являлись проверки технического состояния военных объектов, строительство новых сооружений, размещение войск, учет и распределение строительных материалов. Кроме того, в компетенции отдела находились вопросы обеспечения подразделений дровами и углем, а также горюче-смазочными материалами (топливо, масла, смазки) [8, s. 273].

Интендантское отделение состояло из пяти секторов: организационно-кадрового, обмундирования, продовольственного, финансового и военного снабжения. Кроме того, существовал еще канцелярский сектор, который занимался снабжением армии необходимыми канцелярскими принадлежностями. Отделение также выполняло задачи, связанные с пошивом обмундирования, обеспечением необходимых запасов продовольствия, планированием и ведением учета.

Во главе инженерного управления назначался окружной инспектор. Он действовал как советник командующего и имел полномочия на инспектирование войск, находившихся в округе. В его задачи также входили сбор и учет планов фортификационных укреплений, контроль за ходом инженерного строительства на подведомственной территории.

Отдел пастерской службы включал независимых друг от друга капелланов различных конфессий, подчинявшихся каждый непосредственно командующему округом. Они занимались вопросами вероисповедания, учета военных захоронений, организацией похорон, сотрудничества с административными кладбищами по вопросам ухода за воинскими захоронениями [11, л. 36].

Стоит подчеркнуть, что в условиях Польско-советской войны территория Беларуси стала прифронтовой зоной, на которой были сформированы этапные округа, временно (до 1921 г.) выполнявшие функции генеральных округов [12, л. 8].

Изменения в организации окружных командований, произошедшие в 1921 г., были связаны с окончанием Польско-советской войны,

административно-территориальным переустройством и переходом армии к мирной организации. Так, в ноябре 1921 г. существовавшие на белорусских землях генеральные округа Гродно и Брест расформировывались, а вместо них создавались «округа корпусов» [13, s. 25–26].

В целом процесс организационного устройства аппарата военно-административного управления в конце 1910-х гг. в Польше осуществлялся без предварительной подготовки и в сложных военно-политических условиях. Принимаемые чиновниками решения во многом носили «импровизационный» характер. Создание стройной военно-административной структуры в 1918–1921 гг. было очень проблематичным, поскольку необходимо было учитывать административно-территориальные изменения, количество и тип развернутых на них соединений, а также быстро изменяющуюся политическую и военную обстановку.

Заключение. Структура генеральных округов в регионе формировалась с учетом потребностей военной организации страны и своим устройством напоминала Министерство военных дел в миниатюре. Любые изменения в цен-

тральных органах военного управления Польши непременно инициировали преобразования на уровне окружных администраций. Командующие генеральных округов являлись полными хозяевами на подконтрольной территории и отвечали за вопросы, связанные с повседневным функционированием армии и обеспечением безопасности. В случае войны окружные управления эволюционировали в полноценные тактические командования, выполняющие роль мобилизационных координаторов, ответственных за материальное обеспечение и личный состав, подготовку и формирование маршевых частей, деятельность резервных центров. Нужно отметить, что мероприятия по созданию военно-окружных командований в Западной Беларуси осуществлялись не одновременно, что объяснялось тем, что в 1918–1921 гг. шли ожесточенные бои за установление государственных границ Польши. Структура окружных управлений характеризовалась неустойчивостью. За три года изменились и границы, и численность окружных управлений, что было обусловлено складывавшейся обстановкой.

Список литературы

1. Jarno W. Okręg Korpusu Wojska Polskiego. Nr IV. Łódź 1918–1939. Łódź: Ibidem, 2001. 422 s.
2. Ostanek A. VI Lwowski Okręg Korpusu w dziejach wojskowości polskiej w latach 1921–1939. Warszawa: Neriton, 2013. 480 s.
3. Zych G. Armia Księstwa Warszawskiego 1807–1812. Warszawa: MON, 1961. 423 s.
4. Gembarzewski B, Askenazy Sz. Wojsko Polskie: Księstwo Warszawskie 1807–1814. Poznań: Kurpisz, 2003. 362 s.
5. Алферова И. В., Блохин В. Ф. Минский военный округ на начальном этапе Первой мировой войны // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 7. С. 335–353.
6. Dziennik Rozporządzeń Ministerstwa Spraw Wojskowych, 1918, R. 1, nr 6. Warszawa, 27 listopada 1918. 24 s.
7. Rozbicki W., Skuza Z. Warszawski Okręg Wojskowy: historia i współczesność. Warszawa: Bellona, 1997. 244 s.
8. Cieplewicz M, Stawecki P. Zarys dziejów wojskowości polskiej w latach 1864–1939. Warszawa: Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1990. 958 s.
9. Приказы Гродненского ДОК за 2-ю пол. 1920 г. // Государственный архив Брестской области (ГАБО). Ф. 67. Оп. 1. Д. 20.
10. Laskowski O. Encyklopedia wojskowa. T. VI: Obrączki Kościuszkowskie – Przemysł II. Warszawa: Wydawnictwo Towarzystwa Wiedzy Wojskowej i Wojskowego Instytutu Naukowo-Wydawniczego, 1937. 432 s.
11. Приказы Брестского ДОК об организации деятельности // ГАБО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 14.
12. Приказы командования Литовско-белорусского фронта об организации экспозитуры в Минске // ГАБО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 21.
13. Odziemkowski J. Organizacja i ochrona zaplecza wojsk polskich na Litwie i Białorusi (luty 1919 – lipiec 1920) // Przegląd historyczno-wojskowy. 2013. № 14 (65), pp. 25–44.

References

1. Jarno W. *Okręg Korpusu Wojska Polskiego. Nr IV Łódź. 1918–1939* [Polish Army Corps District No. IV Lodz 1918–1939]. Warsaw, Ibidem Publ., 2001. 422 p. (In Polish).
2. Ostanek A. *VI Lwowski Okręg Korpusu w dziejach wojskowości polskiej w latach 1921–1939* [VI Lviv Corps District in the history of the Polish military in the years 1921–1939]. Warsaw, Neriton, 2013. 480 p. (In Polish).
3. Zych G. *Armia Księstwa Warszawskiego 1807–1812* [Army of the Duchy of Warsaw 1807–1812]. Warsaw, MON Publ., 1961. 423 p. (In Polish).

4. Gembarzewski B, Askenazy Sz. *Wojsko Polskie: Księstwo Warszawskie 1807–1814* [Polish Army: Duchy of Warsaw 1807–1814]. Poznań, Kurpisz Publ., 2003. 362 p. (In Polish).
5. Alferova I. V., Blokhin V. F. Minsk Military District at the initial stage of the First World War. *Nauchnyy dialog* [Scientific dialogue], 2022, no. 7, pp. 335–353 (In Russian).
6. *Dziennik Rozporządzeń Ministerstwa Spraw Wojskowych* [Journal of Regulations of the Ministry of Military Affairs]. Warsaw, 27 november 1918, no. 6. 24 p. (In Polish).
7. Rozbicki W., Skuza Z. *Warszawski Okręg Wojskowy: historia i współczesność* [Warsaw Military District: history and present]. Warsaw, Bellona Publ., 1997. 244 p. (In Polish).
8. Cieplewicz M, Stawecki P. *Zarys dziejów wojskowości polskiej w latach 1864–1939*. [An outline of the history of the Polish military in the years 1864–1939]. Warsaw, Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej Publ., 1990. 958 p. (In Polish).
9. Orders of the Grodno DOK for the 2nd half 1920. *Gosudarstvennyy arkhiv Brestskoy oblasti* [State Archive of the Brest Region]. Fund. 67. I. 1. F. 20.
10. Laskowski O. *Encyklopedia wojskowa. T. VI: Obrączki Kościuszkowskie – Przemysł II* [Military Encyclopedia. T. VI: Kosciuszko wedding rings – Przemysł II]. Warsaw, Bellona Publ., 1937. 432 p.
11. Orders of the Brest DOK on the organization of activities. *Gosudarstvennyy arkhiv Brestskoy oblasti* [State Archive of the Brest Region]. Fund. 67. I. 1. F. 14.
12. Orders of the command of the Lithuanian-Belarusian Front on the organization of an exposition in Minsk. *Gosudarstvennyy arkhiv Brestskoy oblasti* [State Archive of the Brest Region]. Fund. 67. I. 1. F. 14.
13. Odziemkowski, J. Organization and protection of the Polish army base in Lithuania and Belarus (february 1919 – july 1920). *Przegląd historyczno-wojskowy* [Historical and military review], 2013, no. 14 (65), pp. 25–44 (In Polish).

Информация об авторе

Хованский Александр Васильевич – кандидат исторических наук, доцент общевойсковой кафедры военного факультета. Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (230023, г. Гродно, ул. Ожешко, 22, Республика Беларусь). E-mail: xovanskij_av@grsu.by

Information about the author

Khavanski Aliaksandr Vasilevich – PhD (History), Assistant Professor, combined arms department of the military faculty. Yanka Kupala State University of Grodno, (22, Ozheshko str., 230023, Grodno, Republic of Belarus). E-mail: xovanskij_av@grsu.by

Поступила 12.06.2024

УДК 94(476)''1919–1939''

К. Д. Ананька

Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы

**ПЕРЫЯДЫЗАЦЫЯ ФУНКЦЫЯНАВАННЯ БЕЛАРУСКІХ ГІМНАЗІЙ
НА ТЭРЫТОРЫІ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ (1919–1939 ГГ.)¹**

У артыкуле на аснове аналізу беларускай і замежнай гістарыяграфіі разглядаецца праблема перыядызацыі функцыянавання беларускіх гімназій на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 1919–1939 гг. Беларускія гімназіі – установы сярэдняй адукацыі з беларускай мовай навучання ў Заходняй Беларусі, створаныя або рэарганізаваныя беларускімі арганізацыямі і актывістамі з мэтай развіцця адукацыйнага працэсу і пашырэння нацыянальнай ідэнтычнасці.

Аўтар разгледзеў спробы беларускіх і замежных гісторыкаў вылучыць асноўныя перыяды культурна-асветніцкай дзейнасці беларусаў у Заходняй Беларусі, у прыватнасці развіццё сярэдне-адукацыйнай справы. З улікам унутраных і знешніх фактараў развіцця навучальных устаноў аўтарам распрацаваны ўласны падзел на перыяды, які складаецца з чатырох этапаў: этап фарміравання перадумоў і станаўлення беларускай нацыянальнай сярэдняй школы на тэрыторыі Заходняй Беларусі ва ўмовах польска-савецкай вайны; этап уключэння беларускіх гімназій у польскую адукацыйную сістэму як прыватных устаноў сярэдняй адукацыі пасля заключэння Рыжскага мірнага дагавора 1921 г.; этап крызісных з'яў у дзейнасці беларускіх гімназій, звязаны з іх імклівай палітызацыяй; этап заканадаўчага адзяржаўлення гімназій, ліквідацыя польскімі ўладамі сярэдніх навучальных устаноў.

У заключэнні аўтар робіць выснову аб адсутнасці ў сучаснай гістарыяграфіі перыядызацыі дзейнасці беларускіх гімназій. На яго думку, раскрыццё дадзенай праблемы можа паўплываць на развіццё дыскурсу ў вывучэнні нацыянальна-культурнага аспекту гісторыі Заходняй Беларусі.

Ключавыя словы: перыядызацыя, беларускія гімназіі, Заходняя Беларусь, Польшча, міжваенны перыяд.

Для цытавання: Ананька К. Д. Перыядызацыя функцыянавання беларускіх гімназій на тэрыторыі Заходняй Беларусі (1919–1939) // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2024. № 2 (287). С. 41–45.

DOI: 10.52065/2520-6885-2024-287-7.

K. D. Ananka

Yanka Kupala Grodno State University

**PERIODIZATION OF THE FUNCTIONING OF BELARUSIAN GYMNASIUMS
IN WESTERN BELARUS (1919–1939)**

The article analyses the Belarusian and foreign histories and discusses the problem of the transition of belarusian gymnasiums in the territory of Western Belarus in 1919–1939. Belarusian gymnasiums are institutions of common education with the belarusian language of instruction in Western Belarus, created or reorganised by belarusian organisations and activists in order to develop the educational process and promote national identity.

The author examines the attempts of belarusian and foreign historians to identify the basic stages of the cultural and secular belarusian life in Western Belarus, and the development of the national science. Based on the internal and external facts of the development of educational institutions, the author defines a proper division into periods, which consists of several stages: the stage of development of programmes and establishment of the belarusian national public school in the territory of Western Belarus under the conditions of the Polish-Soviet war; inclusion of belarusian gymnasiums into the polish educational system as independent institutions of traditional education after the conclusion of the Treaty of Riga in 1921; the stage of crisis in the life of belarusian gymnasiums, connected with their institutionalisation; the stage of the state reinforcement of grammar schools, the liquidation of educational institutions by the polish authorities.

In conclusion, the author makes a conclusion about the absence in the modern historiography of studies of the development of belarusian schools. In his opinion, the unravelling of this problem can lead to the development of a course in the study of the national and cultural aspect of the history of Western Belarus.

¹ Даследаванне выканана ў рамках праекта БРФФД Г24МП-012 «Беларускія гімназіі ў міжваенны перыяд: грамадска-палітычны і культурны аспекты».

Keywords: periodization, belarusian gymnasiums, Western Belarus, Poland, interwar period.

For citation: Ananka K. D. Periodization of the functioning of belarusian gymnasiums in Western Belarus (1919–1939). *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2024, no. 2 (287), pp. 41–45 (In Belarusian).

DOI: 10.52065/2520-6885-2024-287-7.

Уводзіны. Перыядызацыя з’яўляецца важнай катэгорыяй навуковага пазнання, якая дазваляе паказаць дынамічнасць развіцця гістарычнай падзеі або з’явы. У некаторай ступені яна спрашчае тэарэтычнае разуменне, спрыяе падвядзенню вынікаў гістарычнага працэсу. Гісторык Бостан С. К., падкрэсліваючы неабходнасць выкарыстання новых падыходаў для пазнання сацыяльных праблем, назваў перыядызацыю «эфектыўным метадам упарадкавання і аналізу матэрыялу, на аснове якога можна глыбей паказаць суадносіны развіцця гістарычнага працэсу ў цэлым і асобных яго праяў, вылучыць на шкале часу тыя характэрныя яго перыяды, якія адлюстроўваюць самыя істотныя этапы сацыяльнага развіцця» [1, с. 180].

Распрацоўка перыядызацыі гістарычных з’яў і падзей уяўляе сабой важны кампанент метадалагічнай асновы. Вылучэннем перыядаў культурна-асветніцкай дзейнасці беларусаў, у тым ліку і арганізацыі школьніцтва, займаліся беларускія гісторыкі Вабішчэвіч А. М. [2], Загідулін А. М. [3], Крывуць В. І. [4] і Горны А. С. [5]. Сярод замежных даследаванняў па гэтай праблеме вылучаюцца працы польскіх гісторыкаў Маўэрсберга С. [6] і Гамулки К. [7]. Аднак і ў беларускай, і ў польскай гістарыяграфіі перыяды функцыянавання беларускіх гімназій асобна не разглядаюцца, а толькі ў кантэксце развіцця адукацыі ў міжваеннай Заходняй Беларусі.

Асноўная частка. Пад беларускімі гімназіямі маюцца на ўвазе ўстановы сярэдняй адукацыі (сярэдня школы) з беларускай мовай навучання на тэрыторыі міжваеннай Заходняй Беларусі, якая пасля заключэння Рыжскага мірнага дагавора 1921 г. увайшла ў склад польскай дзяржавы. На працягу 1919–1939 гг. такія ўстановы працавалі ў Вільні, Навагрудку, Гродна, Гарадку, Нясвіжы, Радашковічах і Клецку. Яны фактычна сталі месцамі падрыхтоўкі нацыянальна арыентаванай моладзі і пашырэння беларускай ідэнтычнасці ва ўмовах палітыкі паланізацыі з боку польскіх уладаў.

Нягледзячы на шырокую ўвагу беларускіх даследчыкаў на розныя аспекты гісторыі Заходняй Беларусі, праблема арганізацыі, развіцця, функцыянавання і ліквідацыі беларускай сярэдняй адукацыі не была даследавана комплексна. Размежаванне на этапы развіцця беларускага школьніцтва ў міжваеннай Польшчы першымі сталі практыкаваць польскія гісторыкі. У 1968 г. выйшла манаграфічная праца даслед-

чыка Маўэрсберга С., у якой разглядаецца станова пачатковай і сярэдняй адукацыі нацыянальных меншасцяў, у тым ліку і беларусаў. С. Маўэрсберг выдзеліў тры этапы развіцця беларускай школьнай адукацыі ў міжваеннай Польшчы: 1919–1923 гг. – ад заняцця польскімі войскамі Віленшчыны да прыняцця закона «Аб мове і арганізацыі школьнай справы для нацыянальных меншасцяў», вядомы, «як закон Грабскага»; 1924–1929 гг. – этап дзеяння «закона Грабскага», пад уплывам якога адбывалася пераўтварэнне беларускіх школ у польска-беларускія ўстановы адукацыі («утраквізацыя»); 1930-я гг. – паступовая ліквідацыя беларускай адукацыі. Паводле меркавання даследчыка, утварэнню і функцыянаванню беларускіх школ на першым этапе спрыяла непаслядоўнасць польскіх уладаў, тэндэнцыя лібералізму з чаргаваннем польскага шавінізму [7, с. 104].

Спасылаючыся на С. Маўэрсберга, гэтую ж перыядызацыю выкарыстоўвае ў сваёй працы беларускі гісторык Загідулін А. М. Даследуючы дзяржаўную палітыку Польшчы ў галіне беларускай адукацыі ў міжваенны перыяд, ён падкрэсліў, што ў другой палове 1930-х гг. польскія ўлады імкнуліся да максімальнага прававога абмежавання працы беларускіх школ, каб паставіць іх пад поўную залежнасць ад дзяржавы [3, с. 14, 21].

Польская даследчыца Гамулка К., вывучаючы культурна-асветніцкае і рэлігійнае жыццё беларусаў у міжваеннай Польшчы, вылучыла два этапы развіцця беларускага школьніцтва: першы – ад кастрычніка 1918 г. да ўключэння Сярэдняй Літвы ў склад Польшчы ў 1922 г.; другі – 1923–1939 гг. Даследчыца адзначыла, што на землях пад кантролем польскага Грамадзянскага ўпраўлення Усходніх зямель і Часовай кіруючай камісіі Сярэдняй Літвы дзейнічалі прававыя нормы, якія ўлічвалі мясцовую спецыфіку, мнаганацыянальны склад насельніцтва і патрэбы асобных народаў. Другі перыяд К. Гамулка характарызуе як імкненне ўладаў да ўмацавання польскай дзяржавы і хуткай асіміляцыі беларусаў, спачатку дзяржаўнай, а потым нацыянальнай [8, с. 102–103].

У 1990-я гг. разам з працэсам станаўлення нацыянальнай беларускай гістарыяграфіі адбываўся высокі пад’ём да вывучэння гісторыкамі асобных аспектаў гісторыі Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд. Адным з такіх стала праблема арганізацыі і развіцця беларускай нацыянальнай

школы ва ўмовах нацыянальнай і культурнай асіміляцыі. Пэўнае месца ў гэтым пытанні займалі ў тым ліку і беларускія гімназіі. Беларускі гісторык Вабішчэвіч А. М., вывучаючы праблемы і становішча нацыянальнай адукацыі ў Заходняй Беларусі, вылучыў два яе перыяды: 1920-я і 1930-я гг. Першы этап характарызуецца адноснай нармалізацыяй працы нешматлікіх беларускіх гімназій і пачатковых школ. У гэты час яшчэ абараняліся правы, арганізавалася вучэбна-метадычная і выхаваўчая праца, наладжвалася культурна-асветніцкая дзейнасць. У 1930-х гг. праводзілася мэтанакіраваная дзяржаўная палітыка польскіх уладаў па паланізацыі беларусаў, што абумовіла шлях на ліквідацыю беларускіх гімназій [2, с. 102].

Не менш важным пытаннем з'яўляецца вывучэнне заканадаўчай базы міжваеннай Польшчы і яе ўплыву на становішча беларускай адукацыі. Даследаваннем уплыву палітыкі польскіх уладаў на працэс развіцця сістэмы беларускіх школ у Заходняй Беларусі займаўся гісторык Крывуць В. І. Акцэнтуючы ўвагу на праблемах школьнай сістэмы міжваеннай польскай дзяржавы, даследчык таксама ўмоўна вылучыў 1920-я і 1930-я гг. Амаль адразу пасля аднаўлення польскай дзяржавы кіруючыя колы ўзялі курс на асіміляцыю нацыянальных меншасцяў. Адным са значных дзеянняў стала прыняцце закона ад 31 ліпеня 1924 г., які павінен быў вырашыць моўнае і сацыяльнае пытанне на заходнебеларускіх землях, у тым ліку і ў рэгуляванні праваў утварэння нацыянальных школ, а дакладней – выцясненне беларускай адукацыі. Канец 1920-х гг. даследчык звязвае з частковай лібералізацыяй адносна культурна-адукацыйных патрэбаў беларусаў, выкліканай палітычнай кан'юктурай пасля ўстанаўлення рэжыму Ю. Пілсудскага ў маі 1926 г. Аднак наступныя дзеянні «санацыйнага» ўраду прывялі да ліквідацыі беларускай адукацыі ў 1930-я гг, што стала парушэннем міжнародных абавязкаў і канстытуцыйных палажэнняў польскай дзяржавы. Гэта, у сваю чаргу, паўплывала на падзеі верасня 1939 г., калі, паводле меркавання В. І. Крывуцы, беларускае насельніцтва фактычна з аб'яваваццю ставілася да знішчэння Польшчы [4, с. 18, 21].

Сярод апошніх даследаванняў неабходна згадаць перыядызацыю гісторыі беларускага нацыянальнага руху ў Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг., распрацаваную беларускім гісторыкам Горным А. С. Ён улічыў крытэрыі арганізацыйных напрамкаў, формаў барацьбы, палітыку польскіх уладаў і актыўнасць беларускіх дзеячаў у нацыянальным руху. Зыходзячы з гэтага даследчык прапанаваў наступную перыядызацыю: 1921–1927 гг. – фаза развіцця; 1928–1935 гг. – фаза крызісу; 1936–1939 гг. –

фаза арганізацыйнага заняпаду. У рамках дадзенай перыядызацыі ўвага на гімназіі звяртаецца ў другі перыяд, калі была закрыта Радашковіцкая беларуская гімназія ў верасні 1928 г., а леварадыкальная дзейнасць вучняў іншых гімназій прывяла да іх масавых выгнанняў і арыштаў [5, с. 78–81].

Перыядызацыя беларускіх гімназій у міжваеннай Заходняй Беларусі была складзена на аснове наступных крытэрыяў: 1) дзейнасць беларускіх актывістаў па арганізацыі ўласнага адукацыйнага працэсу; 2) палітыка польскіх уладаў у дачыненні да беларускіх сярэдніх школ; 3) дзейнасць педагагічнага складу і вучнёўскага кантынгенту. Абапіраючыся на гэтыя крытэрыі, можна вылучыць чатыры асноўныя перыяды функцыянавання беларускіх гімназій.

1919–1921 гг. – этап фарміравання перадумоў і станаўлення беларускай нацыянальнай сярэдняй школы на тэрыторыі Заходняй Беларусі ва ўмовах польска-савецкай вайны. Карыстаючыся прававым становішчам, беларускія актывісты і структуры пачалі актыўную працу па арганізацыі ўласнай навучальнай сістэмы з 1919 г. Міністр асветы часовага літоўскага ўрада Біржышка М. 4 студзеня 1919 г. задаволіў просьбу Беларускага таварыства дапамогі ахвярам вайны (БТДАВ) у адкрыцці Віленскай беларускай гімназіі, якая распачала сваю дзейнасць 1 лютага 1919 г. [8, с. 43; 9, с. 2–3]. З дазволу польскіх акупацыйных уладаў былі заснаваны Навагрудская, Нясвіжская, Гродзенская і Гарадоцкая гімназіі, для якіх узорам стала ўстанова ў Вільні.

1921–1928 гг. – уключэнне беларускіх гімназій у польскую адукацыйную сістэму як прыватных устаноў сярэдняй адукацыі пасля падпісання Рыжскага мірнага дагавора. У гэты час былі заснаваны беларускія гімназіі ў Радашковічах (1922 г.) і Клецку (1924 г.). Крытычным момантам з'яўлялася прыняцце Закона «Некаторыя палажэнні арганізацыі адукацыі» ад 31 ліпеня 1924 г., што, у сваю чаргу, стала паваротам да паланізацыі ў галіне адукацыі. Фактычна выкананне дадзенага закона ўскладніла адкрыццё школ на роднай мове на тэрыторыі Заходняй Беларусі, а ў пачатковых класах беларускіх школ і гімназій уводзілася абавязковае вывучэнне польскай мовы [10, s. 1112–1113].

Важнай з'явай гэтага этапу з'яўляецца майскі пераварот 1926 г. і наступная за ім спроба рэжыму Ю. Пілсудскага атрымаць лаяльнае стаўленне з боку беларускага насельніцтва. Для гэтага нават меркавалася падтрымка беларускай адукацыі [4, с. 18]. У 1927 г. рашэннем міністра Дабруцкага Г. першыя 3 класы Навагрудскай беларускай гімназіі атрымалі дзяржаўныя правы, як і ў польскіх школах. У 1928–1929 гг. гімназіі ў Навагрудку і Вільні атрымалі няпоўныя дзяржаўныя правы:

выпускнікі маглі здаваць «матуру», што давала магчымасць паступаць у польскія ўніверсітэты.

Адначасова ў гэты перыяд адбываецца палітызацыя беларускіх гімназій. Назіраецца ўдзел часткі гімназічнай моладзі і педагогаў у дзейнасці Камуністычнай партыі Заходняй Беларусі (КПЗБ), Камуністычнага саюза моладзі Заходняй Беларусі (КСМЗБ) і Беларускай сялянска-рабочай грамады (БСРГ). Разгром БСРГ у 1927 г. моцна паўплываў на адносіны да польскіх уладаў і ўключэнне беларускіх сярэдніх школ ў палітычную павестку.

1928–1931 гг. – этап крызісных з’яў у дзейнасці беларускіх гімназій, звязаны з іх імклівай палітызацыяй. Польскія ўлады сталі непрыхільна ставіцца да беларускіх гімназій, бо лічылі, што Таварыства беларускай школы (ТБШ) праводзіць у іх падпольную выхавальную дзейнасць у камуністычным духу. 29 жніўня 1928 г. была забаронена дзейнасць Галоўнай управы ТБШ, а 31 жніўня польскія ўлады нечакана спынілі дзейнасць ТБШ у Радашковічах і адначасова зачынілі Радашковіцкую беларускую гімназію [11, арк. 8–10]. У 1930/1931 навучальным годзе пачаліся праблемы ў Клецкай гімназіі. Усе спробы беларускіх актывістаў дамовіцца з польскімі ўладамі не атрымалі поспехаў. У жніўні 1931 г. польская паліцыя правяла кампанію па раскрыцці і ліквідацыі падпольных камуністычных ячэек у сценах устаноў [2, с. 72]. Гэта і стала падставай для ліквідацыі Клецкай беларускай гімназіі. Прычым польскія ўлады ў гэты перыяд значна завышчалі ўзровень радыкалізацыі гімназій і спрабавалі паказаць іх дэструктыўную антыдзяржаўную дзейнасць.

1932–1939 гг. – этап заканадаўчага адзяржаўлення беларускіх гімназій у Вільні і Навагрудку, ліквідацыя польскімі ўладамі беларускіх сярэдніх навучальных устаноў. У 1932 г. польскія ўлады ініцыявалі змены ў галіне адукацыі і правядзення так званай рэформы Я. Енджаевіча –

міністра веравызнанняў публічнай асветы. Згодна з новым заканадаўчым актам ад 11 сакавіка 1932 г., усе навучальныя ўстановы незалежна ад іх статусу трапілі пад юрысдыкцыю і кіраванне міністэрства. Мясцовыя школьныя ўлады мелі поўнае права закрыць школу ў выпадку неадпаведнасці патрабаванням, нізкага навучальнага ўзроўню і нелаяльнасці да польскай дзяржавы [12, с. 545–546].

Ажыццяўленне рэформы абумовіла адзяржаўленне беларускіх гімназій. У 1932 г. гімназіі ў Вільні і Навагрудку былі пераведзены ў статус філіялаў дзяржаўных навучальных устаноў. У 1934 г. Навагрудская беларуская гімназія была зачынена. У другой палове 1930-х гг. барацьба за гімназіі і ўвогуле шырокая нацыянальная актыўнасць паступова прыходзілі ў заняпад, магчыма, па прычыне забароны і ліквідацыі Беларускага інстытута гаспадаркі і культуры (БІГіК) і ТБШ, якія стараліся абараняць нацыянальныя інтарэсы ў асветніцкай справе. У 1939 г. на тэрыторыі Заходняй Беларусі дзейнічала толькі адна беларуская гімназія – у Вільні.

Заклучэнне. У гістарычнай навуцы не існуе комплекснай перыядызацыі функцыянавання беларускіх гімназій у міжваеннай Заходняй Беларусі. Улічваючы дасягненні беларускай і замежнай гістарыяграфіі, а таксама прымаючы пад увагу як знешнія, так і ўнутраныя фактары, аўтар прапанаваў перыядызацыю, якая падзяляе гісторыю беларускіх гімназій у Заходняй Беларусі на чатыры этапы. Гэта дазваляе істотна паказаць ролю навучальных устаноў як адных з цэнтраў нацыянальна-культурнага жыцця беларусаў, якія фактычна сталі «фарпостамі» супрацьдзеяння палітыкі паланізацыі. Навуковае абмеркаванне дадзенай перыядызацыі патэнцыйна можа паўплываць на пераасэнсаванне і ўдакладненне ў вывучэнні грамадска-культурнага аспекту гісторыі Заходняй Беларусі.

Спіс літаратуры

1. Бостан С. К., Бостан Л. Н. К вопросу о периодизации всеобщей истории государства и права: традиции и новации в подходах // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2011. № 4. С. 180–194.
2. Вабішчэвіч А. М. Асвета ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.). Брэст: Выд-ва БрДУ, 2004. 116 с.
3. Загідулін А. М. Дзяржаўная палітыка Польшчы ў галіне беларускай адукацыі // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 1, Гуманітарныя навукі. 2005. № 2. С. 13–22.
4. Кривуть В. И. Польские власти и белорусские школы на территории Западной Беларуси в межвоенный период // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2020. № 2. С. 18–21.
5. Горны А. С. Перыядызацыя беларускага нацыянальнага руху ў Заходняй Беларусі (1921–1939) // Беларуская думка. 2020. № 9. С. 75–82.
6. Mauersberg S. Szkolnictwo powszechne dla mniejszości narodowych w Polsce w latach 1918–1939. Wrocław; Warszawa: Ossolineum Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1968. 230 s.
7. Gomółka K. Białorusini w II Rzeczypospolitej // Zeszyty Naukowe Politechniki Gdańskiej. Ekonomia. 1992. № 31. S. 3–178.
8. Адамковіч А. Беларусы ў Літве: учора і сёння. Кніга 1. Вільня. Вільня: Таварыства беларускай культуры ў Літве, 2010. 200 с.

9. 1-я Віленская Беларуская Гімназія // Наша думка. 1921. № 21. С. 2–3.
10. Ustawa z dnia 31 lipca 1924 r. zawierająca niektóre postanowienia o organizacji szkolnictwa // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 1924. № 79. S. 1212–1214.
11. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці. Ф. 67. Воп. 1. Спр. 941.
12. Ustawa z dnia 11 marca 1932 r. o prywatnych szkołach oraz zakładach naukowych i wychowawczych // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 1932. № 33. S. 545–546.

References

1. Bostan S. K., Bostan L. N. On the issue of periodization of the universal history of State and law: traditions and innovations in approaches. *Istoriko-pravovyye problemy: novyy rakurs* [Historical and legal problems: a new perspective], 2011, no. 4, pp. 180–194 (In Russian).
2. Vabishchevich A. M. *Asveta u Zakhodnyay Belarusi (1921–1939 gg.)* [Education in Western Belarus (1921–1939)]. Brest, BrSU Publ., 2004. 116 p. (In Belarusian).
3. Zagidulin A. M. State policy of Poland in the field of belarusian education. *Vesnik Grodzenskaga dzyarzhavnaga universiteta imya Janki Kupaly. Seryya 1, Gumanitarnyya navuki* [Bulletin of the Yanka Kupala State University of Grodno. Ser. 1, Humanities], 2005, no. 2, pp. 13–22 (In Belarusian).
4. Krivut' V. I. Polish authorities and belarusian schools in Western Belarus during the interwar period. *Traditsionnyye natsional'no-kul'turnyye i dukhovnyye tsennosti kak fundament innovatsionnogo razvitiya Rossii* [Traditional national cultural and spiritual values as the foundation of Russia's innovative development], 2020, no. 2, pp. 18–21 (In Russian).
5. Gorny A. S. Periodization of the belarusian national movement in Western Belarus (1921–1939). *Belaruskaya dumka* [Belarusian thought], 2020, no. 9, pp. 75–82 (In Belarusian).
6. Mauersberg S. *Szkolnictwo powszechne dla mniejszości narodowych w Polsce w latach 1918–1939* [Universal education for national minorities in Poland in the 1918–1939]. Wrocław; Warsaw, Ossolineum Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk Publ., 1968, 230 p. (In Polish).
7. Gomółka K. Belarusians in the Second Polish Republic. *Zeszyty Naukowe Politechniki Gdańskiej. Ekonomia* [Scientific Notebooks Of Gdańsk University Of Technology. Economics], 1992, no. 31, pp. 3–178 (In Polish).
8. Adamkovich A. *Belarusy u Litve: uchora i syonnya. Kniga 1. Vil'nya* [Belarusians in Lithuania: yesterday and today. Book 1. Vilnius]. Vilnius, Tavarystva belaruskay kul'tury u Litve Publ., 2010. 200 p. (In Belarusian).
9. 1-st Vilna Belarusian Gymnasium. *Nasha dumka* [Our opinion], 1921, no. 21, pp. 2–3 (In Belarusian).
10. Act of 31 July 1924 containing some provisions on the organisation of Education. *Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej* [Journal of Laws of the Republic of Poland], 1924, no. 79, pp. 1212–1214. (In Polish).
11. *Dzyarzhavnyy arkhiv Brestskay voblasti* [The State Archive of the Brest region]. Fund 67. I. 1. F. 941.
12. Act of 11 March 1932 on private schools and scientific and educational establishments. *Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej* [Journal of Laws of the Republic of Poland], 1932, no. 33, pp. 545–546. (In Polish).

Інфармацыя пра аўтара

Ананька Кірыл Дзмітрыевіч – аспірант Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы (230023, г. Гродна, вул. Ажэшкі, 22, Рэспубліка Беларусь); настаўнік гісторыі ДУА “Гімназія № 7 імя В. Ц. Калакольнікава г. Гродна”. E-mail: kirixan@yandex.ru

Information about the author

Ananka Kiryl Dzmitryevich – postgraduate student, Yanka Kupala Grodno State University (22, Azheshka str., 230023, Hrodna, Republic of Belarus); history teacher at Gymnasium № 7 named after V. T. Kolokolnikov. E-mail: kirixan@yandex.ru

Пасмыніў 12.09.2024

УДК 821.161.3-054.72

В. У. Коваль

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

**БЕЛАРУСКАЯ ЛІТАРАТУРА ЯК ФАКТАР КАНСАЛІДАЦЫІ
НАЦЫЯНАЛЬнай ДЫЯСПАРЫ ў 1920-я ГГ.**

У артыкуле прааналізавана сацыяльна-палітычная роля беларускай літаратуры ў асяроддзі нацыянальнай дыяспары. Беларусы замежжа папулярызавалі творчасць беларускіх паэтаў і пісьменнікаў: праводзіліся літаратурныя вечарыны, адзначаліся юбілейныя даты, публікаваліся рэцэнзіі. Культурная спадчына яднала палітычных апанентаў, беларуская літаратура мела кансалідуруючую ролю для нацыянальнай дыяспары ў 1920-я гг. Эмігранты ў розных краінах свету праводзілі літаратурныя вечарыны ў гонар В. Дуніна-Марцінкевіча, М. Багдановіча, Я. Коласа, Я. Купалы. Беларускае культурнае таварыства імя Ф. Скарыны стала адной з самых актыўных арганізацый міжваеннай Чэхаславакіі, якая рыхтавала і праводзіла літаратурныя вечарыны ў Празе. Аўтар падкрэслівае, што асноўныя культурныя цэнтры беларусаў замежжа аформіліся ў Чэхаславакіі, Латвіі і Літве. Беларускія эмігранты таксама імкнуліся развіваць літаратурныя здольнасці маладых аўтараў з ліку беларусаў замежжа. Станоўчыя рэцэнзіі пра паэзію Пятра Масальскага (літаратурны псеўданім – Пятро Сакол) публікаваліся ў розных краінах свету, а беларусы Латвіі прымалі ўдзел у літаратурных вечарынах паэта.

Даследаванне закранае праблему ўзаемасувязі грамадскай актыўнасці нацыянальнай дыяспары і сацыяльна-псіхалагічнай адаптацыі эмігрантаў. Літаратурныя мерапрыемствы беларусаў замежжа развівалі нацыянальную ідэнтычнасць, фарміравалі павагу да беларускай культурнай спадчыны, пашыралі міжнародныя кантакты. Творчае жыццё эмігрантаў спрыяла развіццю ўзаемасувязей з метраполіяй, дапамагала асобам справіцца з пачуццём настальгіі і акультурацыйным стрэсам.

Ключавыя словы: беларуская дыяспара, беларуская літаратура, кансалідацыя, эміграцыя, сацыяльна-псіхалагічная адаптацыя, Чэхаславакія, Латвія, Літва.

Для цытавання: Коваль В. У. Беларуская літаратура як фактар кансалідацыі нацыянальнай дыяспары ў 1920-я гг. // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2024. № 2 (287). С. 46–50.
DOI: 10.52065/2520-6885-2024-287-8.

V. U. Koval

Belarusian State Technological University

**BELARUSIAN LITERATURE AS A FACTOR
IN THE CONSOLIDATION OF THE NATIONAL DIASPORA IN THE 1920S**

The article examines the socio-political role of Belarusian literature for the national diaspora. Belarusians abroad popularized the literary heritage of Belarusian poets and writers. They organized literary performances, celebrated anniversaries and published reviews. Cultural heritage united the political opponents, including Belarusian literature which played a consolidating role for the national diaspora in the 1920s. Emigrants organized literary performances in honor V. Dunin-Martsinkevich, M. Bagdanovich, Y. Kolas, Y. Kupala in the different countries of the world. The Belarusian Cultural Association named after F. Skarina became one of the most active organizations that prepared literary performances in Prague. The author emphasizes that the main cultural centers of Belarusians abroad formed in Czechoslovakia, Latvia and Lithuania. Belarusians emigrants also developed the literary abilities of young Belarusian authors abroad. Positive reviews of the poetry of Petr Masalsky (literary pseudonym Piatro Sakol) were published in different countries of the world. Belarusians of Latvia took part in the poet's literary performances.

The research touches on the issue of the relationship between the social activity of the national diaspora and socio-psychological adaptation of Belarusian emigrants. Literary events of Belarusians abroad developed national identity, formed respect for the Belarusian cultural heritage, and developed international contacts. The creative life of emigrants contributed to the development of relationships with the metropolis, helped them overcome feeling of nostalgia and stress of acculturation.

Keywords: Belarusian diaspora, Belarusian literature, consolidation, emigration, socio-psychological adaptation, Czechoslovakia, Latvia, Lithuania.

For citation: Koval V. U. Belarusian literature as a factor in the consolidation of the national diaspora in the 1920s. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2024, no. 2 (287), pp. 46–50 (In Belarusian).

DOI: 10.52065/2520-6885-2024-287-8.

Уводзіны. Развіццё беларускай літаратуры звязана не толькі з гісторыяй метраполіі, але і з культурным жыццём нацыянальнай дыяспары. Найбольш уплывовыя палітычныя цэнтры беларусаў замежжа надавалі значную ўвагу паэтам і пісьменнікам. На нацыянальных вечарынах у розных краінах свету ўрачыста прадстаўлялася творчасць таленавітых літаратараў, каб яскрава прадэмастраваць замежнай супольнасці самабытнасць беларускай народнай культуры і мелагучнасць мовы. Грамадскія аб'яднанні ў Чэхаславакіі, Латвіі і Літве звярталіся да творчасці беларускіх паэтаў і пісьменнікаў пры арганізацыі кніжных выстаў, вечарын і чытанняў.

Асноўная частка. Культурныя аспекты дзейнасці беларускай дыяспары ў міжваенны перыяд набылі новую ролю ў грамадскім і палітычным жыцці замежжа. Беларускія арганізацыі эмігрантаў адрозніваліся разнастайнасцю палітычных перакананняў, што прыводзіла да спрэчак і канфліктаў. Постаці таленавітых беларусаў, юбілейных асоб, канцэрты з народнымі спевамі аб'ядноўвалі палітычных апанентаў у асяроддзі замежжа, дапамагалі знайсці аднадумцаў і землякоў. Творчае жыццё эмігрантаў стала важнай часткай іх арганізацыйнай дзейнасці, а задавальненне культурных патрэб набыло новае значэнне для інтэграцыі беларусаў у прымаючае грамадства.

Міжваенная Чэхаславакія стала асноўным адукацыйным і навуковым цэнтрам дыяспары. Палітыка чэшскага ўрада стымулявала развіццё славянскіх дыяспар праз арганізацыйную і матэрыяльную дапамогу, аднак іх дзейнасць была пастаўлена пад пільны кантроль і ўлік. Напрыклад, матэрыялы газеты «Сялянская ніва» пра вечарыну беларускай песні ў Празе 3 чэрвеня 1927 г. сведчаць, што сабралася «беларускае студэнцтва, каб паслухаць сваю песню без розніцы палітычных перакананняў» [1, с. 2]. Падтрымка канцэрта і павага да народнай пеўчай традыцыі былі важным крокам да кансалідацыі разнастайных палітычных сіл беларусаў.

Візіты ў краіны Еўропы вядомых беларускіх вучоных, паэтаў, пісьменнікаў, журналістаў на некаторы перыяд стымулявалі яднанне нацыянальнай супольнасці. Віленская прэса пра прыезд рэктара БДУ Уладзіміра Іванавіча Пічэты ў Еўропу азначала наступнае: «Мэта падарожы, як вынікла са слоў праф. Пічэты, ёсць: навіязанне культурных зносін Б.Д.У. з універсітэтамі Зах. Эўропы» [2, с. 3]. Рэктар універсітэта падчас свайго візіту ў Прагу абяцаў прадстаўнікам нацыянальнай дыяспары пашырыць фонды біблія-

тэк беларускімі выданнямі твораў літаратуры, гістарычнымі даследаваннямі і падручнікамі.

Літаратурныя вечарыны ў чэшскай сталіцы арганізавалі розныя грамадскія і культурныя аб'яднанні. Удзельнікамі і гледачамі былі не толькі беларусы, але і прадстаўнікі іншых народаў. Інфармацыя пра мерапрыемствы размяшчалася на старонках беларускамоўных перыядычных выданняў, якія сталі адной з асноўных гістарычных крыніц пра культурнае жыццё беларускай дыяспары.

Беларусы замежжа шырока адзначылі юбілейныя даты ў творчасці Янкі Купалы і Якуба Коласа. У снежні 1925 г. у Празе беларуская грамада арганізавала канцэрт-акадэмію з нагоды 20-годдзя літаратурнай творчасці Янкі Купалы [3, с. 3]. Вечарына пазнаёміла і падрыхтавала літаратурную супольнасць замежжа да сустрэчы з аўтарам, бо Янка Купала ў міжваенны перыяд некалькі разоў наведваў Чэхаславакію.

Значную ўвагу беларусы замежжа надалі таксама 20-годдзю літаратурнай дзейнасці Якуба Коласа. Юбілейныя вечарыны ў чэшскай сталіцы праводзілі розныя нацыянальныя арганізацыі, якія загалі запланавалі цыкл літаратурна-мастацкіх мерапрыемстваў. Пачатак святкавання паклала Беларускае культурнае таварыства імя Ф. Скарыны ў Празе, якое 21 снежня 1926 г. арганізавала вечарыну ў гонар 20-годдзя паэтычна-мастацкай творчасці Якуба Коласа [4, с. 2]. Атмасферу юбілейнай літаратурнай вечарыны выдатна перадаў у сваёй газетнай рэцэнзіі аўтар пад псеўданімам Прысутны: «Неяк ужо традыцыйна ў калядныя фэры збіраецца беларускае студэнцтва і наагул беларуская калёнія ў Празе кожны год, каб хоць на пэўны час перанесціся думкаю ў далёкую па адлегласці, але блізкую па сэрцу Беларусь, і адпачыць у сваёй беларускай грамадзе» [5, с. 5]. З цытаты вынікае, што юбілей Якуба Коласа меў адметную псіхалагічную і сацыяльную ролю для нацыянальнай дыяспары. Вечарына дапамагла беларусам справіцца з перажываннем настальгіі ў іншакультурным асяроддзі, адчуць сувязь з Бацькаўчынай, што натхніла ўдзельнікаў даслаць Якубу Коласу ўрачыстае віншаванне з Прагі. У рэцэнзіі падкрэслівалася: «Прысутных было дужа многа, якія з энтузіязмам ухвалілі паслаць ад Скарынінскага Т-ва дарагому юбіляру Я. Коласу на памяць прывітаньне-адрэс» [5, с. 5]. Культурнае жыццё стымулявала беларускіх эмігрантаў развіваць сувязі з метраполіяй, вылучаць беларускія таленты.

Літаратурнае свята для беларусаў правялі ў самым вялікім і ўрачыстам памяшканні Студэнцкага дома ў Празе, што сведчыць пра арганізацыйную падтрымку юбілею Якуба Коласа з боку чэшскіх улад. Па традыцыі беларускія эмігранты ўпрыгожылі памяшканне партрэтамі юбіляра. У міжваенны час існавала традыцыя друкаваць партрэты вядомых літаратараў (звычайна рабіліся літаграфіі), якія беларускія арганізацыі шырока выкарыстоўвалі на сваіх мерапрыемствах і кніжных выставах. На юбілеі гучалі ўрыўкі з творчасці Якуба Коласа, быў прадстаўлены рэферат пра яго жыццё і дзейнасць, з урачыстай прадмовай выступіў старшыня таварыства Ільяшэвіч М.

Ініцыятыву святкавання юбілею Якуба Коласа ў Празе падхапіў Беларускі сялянскі саюз, які 7 студзеня 1927 г. арганізаваў сваё літаратурнае ўрачыстае мерапрыемства [6, с. 3]. У выступленнях удзельнікаў вечарыны падкрэслівалася, што Якуб Колас назаўсёды застаецца «сынам беларускай вёскі», таму яго паэзія адлюстроўвае народную традыцыю і культуру.

Трэцім юбілейным мерапрыемствам у гонар Якуба Коласа стала літаратурна-мастацкая вечарына пражскага аддзела Саюза беларускіх пісьменнікаў «Маладняк», якая адбылася 13 студзеня 1927 г. [7, с. 2]. Слабая крыніцазнаўчая база не дазваляе аднавіць поўную карціну дзейнасці і развіцця творчага аб'яднання. Матэрыял віленскай газеты «Беларуская крыніца» сведчыць аб паспяховым супрацоўніцтве пісьменніцкай арганізацыі з творчымі і мастацкімі калектывамі Чэхаславакіі. На ўрачыстасці ў гонар Якуба Коласа выступіў чэшскі дзіцячы хор пад кіраўніцтвам Ф. Бакулы, пра што паведамлялася наступным чынам: «Сапраўды мілае ўражанне пакінуў Чэшскі дзіцячы хор Бакулы, прапеўшы рад беларускіх, балгарскіх, украінскіх песняў народных, ды на “біс” чэшскую калядку» [7, с. 2]. Факт супрацоўніцтва беларускай дыяспары з чэшскім калектывам быў не адзіным, выступленні дзіцячага хору Ф. Бакулы мелі рэгулярны характар. У міжваенны час беларусы замежжа так і не змаглі стварыць свой нацыянальны прафесійны хор, таму на ўрачыстасці і канцэрты запрашалі таленавітых выканаўцаў з іншых народаў.

Нацыянальныя літаратурныя вечарыны спрыялі сацыяльна-псіхалагічнай адаптацыі эмігрантаў, уздымалі сацыяльны статус беларускай супольнасці ў прымаючым грамадстве. Уцягнутасць асоб у дзейнасць дыяспары спрыяла захаванню нацыянальнай ідэнтычнасці, фарміраванню ўстойлівых этнакультурных характарыстык. Грамадскія, асветніцкія, прафесійныя і культурныя аб'яднанні беларусаў замежжа у псіхалагічным плане выконвалі функцыі падтрымліваючых структур. Міжасабовыя ўзаемаадносіны ўплывалі на працэс культурнай адаптацыі эмігрантаў,

на ўзровень псіхалагічнай устойлівасці асоб, на іх здольнасць прыняць і зразумець новую рэальнасць [8, с. 468]. Супольныя вечарыны і свята давалі надзею і стваралі аптымістычны настрой, што дазваляла справіцца асобам са шматлікімі стрэсавымі сітуацыямі ў штодзённасці эмігрантаў. Адчуванне сугучнасці беларускай літаратуры з сусветнай культурнай спадчынай стварала ўпэўненасць у перспектывах яе развіцця, фарміравала адаптацыйныя формы паводзін эмігрантаў і развівала камунікацыйны патэнцыял.

Да творчасці Янкі Купалы і Якуба Коласа звярталася не толькі беларуская супольнасць у Чэхаславакіі, але і беларускія эмігранты з іншых краін свету. Вядомы і паважаны ў асяроддзі беларускага замежжа ксёндз Ян Тарасевіч у снежні 1926 г. у Нью-Йорку падрыхтаваў да друку першы нумар беларускамоўнага часопіса «Праўда», у якім апублікаваў вершы Янкі Купалы [9, с. 2]. Рэдактар часопіса Я. Тарасевіч выбраў з багатай паэтычнай творчасці Я. Купалы менавіта верш пад назвай «За праўду», каб больш дакладна акрэсліць асноўную ідэю перыядычнага выдання для амерыканскіх беларусаў. З пастановак камедыі Янкі Купалы «Паўлінка» ў Дзвінскай і Люцынскай беларускай гімназіях пачыналася беларускае тэатральнае жыццё ў Латвіі. П'есу ставілі настаўнікі нацыянальных навучальных устаноў разам са сваімі вучнямі.

Беларускія эмігранты для арганізацыі літаратурных вечарын звярталіся не толькі да творчасці жывых класікаў, яны таксама ўшаноўвалі памяць паэтаў і пісьменнікаў, якія адышлі ў нябыт. Беларусы Літвы ў часопісе «Крывіч» у 1926 г. прааналізавалі творчую спадчыну Максіма Багдановіча. А. Узнесянскі ў сваім артыкуле «Паэтыка М. Багдановіча» зрабіў ґрунтоўную літаратурную крытыку, ацаніўшы адметнасці кампазіцыі і рытмічнага ладу вершаў, матываў літаратурнага зместу, стылістыку і асаблівасці метафар [10, с. 12–62]. У тым жа нумары часопіса пасля ґрунтоўнага літаратурнага аналізу апублікаваны ўспаміны Вацлава Ластоўскага пра ліставанне і знаёмства з Максімам Багдановічам, пра яго супрацоўніцтва з рэдакцыяй газеты «Наша Ніва». В. Ластоўскі ў матэрыяле «Мае ўспаміны аб М. Багдановічы» [11, с. 62–66] фактычна стварыў дакладны псіхалагічны партрэт паэта як творчай асобы.

Беларусы Чэхаславакіі таксама не абышлі сваёй увагай творчасць М. Багдановіча. Беларускае культурнае таварыства імя Ф. Скарыны 28 мая 1927 г. арганізавала ў Празе вечарыну-акадэмію з нагоды дзесяцігоддзя смерці Максіма Багдановіча [12, с. 2]. Па сваёй традыцыі члены таварыства прадставілі падрыхтаваны імі рэферат пра жыццё паэта, пасля гэтага прагучалі яго творы. Беларускія студэнты чыталі вершы

М. Багдановіча ва ўрачыстай абстаноўцы Студэнцкага дома ў Празе.

Нацыянальная супольнасць Чэхаславакіі таксама звярнулася да творчасці В. Дуніна-Марцінкевіча і прадставіла яго літаратурную спадчыну 30 снежня 1924 г. на чытаннях у гонар выбітнага беларускага драматурга [13, с. 4]. Беларусы Чэхаславакіі працягнулі цыкл мерапрыемстваў, прысвечаных 40-годдзю са дня смерці таленавітага драматурга. У фондах Беларускага дзяржаўнага архіва-музея літаратуры і мастацтва захоўвацца групавы здымак з літаратурнай вечарыны у гонар В. Дуніна-Марцінкевіча, якая была праведзена ў Празе 25 лютага 1925 г. [14, с. 4].

Асноўнай мэтай пералічаных мерапрыемстваў стала дэманстрацыя творчай супольнасці замежка багатых традыцый беларускай літаратуры.

Нацыянальная дыяспара таксама шанавала сваіх таленавітых літаратараў з ліку эмігрантаў. Беларусы Латвіі падтрымлівалі і развівалі талент паэта і перакладчыка Пятра Масальскага, які ў 1920-я гг. атрымаў прызнанне літаратурнай супольнасці замежка пад псеўданімамі Пятрусь ці Пятро Сакол. Вершы Пятра Масальскага публікаваліся на старонках перыядычных выданняў Латвіі і Літвы, пра яго творчасць з літаратурных рэцэнзій ведалі беларусы ў розных краінах свету.

Талент маладога аўтара заўважылі яшчэ ў Люцынскай дзяржаўнай беларускай гімназіі (Латвія), дзе вучыўся паэт. Адна з першых рэцэнзій на вершы Пятра Масальскага была апублікавана ў часопісе «Крывіч», які рыхтавалі да друку ў Коўна пад рэдакцыяй Вацлава Ластоўскага. Беларускамоўны мясячнік літаратуры і культуры шырока асвятляў навіны выдавецкай справы і грамадскага жыцця дыяспары. Значная ўвага надавалася маладому паэту пры аналізе зместу дзесяці нумароў часопіса Люцынскай дзяржаўнай беларускай гімназіі пад назвай «Ластаўка». Літаратурная крытыка дастаткова прыхільна ацэньвала творчы маладога аўтара: «Масальскі – вучань другой клясы гімназіі. Але ў маладой душы чуваць цвёрдасць і гарт, а што найважнейшае, – праглядае часам мысль, якая прынясла-бы чэсьць і набытарнаму пісьменніку. Гэтак, у вершы “Годзе” аўтор паўстае супроць прывычнай у нас сылязлівасці, бядунлівасці і стагноты» [15, с. 110]. Пётр Масальскі апраўдаў

надзеі беларусаў Латвіі. Пасля заканчэння настаўніцкіх курсаў у Рызе малады паэт пачаў выкладаць у Дзвінскай беларускай пачатковай школе. Паэт працягнуў пісаць вершы і публікавацца як у Латвіі, так і ў іншых краінах свету. Яго творы краналі і ўражвалі чытачоў, таму беларуская супольнасць Латвіі 6 лістапада 1927 г. урачыста адзначыла 5-годдзе літаратурнай працы паэта [16, с. 3]. На сваім юбілеі ў Дзвінскай беларускай гімназіі малады паэт і настаўнік прачытаў рэферат пра культурнае жыццё беларускай супольнасці ў Латвіі, пасля гэтага ён пазнаёміў удзельнікаў вечарыны са сваімі вершамі.

Інфармацыя пра творчы юбілей Пятра Масальскага з’явілася таксама на старонках віленскай беларускамоўнай прэсы, дзе падкрэслівалася: «Творчасць П. Масальскага, выхаваная на беларускім адраджэнскім руху, яскрава адбіваецца ў сабе чорныя і сьветлыя бакі беларускага адраджэнскага жыцця ў Латвіі, а таму яна цікава ня толькі для латвійскіх Беларусаў, але і для замежных» [16, с. 3]. Гістарычная крыніца дэманструе тэндэнцыю да кансалідацыі дыяспары ў шчырым імкненні беларусаў падтрымаць свайго паэта-лірыка. У канцы 1920-х гг. латышскія ўлады распачалі ганенні на беларускага настаўніка і паэта, бо паэзія П. Масальскага сапраўды набыла адметнае значэнне для палітычных цэнтраў беларускай дыяспары.

Заклучэнне. Такім чынам, важную ролю ў працэсе сацыяльнай і культурнай адаптацыі эмігрантаў адыгралі грамадскія аб’яднанні замежка, якія займаліся арганізацыяй літаратурных вечарын. Набольш уплывовыя адукацыйныя і культурныя цэнтры беларускага замежка ў міжваенны перыяд сфарміраваліся ў Чэхаславакіі, Латвіі і Літве. Актыўнай арганізацыйнай дзейнасцю займалася Беларускае культурнае таварыства імя Ф. Скарыны ў Празе. Нягледзячы на тое, што беларусы замежка нярэдка знаходзіліся ў палітычнай канфрантацыі паміж сабой, іх кансалідацыя на нацыянальных вечарынах была важным крокам да ўзаемаразумення. Гонар за багатую і самабытную літаратурную спадчыну ўздымаў асобасную матывацыю ўдзельнікаў вечарын, што ў значнай ступені ўплывала на дынаміку інтэграцыі беларускіх эмігрантаў ў іншакультурнае грамадства.

Спіс літаратуры

1. Беларусы ў Чэхаславацыі // Сялянская ніва. 1927. № 54. С. 2.
2. Рэктар Беларускага Дзяржаўнага Універсітэту праф. Пічэта ў Празе // Сялянская ніва. 1927. № 51. С. 3.
3. Канцэрт-акадэмія з прычыны 20 угодкаў творчасці Янкі Купалы ў Празе // Сялянская ніва. 1926. № 2. С. 3–4.
4. Ć. Światkawańnie 20-tych uhodkaŭ paetyĉna-mastackaje tworĉaĉci Jakuba Kolasa ů Prazie // Biełaruskaja Krynica. 1927. № 1. S. 2.

5. Присутны. Святкаваньне Коласаўскага Юбілею Скарынінскім Т-вам у Празе // Сялянская ніва. 1927. № 2. С. 5.
6. N. Świata dwacatych uhodkaў mastacka-literaturnaj tworčasci J. Kolasa // Bielaruskaja Krynica. 1927. № 3. S. 3.
7. 3-ciaje praskaje światkawańnie 20-tych uhodkaў mastackaj tworčasci Jakuba Kolasa // Bielaruskaja Krynica. 1927. № 5. S. 2.
8. Martinet É. H. G., Damásio B. F. Relationships between Cultural Adaptation and Immigrants' Well-Being // Psico-USF. 2021. Vol. 26, № 3. P. 467–481.
9. “Prašda” // Bielaruskaja Krynica. 1927. № 5. S. 2.
10. Узьнясянскі А. Паэтыка М. Багдановіча // Крывіч. 1926. № 1. С. 12–62.
11. Ластоўскі В. Мае ўспаміны аб М. Багдановічы // Крывіч. 1926. № 1. С. 62–66.
12. I. Bielarusy ў Čechaslawakii // Bielaruskaja Krynica. 1927. № 25. S. 2.
13. Ж. Д. Вечар памяці Вінцука Дуніна-Марцінкевіча // Беларуская доля. 1925. № 12. С. 4.
14. Беларускі архіў-музей літаратуры і мастацтва. Фонд 3. Воп. 3. Спр. 138. Арк. 1.
15. Ластаўка // Крывіч. 1925. № 9. С. 109–110.
16. К. Пяцігоддзе літаратурнай працы П. Сакала // Сялянская ніва. 1927. № 80. С. 3.

References

1. Belarusians in Czechoslovakia. *Syalyanskaya niva* [The Rural Field], 1927, no. 54, p. 2 (In Belarusian).
2. Rector of Belarusian State University prof. Picheta in Prague. *Syalyanskaya niva* [The Rural Field], 1927, no. 51, p. 3 (In Belarusian).
3. Concert-academy in honor of the 20th anniversary of Janka Kupala in Prague. *Syalyanskaya niva* [The Rural Field], 1926, no. 2, pp. 3–4 (In Belarusian).
4. Ch. Celebration of the 20th anniversary of the creativity of Yakub Kolas in Prague. *Belaruskaya Krynitsa* [The Belarusian Source], 1927, no. 1, p. 2 (In Belarusian).
5. Presenter. Celebration of the anniversary of Kolas by the Association named after Skaryna in Prague. *Syalyanskaya niva* [The Rural Field], 1927, no. 2, p. 5 (In Belarusian).
6. N. Celebration of the 20th anniversary of artistic and literary creativity of Y. Kolas. *Belaruskaya Krynitsa* [The Belarusian Source], 1927, no. 3, p. 3 (In Belarusian).
7. Third Prague celebration of the 20th anniversary of the artistic creativity of Yakub Kolas. *Belaruskaya Krynitsa* [The Belarusian Source], 1927, no. 5, p. 2 (In Belarusian).
8. Martinet É. H. G., Damásio B. F. Relationships between Cultural Adaptation and Immigrants' Well-Being. *Psico-USF*, 2021, vol. 26, no. 3, pp. 467–481 (In English).
9. Truth. *Belaruskaya Krynitsa* [The Belarusian Source], 1927, no. 5, p. 2 (In Belarusian).
10. Uznesyansky A. Poetics of M. Bagdanovich. *Kryvich* [Kryvich], 1926, no. 1, pp. 12–62 (In Belarusian).
11. Lastouski V. My memories of M. Bogdanovich. *Kryvich* [Kryvich], 1926, no. 1, pp. 62–66 (In Belarusian).
12. I. Belarusians in Czechoslovakia. *Belaruskaya Krynitsa* [The Belarusian Source], 1927, no. 25, p. 2 (In Belarusian).
13. Zh. D. Event in memory of Vintsuk Dunin-Martsinkevich. *Belaruskaya Dolya* [The Belarusian Destiny], 1925, no. 12, p. 4 (In Belarusian).
14. *Belaruski arkhiv-musey litaratury i mastatstva* [Belarusian State Archive and Museum of Literature and Art]. Fund 3. I. 3. F. 138. L. 1.
15. *Swallow*. *Kryvich* [Kryvich], 1925, no. 9, pp. 109–110 (In Belarusian).
16. K. Fifth anniversary of P. Sakal's literary activity. *Syalyanskaya niva* [The Rural Field], 1927, no. 80, p. 3 (In Belarusian).

Інфармацыя пра аўтара

Коваль Вольга Уладзіміраўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Святрдлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: koval@belstu.by

Information about the author

Koval Volha Uladzimirauna – PhD (History), Associate Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: koval@belstu.by

Паступіў 12.09.2024

УДК 821.161.3«1920/1930»

І. У. Каляда

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

**СТАНАЎЛЕННЕ БЕЛАРУСКАЙ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ ЯК ВЫЗНАЧАЛЬНЫ ФАКТАР
ПАЛІТЫКІ БЕЛАРУСІЗАЦЫІ**

У артыкуле разглядаюцца пытанні станаўлення беларускай дзяржаўнасці, узбуйнення тэрыторыі БССР, што стала вызначальнымі фактарамі палітыкі беларусізацыі, якая ажыццяўлялася ў 1920-я – 1930-я гг. у Беларусі.

Вытокі беларусізацыі – у разгортванні беларускага нацыянальнага руху, праграмных палажэнняў нацыянальных партый, пошуку форм нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва, што адбываўся ў сутыкненні розных поглядаў і меркаванняў. Сваю ролю тут адыграла і з’яўленне беларускага перыядычнага друку, дзейнасць урада БНР, абвяшчэнне БССР. У 1920-я гады беларусізацыя набыла статус дзяржаўнай палітыкі.

Канстатуецца, што з павелічэннем колькасці нацыянальна свядомай інтэлігенцыі назіраліся якасныя зрухі ў далейшым паглыбленні яе самасвядомасці. Разначынная інтэлігенцыя становіцца носьбітам дэмакратычных ідэй у спалучэнні з ідэямі нацыянальнага адраджэння. Роля інтэлігенцыі, цалкам адданай нацыянальнай ідэі, надзвычай высока праяўляецца ў фарміраванні этнічнай самасвядомасці простых людзей.

Робіцца выснова аб тым, што беларусізацыя абудзіла да актыўнага нацыянальнага жыцця шырокае колы беларускага насельніцтва. За няпоўнае дзесяцігоддзе былі створаны нацыянальная асвета і даследчыя ўстановы, нацыянальны тэатр і кіно; з’явілася пакаленне маладых беларускіх пісьмемнікаў і мастакоў; шырока вялося вывучэнне гісторыі і культуры беларускага народа.

Ключавыя словы: беларусізацыя, нацыянальная ідэя, нацыянальна-культурнае будаўніцтва, дзяржаўнасць, узбуйненне, тэрыторыя, самасвядомасць.

Для цытавання: Каляда І. У. Станаўленне беларускай дзяржаўнасці як вызначальны фактар палітыкі беларусізацыі // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2024. № 2 (287). С. 51–55.

DOI: 10.52065/2520-6885-2024-287-9.

I. U. Kalyada

Belarusian State Technological University

**ESTABLISHMENT OF THE BELARUSIAN STATE AS A DETERMINING FACTOR
OF BELARUSIZATION POLICY**

The article examines the issues of the establishment of Belarusian statehood, the expansion of the territory of the BSSR, which became the determining factors of the Belarusianization policy, which was carried out in the 1920s and 1930s in Belarus.

The origins of Belarusianization are in the development of the Belarusian national movement, in the program provisions of national parties, in the search for forms of nation-state construction, which took place in the clash of different views and opinions. The appearance of the Belarusian periodical press, the activities of the government of the BNR, and the proclamation of the BSSR also played a role here. In the 1920s, Belarusianization acquired the status of state policy.

With the increase in the number of nationally conscious intelligentsia, qualitative shifts in the further deepening of their self-awareness were observed. The diverse intelligentsia becomes the bearer of democratic ideas combined with the ideas of national revival. The role of the intelligentsia, fully committed to the national idea, is extremely prominent in the formation of the ethnic self-consciousness of ordinary people.

Belarusianization awakened wide circles of Belarusian population to an active national life. In less than a decade, national education and research institutions, national theater and cinema were created; a generation of young Belarusian writers and artists appeared; the history and culture of the Belarusian people were widely studied.

Keywords: Belarusianization, national idea, national and cultural construction, statehood, expansion, territory, self-awareness.

For citation: Kalyada I. U. Establishment of the Belarusian state as a determining factor of Belarusianization policy. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2024, no. 2 (287), pp. 51–55 (In Belarusian).

DOI: 10.52065/2520-6885-2024-287-9.

Уводзіны. Беларусізацыя – адна з найбуйнешых з’яў нашай гісторыі, якая найбольш актыўна праводзілася ў 1920-я гг. як шырокамаштабная дзяржаўная кампанія нацыянальна-культурнага будаўніцтва. Яна мела ў сваёй аснове грунтоўную тэарэтычную распрацоўку і эфектыўную сістэму кіравання.

Разгортванне беларускага нацыянальна-вызваленчага руху ў пачатку XX ст., ідэі беларускага нацыянальнага адраджэння, якія знайшлі сваё афармленне ў праграмах беларускіх нацыянальных дэмакратычных і сацыялістычных партый, стварэнне беларускай дзяржаўнасці, узбудуенне тэрыторыі Беларусі ў 1924 і 1926 гг. – гэта асноўныя перадумовы беларусізацыі.

З павелічэннем колькасці нацыянальна свядомай інтэлігенцыі назіраліся якасныя зрухі ў далейшым паглыбленні яе самасвядомасці. Разначынная інтэлігенцыя становіцца носьбітам дэмакратычных ідэй у спалучэнні з ідэямі нацыянальнага адраджэння. Роля інтэлігенцыі, цалкам адданай нацыянальнай ідэі, надзвычай высока праяўляецца ў фарміраванні этнічнай самасвядомасці простых людзей. Многія прадстаўнікі тагачаснай беларускай інтэлігенцыі добра разумелі месца культуры і мовы ў нацыянальна-вызваленчым руху і ўсяляк яму садзейнічалі. І, дзякуючы гэтаму, усё больш шырокія колы беларускага грамадства разумелі неабходнасць самастойнага нацыянальнага развіцця, дзяржаўнага самавызначэння беларускага народа.

Асноўная частка. Беларуская нацыянальная ідэя была канкрэтызавана і аформлена ў перыяд Першай сусветнай вайны, Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцыі 1917 г. у праграмных палажэннях нацыянальных партый, якія актыўна ўключыліся ў барацьбу за стварэнне беларускай дзяржаўнасці.

Пошук форм нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва адбываўся ў сутыкненні поглядаў і меркаванняў. Кіраўнікі Паўночна-Заходняга абкама РКП(б) Мяснікоў А., Кнорын В., Ландэр К. і інш. лічылі, што беларускія губерні павінны ўвайсці ў склад РСФСР як заходняя вобласць Расіі. Так, В. Кнорын (на той час кіраўнік Часовага ўрада Беларусі, сакратар ЦК КП(б)Б), адстойваючы такое меркаванне, у кастрычніку 1918 г. пісаў: «Мы лічым, што беларусы не з’яўляюцца нацыяй, і тыя этнічныя асаблівасці, што аддзяляюць іх ад астатніх рускіх, павінны быць забытыя» [1, с. 13].

Такія погляды былі абумоўлены ідэяй, якую падзялялі ў той час многія дзеячы балышавіцкай партыі, – ідэяй адзінай і непадзельнай Расіі, адзінага народа, у склад якога павінны ўвайсці ўсе суседнія народы. Зразумела, што пакуль такая думка заставалася пануючай у кіруючых колах, усялякія спробы беларусізацыі былі асуджаны на правал.

Спадзеючыся пабудаваць самастойную Беларусь у адпаведнасці з Дэкларацыяй правоў

народаў Расіі, дзеячы беларускага нацыянальнага руху спрабуюць стварыць свае органы ўлады. У лістападзе 1917 г. выканкамы Вялікай Беларускай Рады, Цэнтральнай Белвайскарады выдалі адозву «Да ўсяго народа беларускага», у якой прапанавалі праграму нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва (абвяшчэнне Беларусі дэмакратычнай рэспублікай, яе федэрацыя з Расіяй і іншымі суседнімі рэспублікамі з адпаведным размежаваннем правоў краёвых і федэральных улад і інш.), аб’яўлялі скліканне з’езда прадстаўнікоў беларускага народа.

Першы Усебеларускі з’езд (снежань 1917 г.) прыняў рашэнне аб стварэнні органа краёвай улады – Усебеларускага савета сялянскіх, рабочых і салдацкіх дэпутатаў. Аднак пасля таго, як з’езд паспрабаваў набыць усю паўнату ўлады, быў разгагнаны загадам СНК Заходняй вобласці.

Незалежніцкія тэндэнцыі ў беларускім руху ўзмацніліся пасля падпісання Савецкай Расіяй Брэсцкага міру ў 1918 г. Падзел Беларусі, акупацыя ўсходняй часткі краіны з Мінскам уключна завяршылі канчатковае выпяванне і самавыяўленне ідэі суверэннай Беларускай дзяржавы.

Абвяшчэнне Беларускай народнай рэспублікі, дзейнасць яе ўрада сталі важным этапам культурна-нацыянальнага адраджэння. Бяспрэчны ўклад дзеячаў БНР у развіццё беларускай мовы, культуры, асветы, падрыхтоўку беларускіх нацыянальных кадраў, фарміраванне нацыянальнай свядомасці беларусаў. Культурная спадчына БНР у значнай сваёй частцы была ўключана ў працэс будаўніцтва Савецкай Беларусі, у палітыку беларусізацыі 1920-х гг., у ажыццяўленні якой самы актыўны ўдзел прынялі былыя дзеячы БНР – М. Доўнар-Запольскі, А. Смоліч, Я. Лёсік, А. Цвікевіч, С. Некрашэвіч.

Зразумела, што дасягнуць рэальнай незалежнасці, калі тэрыторыя краіны знаходзілася пад акупацыяй нямецкіх войскаў, было немагчыма. За межамі Беларусі, на тэрыторыі Расіі, значную падрыхтоўчую працу па ўтварэнні Беларускай дзяржавы вёў Беларускі нацыянальны камісарыят (арганізаваны ў лютым 1918 г. пры Народным камісарыяце па справах нацыянальнасцяў РСФСР). Яго дзейнасць пад кіраўніцтвам А. Чарвякова, З. Жылуновіча, А. Усціловіча разгортвалася больш у культурна-асветніцкім і агітацыйным кірунку сярод беларусаў-бежанцаў. У іх асяроддзі ствараліся розныя культурна-асветніцкія ўстановы, клубы, гурткі (Беларускае навукова-культурнае таварыства, клуб «Беларус» у Маскве, Беларускае вольна-эканамічнае таварыства, «Беларуская хатка» у Петраградзе і інш.).

Намаганнімі супрацоўнікаў Белнацкама была заснавана першая савецкая газета на беларускай мове «Дзянніца» (рэдактар З. Жылуновіч). На яе старонках друкаваліся беларускія мастацкія творы, матэрыялы, якія асвятлялі дзейнасць Белнацкама.

Нарэшце ідэя беларускай дзяржаўнасці знайшла сваё ўвасабленне ў абвешчэнні 1 студзеня 1919 г. Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі.

Аднак ужо 16 студзеня 1919 г. ЦК РКП(б) выдае новы загад аб вылучэнні са складу Савецкай Беларусі Смаленскай, Магілёўскай і Віцебскай губерній і далучэнні іх да РСФСР (у сувязі са змяненнем знешніх абставін).

А ў лютым 1919 г. утвараецца Літоўска-Беларуская рэспубліка (ЛітБел) са сталіцай у Вільні.

З. Жылуновіч, А. Чарвякоў і іх прыхільнікі, абураныя абкарнаннем тэрыторыі Беларусі, накіравалі ў ЦК РКП(б) пісьмо з пратэстам супраць тэрытарыяльнага падзелу краіны. Вынікам такога дэмаршу стала тое, што на I Усебеларускім з'ездзе яны былі выключаны са складу ўрада БССР. У адрас З. Жылуновіча на з'ездзе прагучалі абвінавачванні ў тым, што ён несвоечасова ставіць пытанне аб утварэнні беларускай савецкай дзяржаўнасці [2, с. 45].

Аднак абысці, замоўчаць беларускае пытанне было ўжо немагчыма. Гэта добра разумелі і ва ўрадзе аб'яднанай Літоўска-Беларускай ССР, у склад якога, дарэчы, не ўвайшоў ні адзін беларус. Пачварджэннем таму стаў Дэкрэт аб дзяржаўных мовах, згодна з якім мовы беларуская, літоўская, польская, руская і яўрэйская абвешчаны агульнадзяржаўнымі. Тады ж Наркамат асветы прыступіў да беларусізацыі школ. Для падрыхтоўкі настаўнікаў арганізаваліся настаўніцкія курсы, на якіх асабліва ўвага надавалася беларусазнаўству.

Заўважым, што сярод членаў ЦК КП(б)ЛіБ не было адзінага меркавання па пытанні нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва на Беларусі. Частка з іх па-ранейшаму выступала супраць аднаўлення беларускай савецкай дзяржаўнасці, прапаноўваючы культурна-нацыянальную аўтаномію ў межах Мінскай губерні, якая, у сваю чаргу, павінна была ўвайсці ў склад РСФСР як адміністрацыйна-гаспадарчая адзінка (В. Кнорын, М. Калмановіч, І. Рэйнгольд).

Інакш вырашэнне гэтай праблемы бачылі камуністы-беларусы, якія знаходзіліся на Заходнім фронце. У маі 1920 г. па ініцыятыве А. Чарвякова (ён узначальваў Савецкі аддзел Рэўваенсавета Заходняга фронту) быў праведзены шэраг нарад прадстаўнікоў ініцыятыўных груп камуністаў-беларусаў, дзе абмяркоўвалася адзінае пытанне – аднаўленне савецкай улады і самавызначэнне Беларусі (З. Жылуновіч, А. Гурло, С. Несцер, І. Багдановіч і інш.).

На адной з такіх нарад (23 мая 1920 г., Смаленск) была прынята рэзалюцыя «Аб самавызначэнні Беларусі» з прапановай стварэння Рэвалюцыянага камітэта Беларусі як «аўтаномнага арганізма Расіі» [3, с. 144–145].

Многія партыйныя арганізацыі падтрымалі рэзалюцыю. Падобныя ідэі выказваліся на ся-

лянскіх з'ездах і сходах, на сходах беларусаў-чырвонаармейцаў. Гэтыя ідэі былі папулярныя і сярод беларускай народнай інтэлігенцыі. Улічваючы такія масавыя настроі, за аднаўленне Беларускай савецкай дзяржаўнасці выказаўся і ЦК КП(б)ЛіБ.

Паўторнае абвешчэнне незалежнай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі Беларусь (ССРБ) адбылося 31 ліпеня 1920 г. Хутка высветлілася, што ССРБ узнаўляецца толькі на шасці паветах Мінскай губерні. У межах гэтай тэрыторыі беларусы атрымалі культурна-нацыянальную аўтаномію, што, фактычна, было трансфармацыяй былой ідэі А. Мяснікова аб захаванні Заходняй вобласці як адміністрацыйна-тэрытарыяльнай адзінкі ў складзе РСФСР.

З гэтага моманту пытанне аб пашырэнні тэрыторыі рэспублікі становіцца адным з галоўных у дзейнасці камуністаў-беларусаў, дзеячаў культуры і беларускага нацыянальнага руху.

Раз'яднанне этнічнай тэрыторыі негатыўна адбілася на развіцці працэсаў нацыянальнай кансалідацыі. Адміністрацыйныя межы адноўленай БССР не ўлічвалі этнічную тэрыторыю рассялення беларусаў. На сумежных тэрыторыях РСФСР знаходзілася значна больш беларусаў, чым непасрэдна ў БССР, якая ўключала толькі шэсць паветаў Мінскай губерні. У такіх умовах немагчыма было аб'яднаць беларускую нацыю, быць раўнапраўнай (асабліва ў эканамічных адносінах) сярод іншых рэспублік СССР. У межах адной губерні рэспубліка была нежыццязольнай ва ўсіх адносінах.

Усведамляючы гэта, група беларускіх камуністаў (Я. Каранеўскі, С. Булат, А. Сташэўскі і інш.) у студзені 1921 г. накіравала ў ЦК КП(б)Б дакладную запіску, дзе абгрунтавала ідэю самавызначэння беларускай нацыі ў этнічных межах. Яшчэ ішлі мірныя перагаворы з Польшчай, і менавіта ў гэты час было ўзнята пытанне аб стварэнні «ўзорнай Беларускай Савецкай Рэспублікі ў яе эканамічных граніцах (этнаграфічнае супадае з эканамічнай)», што, на думку аўтараў гэтых матэрыялаў, «будзе мець вялікае дэманстрацыйна-палітычнае значэнне». «Толькі так будуць зняты папрокі ў адрас Савецкай Расіі з боку Польшчы ў прымусовай русіфікацыі Беларусі..., а ў асяроддзі беларусаў ўмацуецца ўдзячнасць да савецкай улады як да сваёй улады» [4, с. 96–97].

Аўтары звароту ставяць перад ЦК РКП(б) пытанне аб неабходнасці пашырыць межы ССРБ на ўсход «за кошт зямель, якія разам з уездамі Мінскай губерні складаюць адзіны вытворча-гаспадарчы і этнаграфічны беларускі арганізм» [4, с. 97], гэта значыць, за кошт далучэння да яе Віцебскай і Гомельскай губерняў, некаторых уездаў былой Магілёўскай губерні, далучаных раней да Смаленскай.

Адзначым, што разам з пашырэннем тэрыторыі Беларусі адной з галоўных задач лічылася «ўзмацненне беларусізацыі, пашырэнне беларускіх выдавецтваў і выданне літаратуры на беларускай мове, а таксама ўтварэнне адпаведнага органа ўнутры КП(б)Б, які павёў бы работу сярод беларускіх мас на беларускай мове...» [5, с. 129].

Тады, у 1921 г., гэтыя прапановы не знайшлі падтрымкі ў цэнтральных установах, аднак трохі пазней, калі беларусізацыя стала дзяржаўнай палітыкай, усе яны былі здзейснены, а іх ініцыятары сталі аднымі з самых актыўных праваднікоў беларусізацыі. Сярод іх – А. Чарвякоў, З. Жылуновіч, У. Ігнатоўскі, А. Бурбіс, А. Баліцкі, С. Булат, Я. Каранеўскі і інш.

Афіцыйна пытанне аб ўзбуйненні тэрыторыі БССР было пастаўлена ў сакавіку 1923 г. на VII з'ездзе КП(б)Б. У рэзалюцыі «Па нацыянальным пытанні» было адзначана, што «шпарка адрадіць Савецкую Беларусь можна толькі ўключыўшы ў тэрыторыю Беларусі сваяцкія ёй суседнія раёны» [6, с. 254]. Меліся на ўвазе Віцебская і Гомельская губерні, а таксама частка Смаленскай з большай колькасцю беларускага насельніцтва. З'езд падкрэсліў неабходнасць перагляду існуючага адміністрацыйна-тэрытарыяльнага дзялення і перагрупіравання раёнаў у адпаведнасці з іх натуральнымі асаблівасцямі з мэтай канчатковага вызначэння тэрыторыі Беларусі.

Настойлівыя патрабаванні кіраўніцтва Беларусі вымусілі Прэзідыум ЦВК РСФСР прыняць 3 сакавіка 1924 г. пастанову аб перадачы БССР тэрыторыі, дзе пражывала пераважна беларускае насельніцтва, 8 павеатаў Віцебскай губерні, 6 павеатаў Гомельскай і 2 павеатаў Смаленскай губерні. Адзначана было таксама, што БССР неабходна забяспечыць усімі сродкамі «для вядзення культурна-асветніцкай працы на мовах большасці насельніцтва БССР, ... і звярнуць асаблівую ўвагу на выдавецкія патрэбы Беларусі» [7, с. 221].

Адразу ж пасля ўзбуйнення тэрыторыі краіны ўрад БССР, Наркамасветы ўзялі курс на выраўноўванне становішча ў далучаных частках, у першую чаргу ў галіне народнай адукацыі. Сітуацыя ўскладнялася тым, што фактычна на гэтых тэрыторыях ажыццяўлялася палітыка русіфікацыі: беларускія школы былі адзінкавыя, спробы пераводу навучання на беларускую мову сустрэлі тут супраціўленне з боку кіраўніцтва мясцовых устаноў народнай адукацыі. Беларускамоўных выданняў наогул не было. Кіраўніцтва гэтых губерняў неаднаразова прымала пастановы аб адсутнасці ўсялякіх падстаў для якой-небудзь беларускай работы на іх тэрыторыях, а сваёй дзейнасцю не толькі не стымулявала гэтую працу, але і стварала перашкоды.

Узбуйненне Беларусі ў 1924 г. не было канчатковым. Па-за межамі рэспублікі яшчэ заставаліся

тэрыторыі, на якіх пераважна жыло беларускае насельніцтва. Таму беларускае кіраўніцтва пачало падрыхтоўчую працу па вырашэнні пытання аб далучэнні Гомельскай губерні да БССР. У верасні 1926 г. у ЦК УКП(б) было накіравана пісьмо з абгрунтаваннем неабходнасці далучэння Гомельшчыны да БССР: падкрэслівалася, што «гэтая тэрыторыя ўтварае разам з БССР адзіны эканамічны арганізм, а мясцовае насельніцтва з'яўляецца этнічна беларускім» [8, с. 98]. Дарэчы, рашэнне аб неабходнасці далучэння да БССР тых павеатаў, дзе пераважала беларускае насельніцтва, было прынята Гомельскім губернскім з'ездам яшчэ ў 1923 г.

Для больш дэталёвага вывучэння становішча была ўтворана камісія Палітбюро ЦК УКП(б) на чале з Я. Петэрсам з мэтай збірання матэрыялаў аб нацыянальным складзе, эканамічным становішчы і настроях мясцовага насельніцтва. Са свайго боку беларускае кіраўніцтва накіравала шэраг навуковых экспедыцый на Гомельшчыну з мэтай вывучэння нацыянальнага складу насельніцтва.

У выніку праведзенай падрыхтоўчай работы 6 снежня 1926 г. Прэзідыум ЦВК РСФСР прыняў пастанову аб расфірмаванні Гомельскай губерні і перадачы Гомельскага і Рэчыцкага павеатаў у склад БССР [9, с. 35].

Адпаведная пастанова «Аб далучэнні да БССР Рэчыцкага і Гомельскага павеатаў са складу былой Гомельскай губерні РСФСР» была прынята ЦВК БССР 11 снежня 1926 г. Адзначым, што ўжо ў гэтым дакуменце спецыяльна агаворвалася, што пры правядзенні «ўсіх практычных мерапрыемстваў па ажыццяўленні нацыянальнай палітыкі і культурнага будаўніцтва ў Гомельскім і Рэчыцкім акругах неабходна строга ўлічваць патрэбы і інтарэсы ўсіх населяючых гэтыя акругі нацыянальнасцяў» [9, с. 35].

Спробы перашкодзіць вяртанню Гомельшчыны ў склад БССР назіраліся з боку губернскага кіраўніцтва Гомеля. І прычын тут было некалькі: па-першае, кіруючыя пасады ў Гомельскай губерні займалі ў асноўным людзі небеларускай нацыянальнасці; па-другое, на новыя беларускія тэрыторыі аўтаматычна распаўсюджвалася палітыка беларусізацыі, якая ў 1926 г. ішла ўжо поўным ходам. Гэта не падабалася мясцовым уладам, якія адмоўна ставіліся да адукацыі на беларускай мове, стрымлівалі яе пашырэнне ў іншых сферах. Як вынік – негатыўнае стаўленне часткі насельніцтва Гомельшчыны да беларусізацыі, што і спрабавалі выкарыстаць мясцовыя кіраўнікі, каб сарваць магчымае далучэнне Гомельшчыны да БССР.

Улічваючы такое становішча, ЦВК БССР на IV сесіі ў студзені 1927 г. асабліва падкрэсліваў, што ў далучаных раёнах беларусізацыю трэба праводзіць паступова, вызначаючы больш познія яе тэрміны [10, с. 17].

У выніку ўзбуйнення ў 1924 і 1926 гадах тэрыторыя Беларусі перавысіла 125 тыс. км², дзе жыло каля пяці мільёнаў чалавек, абсалютную большасць якіх складалі беларусы [11, с. 476]. Такая колькасць насельніцтва давала ўжо падставы лічыць сябе немалой нацыяй, ставіць вялікамаштабныя задачы па эканамічным і культурным развіцці.

У адозве «Да ўсіх працоўных Савецкай Беларусі» асабліва падкрэслівалася, што гэтая падзея сведчыць пра тое, што «ў межах СССР нацыянальнае пытанне вырашаецца ў плоскасці сапраўднага забеспячэння працоўным усіх нацыяналь-

насцей магчымасці выкарыстаць заваёвы рэвалюцыі для свайго эканамічнага і культурнага развіцця» [9, с. 35].

Заклучэнне. Абвяшчэнне БССР, уз'яднанне Беларусі сталі галоўнымі перадумовамі беларусізацыі, падмурак якой быў створаны ў працэсе разгортвання беларускага нацыянальнага руху. Практычныя вынікі дзейнасці ўрада БНР і Беларускага нацыянальнага камісарыята па культурна-нацыянальным адраджэнні фактычна стварылі першапачатковую базу, на аснове якой і будзе разгортвацца ў 1920-я гады беларусізацыя.

Спіс літаратуры

1. Асіноўскі С., Кнорын В. Мы лічым, што беларусы не з'яўляюцца нацыяй... // Беларуская мінуўшчына. 1995. № 4. С. 12–15.
2. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Ф. 4. Воп. 1. Спр. 5.
3. Сташкевич Н. На грани возможного // Неман. 1989. № 10. С. 144–146.
4. Лыч Л. М. Ликвидация экономического и социально-культурного неравенства союзных республик на примере БССР (1917–1941 гг.). Минск: Наука и техника, 1987. 287 с.
5. КПБ в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. Минск: Беларусь. 1983. Т. 1. 527 с.
6. Будзін Ш. А. Нацыянальнае пытанне. Менск: Дзяржаўнае выд-ва Беларусі, 1932. 392 с.
7. НАРБ. Ф. 6. Воп. 1. Спр. 345 (4.1).
8. НАРБ. Ф. 4. Воп. 21. Спр. 98.
9. НАРБ. Ф. 6. Воп. 1. Спр. 947.
10. Чацвёртая сесія ЦВК БССР VIII склікання. 18–28 студзеня 1927 г. Стэнаграфічная справаздача. Мінск: Выд-ва ЦВК БССР. 1927. 526 с.
11. Беларусы. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Мінск: БелЭн, 1993. Т. 1. С. 464–481.

References

1. Asinouski S., Knorin V. We believe that the Belarusians do not zyavdyayutstva nation... . *Belaruskaya minuushchyna* [Belarusian history], 1995, no. 4, pp. 12–15 (In Belarusian).
2. National Archive of the Republic of Belarus (NARB). Fund 4. I. 7. F. 5.
3. Stashkevich N. On the edge of the possible. *Neman* [Neman], 1989, no. 10, pp. 144–146 (In Russian).
4. Lych L. M. *Likvidatsiya ekonomicheskogo i sotsial'no-kul'turnogo neravenstva soyuznykh respublik na primere BSSR (1917–1941)* [Elimination of economic and socio-cultural inequality of the union republics using the example of the BSSR (1917–1941)]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1987. 287 p. (In Russian).
5. *KPB v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'yezdov i plenumov TsK* [KPB in resolutions and solutions congresses and plenums CK]. Minsk, Belarus Publ., 1983, vol. 1. 527 p. (In Russian).
6. Budzin Sh. A. *Natsyyanal'naye pytanne* [The national question]. Minsk, Dzyarzhaunaye vydavetstva Belarusi Publ., 1932. 392 p. (In Belarusian).
7. NARB. Fund 6. I. 1. F. 345 (4.1).
8. NARB. Fund 4. I. 21. F. 98.
9. NARB. Fund 6. I. 1. F. 947.
10. The fourth session of the CEC of the BSSR XVIII convocation. 18–28 January 1927. Verbatim Report. Minsk, Vydavetstva TsVK BSSR Publ., 1927. 526 p. (In Belarusian).
11. *Belarusy. Entsiklopedyya gistoryi Belarusi*. T. 1 [Encyclopedia of the history of Belarus. Vol. 1]. Minsk, BelEn. Publ., 1993, pp. 464–481 (In Belarusian).

Інфармацыя пра аўтара

Каляда Іна Уладзіміраўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Свядлова, 13а, Рэспубліка Беларусь).

Information about the author

Kolyada Ina Vladimirovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus).

Паступіў 16.09.2024

УДК 355.48(476)

В. А. Острога

Белорусский государственный университет

**ПРОБЛЕМАТИКА ЗАРУБЕЖНОЙ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ
В БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1920-Х – 1980-Х ГГ.**

В статье анализируются результаты исследований белорусских обществоведов в области зарубежной военной истории в 1920-х – 1980-х гг. Отмечаются причины недостаточной изученности и невысокого интереса к данной проблематике в рассматриваемый период у исследователей БССР. Важнейшей из этих причин является отсутствие сложившейся в рассматриваемый период республиканской научной школы зарубежной военной истории. Необходимо отметить, что различные аспекты военной истории зарубежья постоянно находились в поле зрения историков Советской Беларуси, хотя утверждать об их приоритетном месте нельзя. Интерес к этой теме был связан с изучением актуальной в то время тематикой идеологической борьбы, борьбы за мир и разоружение, национально-освободительного движения, различных эпизодов истории Второй мировой войны, деятельности Организации Североатлантического договора и вооруженных сил его членов, Организации Варшавского договора, а также с исследованием военной истории Беларуси. Отмечается, что в целом за весь советский период в БССР блок историографии, который можно непосредственно отнести к военно-историческим исследованиям, представлял собой почти 70 научных и научно-популярных публикаций. Указывается, что до 1941 г. исследования по зарубежной военной истории в БССР практически не осуществлялись. Тематика военной истории зарубежных стран относительно активно стала изучаться лишь с 1960-х гг. Делается вывод, что данная сфера исторических знаний не стала в рассматриваемый период объектом активных научных исследований белорусских обществоведов.

Ключевые слова: Белорусская ССР, военная история, историография, научные исследования, научная тематика, история Второй мировой войны, история Организации Североатлантического договора (НАТО), история Организации Варшавского договора.

Для цитирования: Острога В. А. Проблематика зарубежной военной истории в белорусской историографии 1920-х – 1980-х гг. // Труды БГТУ. Сер. 6. История, философия. 2024. № 2 (287). С. 56–60.

DOI: 10.52065/2520-6885-2024-287-10.

V. A. Astroha

Belarusian State University

**THE PROBLEMS OF FOREIGN MILITARY HISTORY
IN THE BELARUSIAN HISTORIOGRAPHY OF THE 1920S – 1980S**

The article analyzes the results of research by Belarusian social scientists in the field of foreign military history in the 1920s – 1980s. The reasons for the insufficient study and low interest in this issue in the period under review among researchers of the BSSR are noted. The most important of these reasons is the lack of a republican scientific school of foreign military history that was formed in the period under review. It should be noted that various aspects of foreign military history were constantly in the field of view of historians of Soviet Belarus, although it is impossible to assert their priority place. Interest in this topic was associated with the study of the then relevant topics of ideological struggle, the struggle for peace and disarmament, the national liberation movement, various episodes in the history of World War II, the activities of the North Atlantic Treaty Organization and the armed forces of its members, the Warsaw Pact, as well as related to the study of the military history of Belarus. It is noted that in general, for the entire Soviet period in the BSSR, the historiography block that can be directly attributed to military-historical research consisted of almost 70 scientific and popular science publications. It is noted that until 1941, research on foreign military history in the BSSR was practically not carried out. The topic of military history of foreign countries began to be studied relatively actively only in the 1960s. It is concluded that this area of historical knowledge did not become the object of active scientific research of Belarusian social scientists in the period under review.

Keywords: Belarusian SSR, military history, historiography, scientific research, scientific topics, history of the Second World War, history of the North Atlantic Treaty Organization (NATO), history of the Warsaw Pact Organization.

For citation: Astroha V. A. The problems of foreign military history in the belarusian historiography of the 1920s – 1980s. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2024, no. 2 (287), pp. 56–60 (In Russian).

DOI: 10.52065/2520-6885-2024-287-10.

Введение. Проблематика военной истории зарубежных стран на сегодняшний день является одним из тех направлений научных исследований белорусских ученых, которое требует более пристального внимания.

Интерес современных военных историков нашей страны главным образом сосредоточен на изучении вопросов военного прошлого Беларуси, преимущественно периода Великой Отечественной войны. Тематика зарубежной военной истории остается на периферии и представлена крайне малочисленными публикациями. Одна из причин этого положения, на наш взгляд, заключается в отсутствии сложившейся ранее, еще в советский период, национальной научной школы военной истории зарубежья. Поэтому целью настоящей работы является анализ результатов исследования различных аспектов зарубежной истории белорусскими обществоведами советского периода в 1920-х – 1989-х гг. В этой связи, несомненно, поднятая тема имеет высокую степень актуальности.

Основная часть. Необходимо отметить, что различные аспекты зарубежной военной истории всегда находились в поле зрения историков Белорусской ССР, хотя утверждать об их приоритете нельзя. Интерес к этой теме связан с изучением важной в то время проблемы идеологической борьбы, борьбы за мир и разоружение, национально-освободительного движения, а также, как и во многих других случаях, с исследованием истории Беларуси. Но стоит заметить, что в СССР интерес у так называемых «гражданских историков» ко всеобщей военной истории был невысок. Как отмечал в 1981 г. сотрудник Академии МВД СССР Капустин Ю. Т., «научная и учебная литература, выпускавшаяся нашими издательствами, в которой освещается работа полиции, разведки и армии, невелика по объему. Кроме того, отдельные монографические исследования не всегда доступны для широкого круга исследователей» [1, с. 3].

В целом за весь советский период в БССР историографический блок, который можно прямо или косвенно отнести к военно-историческим исследованиям, представлял собой около 70 научных и научно-популярных публикаций. До 1941 г. исследования по зарубежной военной истории в республике практически не проводились, если не считать нескольких публикаций по истории польской армии. К примеру, военное строительство Польши нашло отражение в работах М. Краснопольского и Г. Почтера [2]. Книги этих авто-

ров содержат интересную фактическую и аналитическую информацию о польских вооруженных силах. Определенный интерес вызывает исследование «О революционном движении в польской армии», подготовленное в 1934 г. Я. Шнейдером [3, л. 39].

После окончания Второй мировой войны интерес к зарубежной военной истории у белорусских ученых несколько вырос, но тематический диапазон исследовательской работы в области всеобщей военной истории оставался нешироким.

Так, современный белорусский ученый Лотоцкий С. М. считает, что в республике после окончания войны и до конца 1950-х гг. по военной историографии всеобщей истории исследования почти не велись. Он упоминает, как «редкое исключение», работы преподавателей БГУ Шнейерсона Л. М., Трухнова Г. М. и Дашкевича В. К. [4, с. 57]. В середине 1950-х гг. академик АН СССР, главный редактор центрального журнала «Вопросы истории» Панкратов А. М. в одной из своих докладных записок от 7 марта 1956 г. в ЦК КПСС охарактеризовала состояние военной истории в целом в СССР как «большую запущенность и фактическую беспризорность» [5, л. 27].

Но, к сожалению, и в конце 1980-х гг. ситуация с изучением зарубежной военной истории в Советском Союзе лучше не стала. Так, в Постановлении пленарного заседания Научного совета по координации исследований в области военной истории при Институте военной истории Министерства обороны СССР от 28 марта 1984 г. отмечалось, что «недостаточное внимание уделяется разработке проблем послевоенного периода, особенно таких как строительство и подготовка Вооруженных Сил и армий стран социалистического содружества; развитие вооруженных сил основных империалистических государств; военное искусство в локальных войнах и военных конфликтах; международный терроризм США и его проявление в XX в.; интервенционистские действия империалистических держав в новейшее время; конкретные проблемы зарубежной военной истории капиталистических и развивающихся стран» [6, с. 3]. Научный совет утвердил к разработке на 1981–1990 гг. 153 военно-исторические темы, из них 24 (16%) были посвящены проблемам зарубежной военной истории [7, с. 1]. Территориально эта тематика в подавляющем большинстве случаев изучалась в Москве в Институте военной истории МО СССР (85%), профильных институтах АН СССР (Институте всеобщей истории, Институте Латинской

Америки, Институте востоковедения), а также в военных академиях и училищах. Согласно этому плану, проводить исследования по зарубежной военной истории в БССР совсем не предполагалось.

Что касается тематического диапазона, отметим, что более всего исследования советских ученых касались Второй мировой войны, хотя эта тема активно стала изучаться только с середины 1960-х гг. В БССР разработку этих проблем осуществляли, как правило, академические ученые, в первую очередь сотрудники сектора истории Великой Отечественной войны и партизанского движения Института истории АН БССР, а также отдельные преподаватели белорусских вузов. Среди наиболее значимых – работы Т. С. Горбунова, Э. Ф. Языкович, Н. Гракова, И. В. Зазеко и других, касавшиеся преимущественно участия зарубежных антифашистов, особенно польских, в рядах белорусских партизан в 1941–1944 гг. Но тематика зарубежной военной истории вне связи с историей Беларуси ими не изучалась. Новая волна исследований по истории войны началась во второй половине 1970-х гг. В юбилейном 1975 г. увидели свет несколько работ Н. М. Омелюстого и В. Ф. Романовского, посвященных «разоблачению фальсификации зарубежных ученых» истории Второй мировой и Великой Отечественной войн [8]. Эту тему также развивали И. Г. Шубитидзе, Н. П. Левина, К. М. Петухов, Н. П. Жук, К. К. Герман.

Второй, достаточно популярной темой стало антифашистское движение. Ему были посвящены работы К. Н. Петухова и Э. Ф. Языкович [9]. Отдельные публикации раскрывали историю деятельности знаменитой разведгруппы «Красная капелла» и франко-советской эскадрильи «Нормандия – Неман». Несколько выделяется исследование Якова Савельевича и Владимира Платоновича Павловых о роли партизанской борьбы в революционных и национально-освободительных войнах [10]. В белорусской «военной» историографии имеется блок работ, посвященных истории 1917–1939 гг.: участию немецких и польских интернационалистов в деятельности по защите советской власти и бойцов интербригад.

Говоря об исследовании проблем зарубежной военной истории в БССР, нельзя не упомянуть работы по третьей теме – об Организации Североатлантического договора (НАТО) и вооруженных силах отдельных стран – членов блока. Достаточно продолжительное время каких-либо значимых в научном плане публикаций по этой теме не существовало. Лишь после подписания в 1955 г. социалистическими странами соглашения о создании Организации Варшавского договора (ОВД), в конце 1950-х – начале 1960-х гг. в печати стали появляться более глубокие в научном плане исследования о

Североатлантическом блоке. Но с самого начала практически все эти работы объединяло остро-критическое отношение к данной организации.

В 1960-х гг. наиболее крупным специалистом в области общих проблем развития НАТО и в целом проблеме милитаризма был экономист из БГУ Васин В. П. В одной из своих работ он изучает деятельность блока, где «разоблачает агрессивную политику правящих кругов НАТО, усиленно готовящих... новую мировую войну» [11, с. 63]. Отметим также работу И. Клишина «Расшатываются устои НАТО» (1966 г.) о роли Франции в организации. 1970-е гг. показали, что в целом негативное отношение ученых БССР к блоку НАТО не изменилось. Это демонстрируют и работы В. П. Васина, особенно его монография «Империалистический милитаризм – угроза человечеству» (1970 г.), в которой уделено большое внимание военной политике США, ФРГ и Японии. Но в последующие годы этой организации фактически посвящена лишь статья А. Владимирова «НАТО – инструмент агрессии». В других работах о проблемах военной политики капиталистических стран, преимущественно США и ФРГ, тема НАТО раскрывается скупо. Тут стоит отметить работы В. Бовша и А. М. Шаркова.

Непосредственно новейшей военной истории США посвящены достаточно политизированные исследования В. П. Васина, И. Сергеева, Ю. Седова, В. А. Захарова, С. Николаева. С начала 1960-х гг. обществоведы особое внимание стали обращать на военную политику ФРГ. Так, В. Кудряшов в статье «ФРГ – главный очаг военной опасности» считает, что «Боннское государство стало главным врагом мирного сосуществования, разоружения и разрядки международной напряженности в Европе» [12, с. 54]. В подобном стиле написаны и работы О. А. Ясинского, который говорил о реваншизме и стремлении Бонна к обладанию оружием массового поражения: «Бонн упорно настаивает на своих территориальных притязаниях, нагнетает атмосферу военного угара» [13, с. 1]. В других работах Ю. И. Коваленко и Р. Колчанова анализировался военно-промышленный комплекс ФРГ, а также критиковался западногерманский реваншизм. В 1967 г. вышла в свет достаточно крупная публикация И. Сергеева о кризисе другого военно-политического объединения XX в. – СЕАТО (Организации договора Юго-Восточной Азии) [14].

Анализ белорусской советской историографии в области зарубежной военной истории будет неполным, если не отметить исследования об Организации Варшавского договора. Первые работы о ней начали публиковаться уже в конце 1950-х гг. В отличие от «натовских», публикации по ОВД написаны по содержанию обобщенно и

имеют достаточно мало конкретного фактического материала. Среди активных авторов в этой теме отметим М. А. Бейдина, А. И. Цыганова, М. С. Кириченко [15].

Заключение. Таким образом, белорусская советская историография зарубежной военной истории представляет собой совокупность незначительное количество публикаций, касаю-

щихся различных аспектов истории Второй мировой войны, блока НАТО и развития вооруженных сил его отдельных членов, а также Организации Варшавского договора. Данная сфера знаний не стала в рассматриваемый период объектом приоритетных и активных научных исследований белорусских обществоведов.

Список литературы

1. Капустин Ю. Т. Полиция в механизме буржуазного государства. М.: Академия МВД СССР, 1981. 64 с.
2. Краснапольскі Н. Польскі салдат. Мінск: БДВ, 1928. 71 с.; Почтэр Р. Узброеныя сілы Польшчы і Латвіі. Менск: Вых-ва ЦС Бельсдавіахэму, 1929. 86 с.
3. Отчеты за 1934 г. // Центральный научный архив НАН Беларуси. Ф. 68. Оп. 1. Д. 3.
4. Лотоцкий С. М. Организация научных исследований в Беларуси в области военной истории (вторая половина 1940-х – конец 1950-х гг.) // Вес. Гродзен. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 1, Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. 2011. № 2. С. 57–63.
5. Записки отдела, письма, записки, отчеты, справки научных учреждений, МВД СССР, издательств, отдельных лиц с заключениями Отдела и сектора общественных наук по вопросам истории: о подготовке трудов «Новейшая история Китая», об укреплении руководства Отделения исторических наук Академии наук СССР, о конференции читателей журнала «Вопросы истории», отчеты о поездках советских ученых в Финляндию и Югославию, о передаче венгерским, румынским и английским научным организациям фотокопий и микрофильмов документальных материалов из Центральных государственных архивов СССР о некоторых исторических и революционных событиях, о 300-летию добровольного вхождения бурят в состав России и др. // Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 35. Д. 23.
6. Координационный план научно-исследовательских работ по военной истории на 1981–1985 гг. М.: Ин-т военной истории МО СССР, 1981. 63 с.
7. Дополнения к координационному плану научно-исследовательских работ по военной истории на 1981–1985 гг. М.: Ин-т военной истории МО СССР, 1983. 33 с.
8. Омелюстый Н. М. Правда о Великой Отечественной войне и домыслы буржуазных фальсификаторов. Минск: Веды, 1975. 22 с.; Романовский В. Ф. Против фальсификации истории Белоруссии периода Великой Отечественной войны. Минск: Наука и техника, 1975. 127 с.
9. Петухоў К. М. Антыфашысцкая падпольная барацьба ў канцэнтрацыйным лагеры Асвенцым у гады другой сусветнай вайны // Вес. Акад. навук Беларус. ССР. Сер. грамад. навук. 1975. № 1. С. 22–29; Языкович Э. Ф. Зарубежные антифашисты в рядах белорусских партизан (1941–1944 гг.) // История СССР. 1966. № 5. С. 80–101.
10. Павлов Я. С., Павлов В. П. Марксизм-ленинизм о роли партизанской борьбы в революционных и национально-освободительных войнах. Минск: МГПИ, 1983. 105 с.
11. Васин В. П. Империалистический милитаризм – угроза миру. Минск: Вышэйшая школа, 1964. 160 с.
12. Кудрашоў В. ФРГ – галоўны ачаг ваеннай небяспекі ў Еўропе // Коммунист Белоруссии. 1961. № 4. С. 55–60.
13. Ясинский О. А. Агрессивная политика западногерманского империализма. Минск: Веды, 1966. 21 с.
14. Сергеев И. Кризис агрессивного блока СЕАТО // Коммунист Белоруссии. 1967. № 5. С. 64–72.
15. Цыганов А. И. Варшавский Договор – боевой союз во имя мира (К 20-летию Варшавского договора). Минск: Веды, 1975. 18 с.; Бейдин Н. А., Цыганов А. И. Вооруженные силы социалистических государств – залог безопасности народов. Минск: Веды, 1968. 28 с.; Кириченко М. С. Надежный страж мира. Минск: Беларусь, 1975. 174 с.

References

1. Kapustin Yu. T. *Politsiya v mekhanizme burzhuznogo gosudarstva* [Police in the mechanism of the bourgeois state]. Moscow, Akademiya MVD SSSR Publ., 1981. 64 p. (In Russian).
2. Krasnapol'ski N. *Pol'ski saldat* [Polish soldier]. Minsk, BDV Publ., 1928. 71 p.; Pochter R. *Uzbrojenyya sily Pol'shchy i Latvii* [Armed forces of Poland and Latvia]. Minsk, Vyd-va TsS Belsdaviakhemu Publ., 1929. 86 p. (In Belarusian).

3. Reports for 1934. *Tsentral'nyy nauchnyy arkhiv HAH Belarusi* [Central Scientific Archive of the National Academy of Sciences of Belarus]. Fund 68. I. 1. F. 3.
4. Lototskiy S. M. Organization of scientific research in Belarus in the field of military history (second half of the 1940s – late 1950s). *Ves. Grodzen. dzyarzh. un-ta imya Yanki Kupaly* [Weight. Grodno. state Yanki Kupala University], ser. 1, History and archeology. Philosophy. Political science, 2011, no. 2, pp. 57–63 (In Russian).
5. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii* [Russian State Archive of Contemporary History]. Fund 5. I. 35. F. 23.
6. *Koordinatsionnyy plan nauchno-issledovatel'skikh rabot po voyennoy istorii na 1981–1985 gg.* [Coordination plan for research work on military history for 1981–1985]. Moscow, Institut voyennoy istorii MO SSSR Publ., 1981. 63 p. (In Russian).
7. *Dopolneniya k koordinatsionnomu planu nauchno-issledovatel'skikh rabot po voyennoy istorii na 1981–1985 gg.* [Additions to the coordination plan for research work on military history for 1981–1985]. Moscow, Institut voyennoy istorii MO SSSR Publ., 1983. 33 p. (In Russian).
8. Omelyustyy N. M. *Pravda o Velikoy Otechestvennoy voyne i domysly burzhuaiznykh fal'sifikatorov* [The truth about the Great Patriotic War and the speculations of bourgeois falsifiers]. Minsk, Vedy Publ., 1975. 22 p.; Romanovskiy V. F. *Protiv fal'sifikatsii istorii Belorussii perioda Velikoy Otechestvennoy voyny* [Against the falsification of the history of Belarus during the Great Patriotic War]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1975. 127 p. (In Russian).
9. Petukhou K. M. Anti-fascist underground struggle in the Auschwitz concentration camp during the Second World War. *Ves. Akad. navuk Belarus. SSR* [Weight. Acad. of Sciences of Belarus. SSR]. Ser. society of science, 1975, no. 1, pp. 22–29 (In Belarusian); Yazykovich E. F. Foreign anti-fascists in the ranks of Belarusian partisans (1941–1944). *Istoriya SSSR* [History of the USSR], 1966, no. 5, pp. 80–101 (In Russian).
10. Pavlov Ya. S., Pavlov V. P. *Marksizm-leninizm o roli partizanskoy bor'by v revolyutsionnykh i natsional'no-osvoboditel'nykh voynakh* [Marxism-Leninism on the role of partisan struggle in revolutionary and national liberation wars]. Minsk, MGPI Publ., 1983. 105 p. (In Russian).
11. Vasin V. P. *Imperialisticheskiy militarizm – ugroza miru* [Imperialist militarism is a threat to peace]. Minsk, Vysheyshaya shkola Publ., 1964. 160 p. (In Russian).
12. Kudrashou V. FRG is the main center of military danger in Europe. *Kommunist Belorussii* [Communist of Belarus], 1961, no. 4, pp. 55–60 (In Belarusian).
13. Yasinskiy O. A. *Agressivnaya politika zapadnogermanskogo imperializma* [The aggressive policy of West German imperialism]. Minsk, Vedy Publ., 1966. 21 p. (In Russian).
14. Sergeev I. The crisis of the aggressive SEATO bloc. *Kommunist Belorussii* [Communist of Belarus], 1967, no. 5, pp. 64–72 (In Russian).
15. Tsyganov A. I. *Varshavskiy Dogovor – boyevoy soyuz vo imya mira (K 20-letiyu Varshavskogo Dogovora)* [The Warsaw Pact – a military alliance for the sake of peace (On the 20th anniversary of the Warsaw Pact)]. Minsk, Vedy Publ., 1975. 18 p.; Beydin N. A., Tsyganov A. I. *Vooruzhennyye sily sotsialisticheskikh gosudarstv – zalog bezopasnosti narodov* [The armed forces of socialist states are the guarantee of the security of the peoples]. Minsk, Vedy Publ., 1968. 28 p.; Kirichenko M. S. *Nadezhnyy strazh mira* [A reliable guardian of peace]. Minsk, Belarus' Publ., 1975. 174 p. (In Russian).

Информация об авторе

Острога Виктор Александрович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой таможенного дела и международной логистики. Белорусский государственный университет (пр-т Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь). E-mail: ostroga.v@mail.ru

Information about the author

Astroha Victor Alexandrovich – DSc (History), Professor, head of the Department of customs affairs and international logistics. Belarusian State University (4, Nezavisimosti Ave., 220030, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: ostroga.v@mail.ru

Поступила 14.09.2024

УДК 355.01+94(476)

С. Г. Долюк, О. В. Лепеш

Белорусский национальный технический университет

**ВЛИЯНИЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА ИЗМЕНЕНИЕ
КАДРОВОГО СОСТАВА БЕЛОРУССКОГО
ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА**

Статья носит обзорный характер и является продолжением исследования деятельности профессорско-преподавательского состава Белорусского политехнического института в годы Великой Отечественной войны. В основу работы легли подлинные архивные документы, хранящиеся в музее истории Белорусского национального технического университета – Устав Белорусского политехнического института имени И. В. Сталина от 7 августа 1939 г., списки профессорско-преподавательского состава института на ноябрь 1940 г. и на начало 1941 г., а также списки личного состава института на январь 1946 и июнь 1947 гг.

Статья посвящена изучению изменения профессорско-преподавательского состава Белорусского политехнического института в первые послевоенные годы по сравнению с довоенным периодом. Обобщаются данные о количестве, квалификационных характеристиках руководящего и профессорско-преподавательского состава института в 1940, 1941, 1946 и 1947 гг., что позволяет проследить последствия войны для кадрового потенциала учебного заведения. Также в статье рассмотрена структура института и изменения, произошедшие в ее составе в послевоенный период. В статье приводятся сведения о количестве сотрудников, распределении по кафедрам и факультетам, а также о положении женщин в коллективе. Это исследование позволяет глубже понять кадровую политику и внутреннюю структуру института в один из самых сложных периодов его истории.

Ключевые слова: музей истории, война, история, исторический источник, кадры, политехнический институт.

Для цитирования: Долюк С. Г., Лепеш О. В. Влияние Великой Отечественной войны на изменение кадрового состава Белорусского политехнического института // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2024. № 2 (287). С. 61–66.

DOI: 10.52065/2520-6885-2024-287-11.

S. Daliuk, O. Lepesh

Belarusian National Technical University

**THE IMPACT OF THE GREAT PATRIOTIC WAR ON THE CHANGE
IN THE STAFFING OF THE BELARUSIAN POLYTECHNIC INSTITUTE**

The article is of a review nature and is a continuation of the study of the activities of the teaching staff of the Belarusian Polytechnic Institute during the Great Patriotic War. The work is based on original documents stored in the history museum of the Belarusian National Technical University – The Charter of the Belarusian Polytechnic Institute named after I. V. Stalin dated August 7, 1939, lists of the teaching staff of the institute as of November 1940 and at the beginning of 1941, as well as lists of the personnel of the institute as of January 1946 and June 1947.

The article is devoted to the study of changes in the teaching staff of the Belarusian Polytechnic Institute in the first post-war years compared to the pre-war period. The article summarizes data on the number and qualification characteristics of the management and teaching staff of the institute in 1940, 1941, 1946 and 1947, which allows us to trace the consequences of the war for the human resources of the educational institution. The article also examines the structure of the institute and the changes that occurred in its composition in the post-war period. The article provides information on the number of employees, distribution among departments and faculties, as well as the position of women in the team. This study allows us to better understand the personnel policy and internal structure of the institute during one of the most difficult periods of its history.

Keywords: history museum, war, history, historical source, personnel, polytechnic institute.

For citation: Daliuk S., Lepesh O. The Impact of the Great Patriotic War on the change in the staffing of the Belarusian Polytechnic Institute. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2024, no. 2 (287), pp. 61–66 (In Russian).

DOI: 10.52065/2520-6885-2024-287-11.

Введение. Великая Отечественная война оказала глубокое влияние на все сферы жизни Белорусской ССР, включая систему высшего образования. Белорусский политехнический институт (далее – БПИ) не стал исключением, он пережил значительные изменения как в образовательной, так и в кадровой структурах. В данной статье предпринята попытка на основе подлинных документов, хранящихся в фондах музея истории Белорусского национального технического университета (далее – БНТУ), проанализировать деятельность профессорско-преподавательского (далее – ППС) состава БПИ в годы войны и в первые послевоенные годы. Для подготовки статьи использованы такие ключевые документы, как Устав Белорусского политехнического института имени И. В. Сталина от 7 августа 1939 г. [1], списки профессорско-преподавательского состава института на 1 ноября 1940 г. [2] и на начало 1941 г. [3], а также списки личного состава на январь 1946 г. [4] и на июнь 1947 г. [5]. Эти документы позволяют проследить изменения в составе института в критические периоды его истории. Однако стоит отметить, что представленные списки являются неполными: отсутствуют данные о некоторых сотрудниках, такие как имя, отчество, должность или ученая степень, что ограничивает возможность проведения полного анализа, но не умаляет значимость полученных результатов.

Основная часть. В предвоенные годы директором БПИ являлся известный специалист в области биотехнологии пищевых продуктов канд. биол. наук, доц. Позняк С. И. (1897 г. р.), который занимал эту должность в 1939–1941 и в 1945–1947 гг. Согласно Уставу БПИ им. И. В. Сталина, в предвоенные годы в институте функционировали 4 факультета (строительный, химикотехнологический, торфомеханический и гидрометеорологический, механический) и вечернее отделение [1, л. 18]. В структуру института входила 31 кафедра: основ марксизма-ленинизма, политической экономии, иностранных языков, военной подготовки, высшей математики, физики, неорганической и аналитической химии, органической химии, физической и коллоидной химии, теоретической механики, начертательной геометрии и графики, строительной механики, деталей машин, электротехники, теплотехники, технологии металлов, технологии машиностроения, резания металлов, станков, отопления и вентиляции, архитектуры, строительных (инженерных) конструкций, строительного производства, микробиологии и биохимии, технологии брожения, технологии силикатов, производств торфяного топлива, торфяных машин, гидротехнической мелиорации, гидравлики и гидротехнических сооружений, торфомелиоративных изыс-

каний и геодезии [1, л. 19–20]. В 1940 г. состав кафедр немного изменился: были упразднены кафедры политической экономии, деталей машин, теплотехники, технологии силикатов; кафедра гидравлики и гидротехнических сооружений была разделена на две – кафедру гидравлики и гидрологии и кафедру гидротехнических сооружений; были сформированы новые кафедры – технологии керамики, технологии стекла, автомобилей и двигателей [2]. Также в институте преподавались 4 самостоятельные дисциплины: в 1939 г. – физическая культура, общая химическая технология, геология и петрография, механическое оборудование химических предприятий, в 1940 г. на смену последней стали преподавать экономику промышленности [1, л. 20; 2, л. 29].

Количество работавших на кафедрах в 1940 г. в среднем составляло 4–5 человек. Самой многочисленной, в состав которой входили 15 человек, была кафедра иностранных языков. На кафедре марксизма-ленинизма трудилось 11 человек, на кафедре отопления и вентиляции – 10. На кафедрах физико-коллоидной химии, микробиологии и биохимии, общей химической технологии, геологии и петрографии числилось по 2 сотрудника. Самостоятельную дисциплину – экономику промышленности преподавал по совместительству 1 сотрудник – доц. Аксельрод Е. С. (1902 г. р.) [2, л. 29].

На 1 ноября 1940 г. в БПИ работали 183 человека: 157 мужчин и 26 женщин. Женщины в основном были задействованы на должностях ассистентов кафедр (13 человек), преподавателей (9 человек) и старших преподавателей (1 человек). Исполняли обязанности доцента кафедры 3 женщины [2].

В штате института числилось 126 человек ППС, по совместительству работали 57 человек. Существовала практика внутреннего совместительства должностей. Например, директор института Позняк С. И. одновременно занимал (на полставки) должность доцента кафедры технологии брожения [2, л. 18], а канд. техн. наук, доц. Околовский Ф. К. (1887 г. р.) исполнял обязанности зав. кафедрой математики и по совместительству работал доцентом кафедры теоретической механики [2, л. 3, 5]. А. И. Веннер (1906 г. р.) одновременно работал доцентом кафедры строительного производства и и. о. доцента кафедры гидротехнических сооружений [2, л. 16, 22].

Важным показателем академической и научной силы института, влиявшим на его образовательный, научный и социальный статус, являлось наличие ученых степеней у руководителей и преподавателей. Ученая степень кандидата наук имела у 31 человека. Ученую степень доктора наук, из представленных в списке,

имели только 3 человека: проф., д-р хим. наук Прилежаев Н. А. (1873 г. р.), возглавлявший кафедру органической химии; проф., д-р техн. наук Безбородов М. А. (1898 г. р.), стоявший во главе кафедры технологии стекла; проф., д-р биол. наук Ануфриев Г. И. (1889 г. р.), руководивший кафедрой торфомелиоративных изысканий и геодезии [2]. Без указания в списке 1940 г. известно, что ученую степень доктора наук также имели проф. Столяров Н. А. (1870 г. р.) и проф. Кравцов А. А. (1874 г. р.).

Среди заведующих кафедрами 9 человек имели звания профессора, 11 человек – доцента. Ученые степени были у 18 человек: 13 кандидатов наук и 5 докторов наук. Самостоятельные курсы «Общая химическая технология» возглавлял дважды канд. наук (техн. и хим.), проф. Осипенко Ф. Н. (1894 г. р.) [2, л. 29]. На кафедрах микробиологии и биохимии, станков заведующие отсутствовали [2]. Кадровый состав ППС на 1 ноября 1940 г. представлен в табл. 1.

Таблица 1
Кадровый состав БПИ в 1940 г.

Должность	Кол-во
Заведующий кафедрой, профессор	8
Заведующий кафедрой, исполняющий обязанности профессора	1
Заведующий кафедрой, доцент	8
Заведующий кафедрой, исполняющий обязанности доцента	1
Заведующий кафедрой, старший преподаватель	1
Заведующий кафедрой	7
Исполняющий обязанности заведующего кафедрой, доцент	1
Исполняющий обязанности заведующего кафедрой, исполняющий обязанности доцента	1
Исполняющий обязанности заведующего кафедрой, старший преподаватель	1
Исполняющий обязанности заведующего кафедрой	1
Профессор	4
Доцент	30
Исполняющий обязанности доцента	33
Старший преподаватель	2
Преподаватель	18
Ассистент	66
<i>Всего</i>	183

На начало 1941 г. в БПИ работали 188 человек, пришли 5 новых сотрудников (мужчин). В штате института числилось 133 человека ППС, по совместительству работали 59 человек [3].

В этот период произошли некоторые кадровые и структурные изменения. Была упразднена кафедра органической химии, все сотрудники

кафедры перешли работать на кафедру физико-коллоидной химии [3, л. 9]. Вновь была открыта кафедра теплотехники, работниками которой стали 4 из 5 новых сотрудников. На новой кафедре также стали работать 4 из 9 сотрудников кафедры инженерных конструкций. Возглавил новую кафедру канд. техн. наук, доц. Добкин Г. И. (1891 г. р.) [3, л. 3]. Интересно, что в начале 1941 г. 8 из 9 сотрудников кафедры строительного производства перешли работать на кафедру станков. За счет такого перехода сотрудников кафедра станков стала одной из самых многочисленных (13 человек). Несмотря на большой штат, на кафедре по-прежнему отсутствовал заведующий. Недостаток кадров на кафедре строительного производства был восполнен за счет перехода 6 сотрудников кафедры отопления и вентиляции [3, л. 3, 7, 8]. Кафедра электротехники также потеряла часть сотрудников – 5 из 9 человек перешли работать на кафедру автомобилей и двигателей [3, л. 6]. Причины такого массового перехода сотрудников остались неизвестны.

Несмотря на структурные изменения, количество кафедр в 1939, 1940 и 1941 гг. оставалось неизменным – их было 35.

На начало 1946 г. в БПИ работали 96 человек: 76 мужчин и 20 женщин [4]. Женщины в основном были востребованы на должностях ассистентов кафедр (13 человек), старших преподавателей (3 человека), преподавателей (2 человека). Степень кандидата наук имела одна женщина – Н. М. Курбатова (1899 г. р.), доцент кафедры биохимии [4, л. 23]. Одну из кафедр, кафедру иностранных языков, возглавила женщина – ст. преп. Ивановская З. К. (1895 г. р.). Там же больше всего работало женщин: 4 из сотрудников [4, л. 18–19].

В БПИ функционировало 4 факультета: механический (декан, доц. Вербицкий И. И. (1892 г. р.)), химико-технологический (декан, канд. техн. наук, доц. Мазелев Л. Я. (1902 г. р.)), торфомелиоративный (декан, канд. техн. наук, доц. Ковалев Я. Т. (1901 г. р.)), строительный (декан Кессель Н. К. (1898 г. р.)). В структуру института входили 12 общеобразовательных кафедр и 22 специальные. Всего – 34. По сравнению с довоенным периодом в структуре БПИ появились кафедры ремонта и эксплуатации автомобилей, неорганической химии, аналитической химии, процессов и аппаратов в химической промышленности. Количество работавших на кафедрах в среднем составляло 2–3 человека. Самыми многочисленными, в составе которых числилось по 6 человек, были кафедра начертательной геометрии и графики и кафедра физики. Четыре кафедры: технологии керамики, технологии стекла, геодезии и гидравлики состояли

только из заведующих. Например, на кафедре геодезии работал будущий директор БПИ канд. наук, доц. Дорошевич М. В. (1900 г. р.) [4, л. 26].

В связи с недостатком кадров в послевоенные годы в БПИ существовала практика внутреннего совмещения должностей руководящего состава института. Так, директор института Позняк С. И. одновременно занимал должность зав. кафедрой технологии брожения; заместитель директора по научной и учебной работе канд. наук, доц. Гродзовский С. В. (1894 г. р.) – должность зав. кафедрой инженерных и гидротехнических сооружений [4, л. 23, 29]. Деканы всех четырех факультетов также возглавляли кафедры: Вербицкий И. И. – кафедру физики, Мазелев Л. Я. – кафедру неорганической химии, Ковалев Я. Т. – кафедру гидравлики, Кессель Н. К. – кафедру начертательной геометрии и графики [4, л. 17, 21, 29].

В БПИ в 1946 г. работал 1 акад., д-р техн. наук, проф., зав. кафедрой «Автомобили» Вейс Ю. А. (1878 г. р.), числилось 2 доктора технических наук – проф., зав. кафедрой «Технология стекла» Безбородов Ю. А. и проф., зав. кафедрой «Процессы и аппараты химической промышленности» Любошиц И. Л. (1895 г. р.), а также 16 кандидатов наук, доцентов. На должности профессора были трудоустроены 6 человек, доцента – 31, ст. преподавателя – 10, преподавателя – 2 человека, ассистента – 26 человек [4, л. 15–30].

Квалификационная карта заведующих кафедрами представляла собой следующую картину. Доктора наук, профессора стояли во главе 3 кафедр, кандидаты наук возглавляли 12 кафедр, на должности профессора работали 3 заведующих кафедрами, на должности доцента – 9 человек, на должности исполняющего обязанности доцента – 4 заведующих, на должности старшего преподавателя – 3 человека. Кадровый состав БПИ представлен в табл. 2.

Таблица 2
Кадровый состав БПИ в 1946 г.

Должность	Кол-во
Академик, доктор наук, профессор	1
Доктор наук, профессор	2
Профессор	6
Кандидат наук, доцент	16
Доцент	31
Старший преподаватель	10
Преподаватель	2
Ассистент	26
Неизвестно	2
<i>Всего</i>	96

Таким образом, количество ППС БПИ после войны сократилось фактически в 2 раза. В процентном соотношении гендерный состав ППС изменился не сильно. Соответственно, процент ослепленности тоже был ниже, чем до войны.

В списках за 1947 г. содержится входящее письмо Главного Управления политехнических и промышленных вузов Министерства высшего образования СССР. Согласно письму, в этот период С. В. Гродзовский временно исполнял обязанности директора института [5, л. 1].

В 1947 г. количество кафедр в БПИ резко увеличилось до 41. Появились кафедры: политекономии; двигателей; печей, сушил и специального оборудования силикатного производства; гидрологии; гидротехнической мелиорации; котельных установок; электрических станций; электрических машин. Вместо кафедр технологии брожения и кафедры процессов и аппаратов химической промышленности были образованы кафедра технологии пивоварения и спиртового производства и кафедра оборудования бродильного производства. Кафедра биохимии была упразднена [5].

В списках за 1947 г. появляются дополнительные данные, такие как национальность, пол, наличие правительственных наград сотрудников. К сожалению, в списках представлен только руководящий состав института, заведующие кафедрами и доценты. Отсутствуют данные о преподавателях и ассистентах кафедр. Эти сведения не дают полной картины о качественном и количественном составе ППС. Однако имеющиеся данные свидетельствуют о быстром росте квалифицированных специалистов в институте: почти 60% руководящего состава института имели ученые звания [5].

Большую часть руководящего состава института составляли мужчины (56 человек), лишь одну кафедру иностранных языков, как и в 1946 г., возглавляла женщина – ст. преп. Ивановская З. К. [5, л. 3]. В списках за 1947 г. среди руководящего состава представлена зав. библиотекой – Пепик В. М. (1912 г. р.), принятая на должность в 1945 г. Указанный стаж работы в данном вузе (10 лет) свидетельствует о том, что Вера Михайловна работала в БПИ и в довоенный период. [5, л. 6].

Белорусская ССР в тот период являлась многонациональной страной, что явно подтверждают списки ППС за 1947 г. По имеющимся данным, в институте работали белорусы (20 человек), евреи (19 человек), русские (17 человек), украинцы (3 человека) [5].

Сравнение кадрового состава профессорско-преподавательского состава БПИ в 1940, 1941, 1946 и 1947 гг. представлено в табл. 3.

Таблица 3
Сравнительная таблица кадрового состава ППС
БПИ в 1940, 1941, 1946 и 1947 гг.

ППС	1940	1941	1946	1947
Всего по спискам	183	188	96	59
Мужчины	157 (85,8%)	162 (86,2%)	76 (79,2%)	56 (94,9%)
Женщины	26 (14,2%)	26 (13,8%)	20 (20,8%)	3 (5,1%)
Доктора наук	5 (2,7%)	5 (2,7%)	3 (3,1%)	5 (8,5%)
Кандидаты наук	31 (16,9%)	32 (17%)	16 (16,7%)	30 (50,8%)

Примечание. Процент от общего числа ППС.

В результате сравнения списков личного состава ППС БПИ 1940, 1941, 1946 и 1947 гг. авторы выяснили, что из сотрудников, работавших в институте в довоенный период, на свои рабочие места вернулись после войны 46 человек, 14 из которых женщины, еще 8 человек возвратились в 1947 г. Большая часть из них в годы войны находилась в тылу и продолжала заниматься научно-исследовательской и педагогической деятельностью. В зоне оккупации, в Минске, пребывало 7 человек, 4 из которых были служащими, в их числе, например, известный в будущем архитектор Маклецова Н. Н. (1909 г. р.), которая работала прорабом стройконторы [4, л. 25]. З. К. Ивановская работала переводчицей при общей белорусской канцелярии окружного комиссариата [4, л. 2]. В партизанском движении из вернувшихся в БПИ участвовали двое зав. кафедрами – строительных конструкций проф. Кравцов А. А. (на территории Минской области) и строительной механики канд. наук, доц. Шавельский М. Е. (1905 г. р.) (на Гомельщине). Оба проявили себя отличными бойцами, пользовавшимися уважением в коллективе, были награждены медалью «Партизану Отечественной войны»: Александр Александрович – II степени, Михаил Евгеньевич – I степени [4, л. 19, 25]. Одним из вернувшихся в институт в 1947 г. был канд. наук, доц. Руцкий А. И. (1904 г. р.), основатель энергетического факультета и кафедры «Электрические станции». В годы Великой Отечественной войны он находился в действующей армии Западного, а затем 3-го Белорусского фронтов. Александр Иванович был награжден Орденами «Красной Звезды» и «Отечественной войны II степени», медалями «За оборону Москвы», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией» [5, л. 6]. С. И. Позняк был удостоен Ордена «Знак Почета» и медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» [5, л. 4]. Сражался в рядах Красной Армии и был награжден орденами «Отечественной войны II степени» и «Красной Звезды», медалями «За боевые заслуги» и «За

победу на Германией» Л. Я. Мазелев [5, л. 4; 4, л. 1]. Я. Т. Ковалев был удостоен «Ордена Красной Звезды» и медали «За оборону Москвы» [5, л. 4]. В. М. Пепик во время войны работала в совхозе «Первомайский» Саратовской области в должности бухгалтера, была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» [4, л. 10; 5, л. 6].

Анализ сведений списка личного состава БПИ 1946 г. дает возможность составить представление о местонахождении числившихся в институте 96 преподавателей в 1941–1944 гг. Большая его часть находилась в тылу – 51 человек, в рядах Красной армии сражалось 25 человек, в партизанском движении – 6, в зоне оккупации пребывало 14 человек. Сфера деятельности 31 преподавателя из 51, отправленного в тыл, в годы войны была связана с научно-исследовательской и педагогической деятельностью. Преподаватели БПИ трудились в НИИ, АН СССР и АН БССР, высшей и средней школе РСФСР и других союзных республик. Преподаватели, имевшие высшую научную квалификацию, были трудоустроены в научные институты и высшие учебные заведения. География нахождения в тылу 51 человека ППС БПИ связана с РСФСР (43 человека), Узбекской ССР (4 человека), Казахской ССР (2 человека), Киргизской ССР (1 человек), Туркменской ССР (1 человек), Грузинской ССР (1 человек) [4].

Вывод. Таким образом, несмотря на трудности военного и послевоенного времени, БПИ сумел частично восстановить свою кадровую структуру, что обеспечило его дальнейшее развитие как ведущего технического вуза Белорусской ССР. В результате испытаний войной кадровый состав БПИ был сокращен фактически в два раза. К 1947 г. к работе в институте смогли вернуться лишь 54 человека, работавших в БПИ в довоенный период. Это сопровождалось изменениями в кадровой структуре, увеличением числа внутренних совместительств и ростом количества новых кафедр, что свидетельствует о попытке института компенсировать кадровый дефицит.

В 1946 г. в ряды преподавателей удалось привлечь 96 человек, что, безусловно, не устранило проблему кадрового дефицита в институте. Большая часть кафедр представляла собой малочисленные структурные подразделения, состоявшие из 2–3 человек, на четырех кафедрах числилось только по одному работнику. Несмотря на снижение общего количества преподавателей, процент оспециализации, особенно среди руководящего состава, оставался достаточно высоким. Большая часть сотрудников, работавших в БПИ до войны, после войны вернулись к своей работе, что подтверждает их преданность институту и профессии.

Чуть больше половины кадрового состава БПИ, работавшего в 1946 г., в годы войны была эвакуирована в тыл, что позволило частично со-

хранить потенциал белорусской технической науки и приступить к восстановлению процесса обучения сразу после освобождения территории Беларуси.

Список литературы

1. Устав Белорусского политехнического института имени И. В. Сталина: приказ Всесоюз. ком. по делам высшей школы при СНК СССР, 7 авг. 1939 г., № 5/424 // Музей ист. БНТУ. Д-4(ОФ). 28 с. Подлинник.
2. Список профессорско-преподавательского состава Белорусского государственного политехнического института на 1 ноября 1940 года // Музей ист. БНТУ. Д-1(ОФ). 29 л. Подлинник.
3. Список профессорско-преподавательского состава Белорусского политехнического института. 1941 год // Музей ист. БНТУ. Д-2(ОФ). 14 л. Подлинник.
4. Списки личного состава института на 20 января 1946 года // Музей ист. БНТУ. Д-7(ОФ). 30 л. Подлинник
5. Списки личного состава института на 25 июня 1947 года // Музей ист. БНТУ. Д-6(ОФ). 7 л. Подлинник

References

1. Charter of the Belarusian Polytechnic Institute named after I. V. Stalin: order of the All-Union Committee for Higher School Affairs under the Council of People's Commissars of the USSR, August 7, 1939, No. 5/424. *Muzej istorii BNTU* [Museum of the History of the BNTU]. D-4 (MF). 28 p. Original.
2. List of the teaching staff of the Belarusian State Polytechnical Institute as of November 1, 1940. *Muzej istorii BNTU* [Museum of the History of the BNTU]. D-1 (MF). 29 p. Original.
3. List of the teaching staff of the Belarusian Polytechnic Institute, 1941. *Muzej istorii BNTU* [Museum of the history of BNTU]. D-2(MF). 14 p. Original.
4. Lists of the Institute's personnel as of January 20, 1946. *Muzej istorii BNTU* [Museum of the History of the BNTU]. D-7 (MF). 30 p. Original.
5. Lists of the Institute's personnel as of June 25, 1947. *Muzej istorii BNTU* [Museum of the History of the BNTU]. D-6 (MF). 7 p. Original.

Информация об авторах

Долюк Светлана Геннадьевна – заведующий музеем истории БНТУ, старший преподаватель кафедры «История» Белорусского национального технического университета (220005, г. Минск, пр-т Независимости, 65, Республика Беларусь). E-mail: kafhistory@bntu.by

Лепеш Оксана Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История» Белорусского национального технического университета (220005, г. Минск, пр-т Независимости, 65, Республика Беларусь). E-mail: lepesh@bntu.by

Information about the author

Daliuk Sviatlana – Head of the Museum of History of BNTU, Senior Lecturer, the Department of History of the Belarusian National Technical University (65, Nezavisimosti Ave., 220005, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: kafhistory@bntu.by

Lepesh Oksana – PhD (History), Assistant Professor, the Department of History of the Belarusian National Technical University (65 Nezavisimosti Ave., 220005, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: lepesh@bntu.by

Поступила 04.09.2024

УДК 94(930.253)

Л. И. Мосейчук

Белорусский национальный технический университет

**ВОСПОМИНАНИЯ БЕЛОРУССКИХ АРХИТЕКТОРОВ
О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ (ПО ДОКУМЕНТАМ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ)**

Статья носит обзорный характер и посвящена анализу личных фондов, хранящихся в Белорусском государственном архиве научно-технической документации, – воспоминаниям. Приведенные в статье выдержки из воспоминаний, оставленных белорусскими архитекторами Г. В. Заборским, В. М. Волчеком, Е. К. Дятловым, Г. А. Парсадановым, Н. Н. Маклецовой, непосредственными участниками событий Великой Отечественной войны, дают исследователю бесценную информацию, которую не может дать ни один исторический источник официального характера. Они позволяют более точно и детально понять, что чувствовали люди, находясь под обстрелами, о чем мечтали и на что надеялись в самые тяжелые моменты своей жизни.

Автор констатирует, что современные исследователи, изучая историю Великой Отечественной войны, зачастую обходят вниманием документы личных фондов непосредственных участников событий, хранящихся в Белорусском государственном архиве научно-технической документации, Национальном архиве Республики Беларусь, Национальном историческом архиве Беларуси в г. Гродно и других архивах. Вместе с тем использование такого рода документов не только обогатит источниковедческую базу исследования, но и сделает его более доказательным в контексте изучаемых вопросов.

Ключевые слова: исторический источник, архив, война, воспоминания, документ, история.

Для цитирования: Мосейчук Л. И. Воспоминания белорусских архитекторов о Великой Отечественной войне (по документам Белорусского государственного архива научно-технической документации) // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2024. № 2 (287). С. 67–70.

DOI: 10.52065/2520-6885-2024-287-12.

L. I. Maseichuk

Belarusian National Technical University

**MEMORIES OF BELARUSIAN ARCHITECTS ABOUT THE GREAT PATRIOTIC
WAR (BASED ON DOCUMENTS OF THE BELARUSIAN STATE ARCHIVE
OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL DOCUMENTATION)**

The article is of a review nature and is devoted to the analysis of personal funds stored in the Belarusian State Archive of Scientific and Technical Documentation – memoirs. The excerpts given in the article from the memoirs left by Belarusian architects G. V. Zaborsky, V. M. Volchek, E. K. Dyatlov, G. A. Parsadanov, N. N. Makletsova about the Great Patriotic War by direct participants in the events provide the researcher with invaluable information, which no official historical source can provide. They allow us to more accurately and in detail understand what people felt while under fire, what they dreamed about and what they hoped for in the most difficult moments of their lives.

The author states that modern researchers, when studying the history of the Great Patriotic War, often ignore the documents of the personal funds of direct participants in the events stored in the Belarusian State Archive of Scientific and Technical Documentation, National Archive of the Republic of Belarus, National Historical Archive of Belarus in Grodno and other archives. At the same time, the use of this kind of documents will not only enrich the source base of the study, but also make it more conclusive in the context of the issues being studied.

Keywords: historical source, archive, war, memories, document, history.

For citation: Maseichuk L. I. Memories of belarusian architects about the Great Patriotic War (based on documents of the Belarusian State Archive of Scientific and Technical Documentation). *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2024, no. 2 (287), pp. 67–70 (In Russian).

DOI: 10.52065/2520-6885-2024-287-12.

Введение. Творческая и профессиональная судьба таких архитекторов, как Заборский Г. В., Волчек В. М., Дятлов Е. К., Парсаданов Г. А., Мак-

лецова Н. Н., тесно переплелась с историей Беларуси. Некоторые начали свою профессиональную деятельность еще в 1930-х гг. В июне 1941 г.

многие добровольцами ушли на фронт. После войны каждый из них внес свой вклад не только в восстановление разоренной страны, но и в подготовку целой плеяды молодых белорусских архитекторов: Н. Н. Маклецова возглавляла кафедру архитектуры Белорусского политехнического института, Г. В. Заборский и В. М. Волчек были постоянными оппонентами при защите кандидатских диссертаций, Е. К. Дятлов и Г. А. Парсаданов руководили архитектурной практикой молодых специалистов.

Уникальную часть документального разнообразия Белорусского архива научно-технической документации (далее – БГАНТД) составляют личные фонды вышеназванных архитекторов. Среди документов, освещающих жизненный и творческий путь этих людей, хранятся их воспоминания, выдержки из которых приведены в данной статье.

Основная часть. Особый интерес для исследователей представляют фонды № 113 «Г. В. Заборский», № 81 «В. М. Волчек», № 158 «Е. К. Дятлов», № 111 «Г. А. Парсаданов» и № 77 «Н. Н. Маклецова», в которых, кроме документов личного характера, есть фронтовые письма родным и воспоминания о военном времени: сражениях в рядах регулярной армии, быте и повседневности в партизанских отрядах и на фронте, жизни в оккупированном Минске.

Народный архитектор СССР, заслуженный строитель БССР Георгий Владимирович Заборский (1909–1999), вспоминая о первых днях войны отмечал: «24 июня с утра Минск начала ожесточенно бомбить фашистская авиация. Он сразу потонул в огне и дыму. Эту трагическую картину, открывшуюся с потрясающей ясностью с Троицкой Горки, я зарисовал, а вернувшись домой, спохватился: чего я жду? Надо складывать карандаши, кисть и брать в руки винтовку» [1, л. 4].

В 1941 г. Г. В. Заборский пошел на фронт добровольцем. В боях под Смоленском был тяжело ранен и оказался в госпитале уральского городка Троицка, где по собственной инициативе в 1941–1942 гг. выполнил ряд проектных эскизов памятника, посвященного победе в Великой Отечественной войне, который стал основой будущего памятника-монумента «Победы» в Минске (1954 г.).

Отложить карандаш вынужден был и заслуженный архитектор БССР Виктор Матвеевич Волчек (1910–1985). Он ушел на фронт в 1943 г. Воевал под Сталинградом, на Курской Дуге, форсировал Днепр, потом освобождал Беларусь, Польшу, Восточную Германию и Чехословакию. Как свидетельства военных лет, большую ценность представляют фронтовые рисунки, фотографии однополчан, письма жене с фронта. 2 августа

1943 г. он писал своей жене: «...Обстановка у нас такая, что на одном месте более двух дней не задерживаемся. Колечко вокруг Орла все уже и уже <...>. Немец, чувствуя гибель, бросил авиацию и начал нас бомбить. Весь день идет воздушный бой и бомбежка. Наши – его, а они бомбят нас. Кругом черно от дыма, а в воздухе стоит сплошной гул, сам воздух стал каким-то упругим, сотрясается, как спрессованный. Вот уже закатилось солнце, последние взрывы. Становится тихо и пулеметные очереди кажутся мягким стрекотанием после дневного треска и грохота. Стало темнеть, на фоне заката большие клубы дыма, почти во все небо... Это горят деревни, подожженные немцами, как будто идет большая эскадра броненосцев, из труб которых валит черный дым, заволакивающий все небо. Вот и совсем темно, как будто это дым закрыл дневной свет. Появляются новые звуки в небе. Это наши “кукурузники” пошли “давать жизни немцам” – так говорят у нас бойцы. Этот рокот не прекратится до рассвета. Эти неутомимые самолеты будут всю ночь долбить немцев. Вот кончу письмо и лягу немного заснуть, а завтра на рассвете опять вперед. Немцы отступают. Сегодня привели в штаб группу немецких офицеров, сдавшихся в плен, говорят, что Гитлеру капут. Хотя сохранить себе жизнь, чувствуя гибель в орловском колечке» [2, л. 2].

30 сентября 1943 г., накануне форсирования р. Днепр, В. М. Волчек так описывает события: «Ночь... Сильный пронизывающий ветер. Плот не доходит до берега метров 80. Надо имущество переносить на берег вброд. Не каждый боец сразу лезет в воду. Нужно самому личным примером воодушевить бойцов. Лезу в воду. Через час от воды и ветра продрог окончательно, спасаюсь тем, что таскаю тяжелые ящики...

Сколько испытаний и невзгод переносить приходится и тебе с моими белокуренькими дочками и мне, но вот видишь, мы уже за Днепром. Не успела ты, наверное, получить от меня письмо о том, что форсировали реку Десну и взяли Чернигов, как мы уже оказались за Днепром. Десну мы форсировали значительно легче и с большими удобствами, а Днепр и шире, и удобств меньше. Сами делаем плоты из бревен и досок. Я до сих пор не могу поверить, что у нас мало потерь. Я потерял лишь одну повозку и лошадь, они утонули, а люди все целы. Раненых тоже мало» [2, л. 3].

В. М. Волчек очень переживал за свою семью, волновался, что станет с ними в случае его гибели. Старался подбодрить их и рассказать, как все удачно складывается для его подразделения.

Особое место среди личных фондов архитекторов – участников Великой Отечественной войны занимают документы фонда № 158 заслу-

женного архитектора БССР Евгения Константиновича Дятлова (1923–2003), академика академии архитектуры Республики Беларусь.

Когда началась война Е. К. Дятлову было 18 лет. С 1942 по 1944 г. он являлся активным участником партизанского отряда «Пламя», действовавшего на территории Пуховичского района Минской области.

Мечтая после войны стать архитектором, что осуществилось в 1950 г., он постоянно практиковался в рисовании. Рисунки, выполненные им в 1942–1944 г., отображают партизанский быт [3, л. 1, 7, 29], портреты друзей-партизан [3, л. 4, 9, 25], солдат Красной Армии, пленных немецких солдат [3, л. 13], подрыв и уничтожение вражеских эшелонов, железнодорожного полотна [3, л. 6], разрушение шоссе, дорог, мостов и переправ – это далеко не полный перечень оставленных им зарисовок.

В 1944 г. Е. К. Дятлова призвали в регулярную Красную Армию в инженерную разведку. Он участвовал в освобождении Польши, Восточной Германии, Чехословакии. День Победы встретил в Праге. Впоследствии он вспоминал: «Мое военное обмундирование несколько не мешало мне почувствовать себя архитектором. Я с упоением ходил по Праге и любовался каждым мостом, каждым зданием, каждой улицей и площадью. В Градце – «пражском кремле» чуть ли не ощупал каждый камень. Храм Святого Витта оставил у меня неизгладимое впечатление» [3, д. 41, л. 1].

Нелегкий военный путь прошел и заслуженный архитектор БССР Георгий Артемович Парсаданов (1911–1989). Начало Великой Отечественной войны Г. А. Парсаданов встретил в Минске. В июне 1941 г. он был назначен командиром отдельной роты при коменданте штаба Западного фронта. С мая 1942 по сентябрь 1945 г. командовал 126-м отдельным мостостроительным батальоном при штабах различных фронтов. В своих кратких воспоминаниях о войне Георгий Артемович рассказывает о налаживании переправы при освобождении г. Харькова в августе 1943 г. «Вскоре мою роту передали штабу армии, расположенному около 60 км севернее г. Харькова. Прибыв к месту назначения и привезя с собой 1000 метров сборного моста и потеряв в дороге двух раненых, разыскав в лесу штаб армии, я доложил о месте дислокации роты. Командующий поинтересовался грузоподъемностью моста и сроками строительства, приказал мне разведать место строительства его и построить в первую же ночь. Я спросил о том, как же мы будем строить мост, если на противоположном берегу находится немец, на что он ответил – противник будет подавлен артподготовкой. Приказ нужно было выполнять. И вот тут мне очень пригодилась

моя саперная подготовка, которую я получил в институте и творческое решение задачи архитектора. Используя каждую минуту непроницаемо черной южной ночи, мы сосредоточились на опушке леса у передовых окопов пехоты. Конструкции моста: прогоны, стойки, насадки и настил, маскируясь кустами, стали подносить к воде. Это позволяло хорошо маскироваться и решительно действовать. По всему фронту чувствовалось напряжение. Через каждые 5–10 минут взлетали в воздух осветительные ракеты немцев, и шла длительная перестрелка. К полуночи было все подготовлено, и мы бесшумно приступили к строительству береговых пролетов моста на пойме, и мы вошли в воду четырьмя пролетами. К рассвету мы выполнили 7 пролетов (35 м) моста и отошли на передовые окопы, потеряв 7 человек ранеными [4, л. 2].

Обнаружив утром недостроенный мост, немцы открыли по нему огонь из минометов и артиллерии <...>. Через несколько часов появилось три самолета бомбардировщика, и наш мост <...> был полностью разрушен. Я шел докладывать о случившемся командующему армией с мрачным настроением, но он хорошо принял меня, приказав, во вторую ночь начать строительство следующего моста на один километр выше прежнего. Выбрав укрытие получше мы приступили к строительству второго моста, но уже береговые пролеты спрятав в зарослях и кустах <...>. На третью ночь по приказу мы построили всего четыре пролета ниже первого моста. И второй и третий мост был разрушен артиллерией.

Все три дня и ночи на берегу противника чувствовалось большое оживление, подтягивались войска и техника. Нам все труднее и труднее было подносить материалы и строить мост. По нашему лесу непрерывно велся артиллерийский и минометный огонь, а на четвертый день все стихло. Когда я пришел с докладом, в бывшем штабе застал одного вестового, который передал мне приказ возвращаться в свой батальон. В батальоне я узнал, что <...> фронт немецкой обороны был прорван и освобожден <...> г. Харьков» [4, л. 3–4].

За эту операцию архитектор был награжден орденом Отечественной войны II степени.

Особый интерес представляют воспоминания архитектора, кандидата технических наук, заведующего кафедрой архитектуры Белорусского политехнического института (сейчас – БНТУ) Натальи Николаевны Маклецово (1909–1993). В оставленных заметках она подробно описывает все ужасы немецкой оккупации г. Минска: казни, расстрелы мирных жителей, лагеря для военнопленных, минское гетто, устройство немецких управ, голод и бесправие.

Впоследствии, вспоминая свои эмоции от новости о начале войны, она отметит: «Разве могла я, да и любой из советских людей, в тот страшный час представить себе, что уже через неделю Минск будет взят без боя. Ведь все годы мы, под влиянием радио, газет, художественной литературы, были глубоко уверены, что если начнется война, мы будем бить врага только на его территории. Все годы страна шла на всяческие лишения ради укрепления нашей военной мощи» [5, л. 35]. «Очень трудно передать словами то крушение всего прежнего мира, которое охватило меня. Казалось, все и все погибли безвозвратно. Неизвестно было, как жить дальше...», – напишет она о первых днях немецкой оккупации [5, л. 41].

Жила Н. Н. Маклецова недалеко от минского гетто: «Помню, как страшно было встречать на улицах знакомых с желтыми отметинами на груди, робко пробирающихся по мостовой вдоль тротуаров» [5, л. 41].

3 июля 1944 г. был освобожден г. Минск. «Горло сжимало от счастья и слезы выступали на глазах, когда смотрела на наших избавителей.

С усталыми лицами и в выгоревших гимнастерках они бодро шагали между толпами ликующих людей. Крики, приветствия, яркое солнце – вот какое оно долгожданное освобождение!» – позднее вспоминала Наталья Николаевна [5, л. 51].

Вывод. Воспоминания о Великой Отечественной войне, оставленные архитекторами Беларуси, дают исследователю бесценную информацию, которую не может дать ни один исторический источник официального характера. Они позволяют более точно и детально понять, что чувствовали люди, находясь под обстрелами, о чем мечтали и на что надеялись в самые тяжелые моменты своей жизни.

Следует отметить, что современные исследователи, изучая историю Великой Отечественной войны, зачастую обходят вниманием документы личных фондов непосредственных участников событий, хранящихся в БГАНТД и других архивах Беларуси. Использование такого рода документов не только обогатит источниковедческую базу исследования, но и сделает его более доказательным в контексте изучаемых вопросов.

Список литературы

1. Белорусский государственный архив научно-технической документации (БГАНТД). Ф. 113. Оп. 1. Д. 90.
2. БГАНТД. Ф. 81. Оп. 2. Д. 90.
3. БГАНТД. Ф. 158. Оп. 1. Д. 48.
4. БГАНТД. Ф. 111. Оп. 1. Д. 29.
5. БГАНТД. Ф. 77. Оп. 2. Д. 13.

References

1. *Belorusskiy gosudarstvennyy arkhiv nauchno-tekhnicheskoy dokumentatsii (BGANTD)* Belarusian State Archive of Scientific and Technical Documentation (BSASTD). Fund 113. I. 1. F. 90.
2. BSANTD. Fund 81. I. 2. F. 90.
3. BSANTD. Fund 158. I. 1. F. 48.
4. BSANTD. Fund 111. I. 1. F. 29.
5. BSANTD. Fund 77. I. 2. F. 13.

Информация об авторе

Мосейчук Людмила Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История». Белорусский национальный технический университет (220005, г. Минск, пр-т Независимости, 65, Республика Беларусь). E-mail: Mosejchuk@tut.by

Information about the author

Maseichuk Ludmila Ivanovna – PhD (History), Assistant Professor, Department of History. Belarusian National Technical University (65, Nezavisimosti Ave., 220005, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: Mosejchuk@tut.by

Поступила 04.09.2024

УДК 323.33(091)(476) «1950/1979»

Н. А. Поляк

Белорусский государственный медицинский университет

**СОЦИАЛЬНЫЙ ОБЛИК РАБОЧЕГО КЛАССА БССР
В КОНЦЕ 50-Х – 70-Х ГГ. XX ВЕКА**

На примере рабочего класса БССР исследуется социальный аспект истории Беларуси в конце 50-х – 70-х гг. XX века. Небывалое развитие промышленности вызывало количественный рост рабочих и, как следствие, существенные социальные трансформации. Автор дает характеристику рабочего класса БССР и приводит доводы о социальной неоднородности занятых в промышленности, а также указывает направления качественных изменений в данной социальной группе. На основании изученного материала в статье определены некоторые критерии дифференциации рабочего класса, среди которых деление по отраслям, пути прихода в профессию, стаж, половая принадлежность, уровень квалификации, содержание труда, национальность. Сделаны выводы о том, что самым многочисленным среди рабочих являлся отряд машиностроителей, а местом их концентрации были крупные города. В тесной зависимости от нарастающей модернизации промышленности находились содержание труда и квалификация рабочих, которые менялись в сторону уменьшения физического труда и увеличения количества имеющих специальное образование. Источниками пополнения рабочих было сельское население, женщины, выпускники учебных заведений и сам рабочий класс. Удельный вес каждого из источников со временем менялся. Отдельными социальными характеристиками рабочего класса БССР называются преобладание титульной нации, невысокая текучесть кадров, локальная миграция.

Ключевые слова: социальная история, БССР, пятилетки, модернизация, промышленность, структурные изменения общества, рабочий класс, социальный облик.

Для цитирования: Поляк Н. А. Социальный облик рабочего класса БССР в конце 50-х – 70-х гг. XX века // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2024. № 2 (287). С. 71–76.
DOI: 10.52065/2520-6885-2024-287-13.

N. A. Poliak

Belarusian State Medical University

**SOCIAL SHAPE OF THE WORKING CLASS OF THE BSSR
IN THE LATE 50S – 70S OF THE 20th CENTURY**

The social aspect of the history of Belarus in the late 1950s – 1970s is examined using the example of the working class of the BSSR. The unprecedented development of industry caused a quantitative increase in workers and, as a consequence, significant social transformations. The author gives a description of the working class of the BSSR and argues for social heterogeneity of those employed in industry, and also indicates the directions of qualitative changes in this social group. Based on the studied material, the article defines some criteria for differentiating the working class, including division by industry, paths to entry into the profession, length of service, gender, skill level, content of labor, and nationality. Conclusions are made that the most numerous among the workers were machine builders, and their concentration places were large cities. The content of labor and qualifications of workers were closely dependent on the increasing modernization of industry; they changed in the direction of decreasing physical labor and increasing the number of those with special education. The sources of replenishment of workers were the rural population, women, graduates of educational institutions, and the working class itself. The proportion of each source changed over time. Some social characteristics of the working class of the BSSR include the predominance of the titular nation, low staff turnover, and local migration.

Keywords: social history, BSSR, five-year plans, modernization, industry, structural changes in society, working class, social shape.

For citation: Poliak N. A. Social share of the working class of the BSSR in the 50s – 70s of the 20 century. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2024, no. 2 (287), pp. 71–76 (In Russian).
DOI: 10.52065/2520-6885-2024-287-13.

Введение. Социальная история – это та область междисциплинарного знания, результаты исследований которой сегодня максимально вос-

требованы. Вместе с распадом СССР обращение белорусских ученых к темам социалистического строительства конца 50-х – начала 80-х гг. XX в.

существенно снизилось. Малоизученным оказался социальный контекст вопросов индустриальной модернизации, становления рабочего класса, развития города и деревни и др. Поэтому сегодня важно с учетом новых подходов и накопленного опыта реконструировать социальный облик белорусского общества.

Рабочему классу в отечественной историографии посвящено немало научных трудов. Изданные сборники документов и многотомные монографии отражают количественные показатели роста народного хозяйства, приводят статистические данные. Сведения о темпах роста в промышленности и сельском хозяйстве, а также результаты переписи населения в БССР в 1959, 1970, 1979 гг. содержатся в статистических сборниках «Народное хозяйство БССР» [1, 2, 3]. Документы делопроизводства конца 50-х – середины 80-х гг. XX в. опубликованы в сборнике «Коммунистическая партия Белоруссии в цифрах» [4]. Нормативные акты представлены в издании «Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК» [5] и др.

Рабочему классу и внутривластной деятельности Компартии БССР посвящена коллективная монография «История рабочего класса Белорусской ССР» [6] и исследования В. К. Коршука [7], М. П. Касцюка [8], Е. М. Бобосова [9], Л. М. Лыча [10], И. Е. Марченко [11] и др.

Некоторые аспекты народонаселения, миграции, межэтнических отношений рассматривались в коллективной монографии «Этнические процессы и образ жизни: на материалах исследований населения городов БССР» под редакцией В. К. Бондарчика [12].

Вместе с тем сегодня наименее изученными остаются объективные закономерности социальных трансформаций в Белорусской ССР в конце 50-х – 70-х гг. XX в., количественные и качественные изменения рабочего класса. Значимыми для дальнейших исследований в этой области видятся теория вопроса, методология исследования, периодизация и терминологический аппарат. Этим и обусловлен выбор темы данной статьи и ее цель, которая заключается в выявлении основных характеристик социальной структуры рабочего класса и направленности изменений с конца 50-х до конца 70-х гг. XX века в БССР.

Основная часть. Экономическая модернизация и динамичное развитие индустриальной сферы в период реализации семилетнего плана (1959 – 1965 гг.) стали для БССР причиной существенных изменений структуры общества и трансформации внутрикласовых особенностей. Происходящие общественные процессы существенным образом коснулись рабочего класса, как самого массового и задействованного в жизни страны. Именно он наряду с количественным ростом в

условиях небывалого ускорения и модернизации начиная с конца 50-х гг. XX в. переживал качественные изменения.

Само определение рабочего класса, несмотря на кажущуюся ясность, требует уточнения. Наиболее характерным для советской историографии являлось определение, данное Е. М. Бабосовым, в котором отмечалось, что «рабочий класс – это главная производственная и общественно-политическая сила, совладелец общенародной государственной собственности, массовый носитель научно-технического прогресса...» [9, с. 226]. Некоторые российские исследователи постсоветского периода, критикуя плановую экономику, определяли рабочий класс как производителя материальных благ, социально отчужденного от собственности и от власти [13]. Эти определения и ряд других не отражают полного содержания рабочего класса, поскольку являются тенденциозными и не учитывают субъективные и объективные социальные процессы, протекающие внутри данной группы. Определение рабочего класса СССР и БССР с учетом последних наработок еще предстоит сформулировать.

Как уже отмечалось, семилетний план развития народного хозяйства в БССР предусматривал широкомасштабную модернизацию, зарождение новых отраслей промышленности, внедрение научно-технических достижений и, следовательно, спрос на рабочие руки. Количество рабочего класса росло и в 1959 г. составило 36,3% от всего населения БССР, а в 1979 г. – 55,8% [6, с. 107]. Наряду с количественными изменениями формировался новый социальный облик рабочих.

Критериев выделения структурных элементов класса и оснований дифференциации можно назвать множество. По мнению некоторых ученых, это отраслевая принадлежность; содержание труда (физический, умственный); уровень квалификации и образования рабочего (низкоквалифицированный, квалифицированный, высококвалифицированный); уровень заработной платы; степень социальной активности (участие в научной, творческой работе, участие в управлении производством); связь с землей и сельскохозяйственным трудом [14, с. 38]. Также основаниями для дифференциации могут служить: профессия и квалификация, заработная плата, должность или степень участия в общественном управлении [15, с. 368], пол, возраст, происхождение рабочих или пути их прихода в профессию, рабочий стаж, место постоянного проживания, классовая идентичность и др.

Рассматривая отраслевой критерий, стоит отметить, что на 1959 г. в БССР самой многочисленной была группа рабочих машиностроения и металлообработки – 129,1 тыс. чел. Самой

малочисленной в конце 50-х гг. пока еще была отрасль электроэнергетики и теплоэнергетики и насчитывала 9 тыс. чел. [2, с. 31]. В следующее десятилетие тенденция роста рабочих в машиностроении сохранилась и к 1970 г. количество занятых в ней выросло в 2,5 раза. Причем этот отраслевой отряд был самым урбанизированным, так как концентрировался в крупных городах и г. Минске. Под влиянием экономических факторов и технического прогресса к концу 60-х гг. быстрее, чем в машиностроении, росло число рабочих химической и нефтеперерабатывающей промышленности. При этом существенно сократилось число занятых в топливной отрасли. Такое перераспределение рабочих свидетельствовало о повышении доли прогрессивных видов топлива в топливном балансе республики и сокращении традиционных [6, с. 100].

Противоречия и сложности в строительной отрасли отражались на внутренних процессах строительного отряда рабочих. Так, социальными маркерами развития отрасли можно назвать неудовлетворенный спрос на рабочие руки (потребность до 8 тыс. чел. в год [16], сокращение количества занятых в середине 70-х гг., большая текучесть кадров при высокой заработной плате, низкая квалификация рабочих и тесная связь с сельскохозяйственным трудом.

Существенные трансформации в структуре рабочего класса происходили в связи с изменением содержания труда. Внедрение сложных механических и автоматических систем приводило к тому, что труд рабочего постепенно освобождался от операций, связанных с мускульной энергией человека. Если занятых преимущественно физическим трудом согласно переписи населения 1959 г. насчитывалось 85,1% [17, с. 68], то впоследствии их число сократилось вдвое. Так, например, процент занятых ручным трудом в лесной промышленности в середине 70-х гг. сократился до 44, а механизация производственных процессов выросла более чем в 3 раза [14, с. 27].

В неразрывной связи с постепенно меняющимся содержанием труда находился уровень квалификации рабочего класса. Использование различных форм образования в БССР позволило повысить квалификацию в 1961 г. 204 тыс. рабочих [2, с. 317]; в 1965 г. – 395,4 тыс.; в 1970 г. – 678,6 тыс. [6, с. 134]. Наиболее востребованными были школы рабочей молодежи, школы коммунистического труда, фабрично-заводское ученичество и др. Впечатляющие цифры приведены в статистических сборниках. Так, занятых в промышленности, имеющих высшее и среднеспециальное образование, в 1959 г. насчитывалось 11,5% [2, с. 312], а в 1979 г. уже 70% [3, с. 30]. При этом отстающей по росту количества квалифицированных рабочих оставалась строительная

отрасль. В 1959 г. работников со специальным образованием здесь было всего 2% [2, с. 312]. Проблема низкой квалификации в строительстве сохранялась и в последующие годы. Из переписки Совета Министров БССР за 1967 г. следовало, что в «Строймонтажиндустрии» Минпромстроя БССР из 30 инженеров только 2 имели соответствующее образование, а 17 не имели даже среднего [18].

Значимым критерием дифференциации рабочего класса может служить стаж непрерывной работы. По данным на 1957 г., в Белорусской ССР около 30% рабочих промышленности имели стаж от 1 года до 3 лет; 25,2% работали около 5 лет. Для сравнения, рабочий стаж на предприятиях г. Ленинграда в начале 60-х гг. составлял у 14,8% рабочих от 1 до 3 лет и у 13,5 % около 5 лет [14, с. 57]. Таким образом, в структуре рабочего класса БССР примерно треть имели стаж около 5 лет, что позволяет судить об удовлетворенности кадров организацией рабочего места, режимом труда и отдыха, социальными гарантиями, культурно-бытовыми условиями.

Рассмотрение внутренней структуры рабочего класса может быть дополнено сведениями об источниках его пополнения. Происхождение рабочего класса являлось тем социальным фактором, который во многом определял экономические и политические решения. Источниками пополнения рабочего класса в БССР являлись: колхозное крестьянство, выпускники общеобразовательных школ, женщины, лица трудоспособного возраста занятые в личном подсобном хозяйстве, трудоспособные инвалиды войны и пенсионеры. Удельный вес каждого из этих источников со временем менялся.

Самым распространенным путем приобщения к рабочему классу в БССР являлся переезд из сельской местности. В 60-х гг. в республике началась настоящая борьба за молодежь, в том числе сельскую. Именно молодежь преобрела решающее значение в плане обеспечения промышленного производства необходимыми кадрами. Проведенные реформы в сфере образования с ориентацией на профессионально-техническую подготовку, а также льготы при трудоустройстве молодежи обеспечивали повышение престижа рабочих профессий и гарантировали приток молодых людей со средним образованием на заводы и фабрики. Сельская молодежь активно мигрировала. К концу 70-х гг. в БССР городское население стало превалировать над сельским.

Внушительный контингент в рядах рабочих составляли женщины. Женщин среди рабочих, согласно данным статистики БССР, в 1959 г. насчитывалось 46,5%; в 1961 – 48,2% [2, с. 301]. С одной стороны, феминизация провоцировала невысокий уровень рождаемости, а с другой, способствовала развитию инфраструктуры. При заводах

открывались молочные кухни, ясли, детские сады, группы продленного дня, школы-интернаты, комбинаты бытового обслуживания, поликлиники. Феминизация промышленности влекла изменение структуры производства, улучшение организации труда и технических процессов, повышение заработной платы неквалифицированным работникам.

Следующим важным источником пополнения рабочего класса, который значительно увеличил свой удельный вес к 70-м гг., был сам рабочий класс. Рабочая молодежь – это по большей части дети из рабочих семей. В девятой пятилетке 3/4 трудовых ресурсов БССР составляла молодежь, более половины из них – дети рабочих [6, с. 112]. Социальным трендом этого времени стало приобщение к рабочему классу выходцев из семей служащих. Пополнение за счет естественного прироста давало рабочему классу возможности для спокойного эволюционного движения, постепенного накопления трудового опыта, передачи знаний и самоопределения как отдельной социальной группы.

Этнический состав рабочего класса в БССР является одним из маркеров социально-экономической политики во всем СССР. Так, согласно переписи населения 1959 г., белорусы составляли 81,1% населения республики, русские – 8,2%; поляки – 6,7%; евреи – 1,9%; украинцы – 1,7%. [17, с. 124] Вследствие отрицательного сальдо миграции в БССР в первой половине 60-х гг., когда многотысячные отряды белорусских рабочих выезжали на союзные стройки, изменился национальный состав рабочего класса. Подтверждают это цифры переписи населения 1970 г. Белорусское население сократилось до 70%, а процент русских и украинцев особенно в городе вырос до 18 и 4,2 соответственно [12, с. 26]. В результате модернизации народного хозяйства БССР, выразившейся в появлении новых отраслей промышленности, механизации и автоматизации производства, реформировании форм управления и совершенствовании профессионально-технического образования, в первой половине 70-х гг. отмечалась локализация миграционных потоков на территории Беларуси и в границах областей. Миграционный обмен происходил в основном

между деревней и городом [19, с. 18]. Подтверждают это данные переписи населения за 1979 г., согласно которым белорусов насчитывалось 79,4%; русских – 11,9%; украинцев – 4,2% [3, с. 24]. Следовательно, ряды рабочего класса состояли преимущественно из представителей коренной нации. Причем благодаря широкому доступу к образованию группа высококвалифицированных рабочих к 70-м гг. пополнялась за счет местного населения.

Закключение. Таким образом, в условиях стремительного и небывалого для БССР экономического роста набирали ход социальные преобразования. Основной группой, которой в первую очередь коснулись изменения, был рабочий класс. Развитие промышленности, появление новых наукоемких отраслей и внедрение достижений технического прогресса способствовали формированию нового социального облика рабочего класса.

Рабочий класс Белорусской ССР в конце 50-х – 70-х гг. XX века – это социальная группа, занятая в основном в машиностроении и металлообработке, имеющая невысокий, но растущий квалификационный уровень. В зависимости от потребностей индустриального развития республики менялось содержание труда, переходящее от физического к механизированному. Рабочий класс БССР пополнялся за счет сельского населения, выпускников среднеспециальных и профессионально-технических учебных заведений, детей рабочих. Удельный вес каждого из источников пополнения со временем менялся. Особенности рабочего класса БССР являлись его концентрация в крупных городах, преимущественно в столице, феминизация, умеренная «текучесть кадров» и локальность миграционных процессов. Рабочий класс БССР формировался из представителей титульной нации, причем количество высококвалифицированных рабочих инженерных специальностей белорусского происхождения существенно выросло к 70-м гг. Следовательно, направленность и интенсивность структурных изменений социального облика рабочего класса находились в зависимости от индустриального развития и модернизации экономики БССР и являлись маркерами глубинных изменений общественной сферы с конца 50-х – 70-х гг. XX века.

Список литературы

1. Народное хозяйство БССР. Статистический сборник. Минск: Гос. изд-во БССР, 1963. 510 с.
2. Народное хозяйство Белорусской ССР / Центр. стат. упр. Белорусской ССР. Минск: Беларусь, 1978. 300 с.
3. Народное хозяйство Белорусской ССР, 1922–1982 / Центр. стат. упр. Белорусской ССР. Минск, 1982. 249 с.
4. Коммунистическая партия Белоруссии в цифрах, 1918–1988 / Ин-т истории партии при ЦК КПБ – фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Минск: Беларусь, 1988. 254 с.
5. Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК. Т. 6. 1966–1975 / Ин-т истории партии при ЦК КПБ – фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; под ред. Г. Г. Бартошевича [и др.]. Минск: Беларусь, 1987. 623 с.

6. История рабочего класса Белорусской ССР. В 4 т. Т. 4: Рабочий класс БССР на этапе совершенствования социализма (1961–1986) / редкол. И. Е. Марченко [и др.]. Минск: Наука и техника, 1987. 509 с.
7. Коршук В. К. Возрастание руководящей роли партии в коммунистическом строительстве (на материалах компартии Беларуси) 1959–1973. Минск: Беларусь, 1974. 432 с.
8. Касцюк М. П. Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі. Мінск: Экаперспектыва, 2000. 307 с.
9. Бабосов Е. М. Ведущая роль рабочего класса в исторических рамках зрелого социализма. Социальное развитие его основных отрядов // Рабочий класс: показатели политической, трудовой и нравственной активности: тез. докл. Всесоюз. конф. Минск: Наука и техника, 1984. С. 3–8.
10. Лыч Л. М. Спаборніцтва – крыніца ініцыятывы. Мінск: Навука і тэхніка, 1978. 87 с.
11. Марченко И. Е. Рабочий класс БССР в послевоенные годы (1945–1950). Минск: Академия наук БССР, 1962. 257 с.
12. Этнические процессы и образ жизни: на материалах исследования населения городов БССР / В. К. Бондарчик [и др.]. Минск: Наука и техника, 1980. 280 с.
13. Разуваева Н. Н. Старые и новые подходы: рабочий класс СССР в исторической литературе URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/starye-kontseptsii-i-novye-podhody-rabochiy-klass-sssr-v-istoricheskoy-literature-1> (дата обращения: 25.07.2024).
14. Белякович Н. Н. Социальная активность рабочего класса. Минск: Из-во БГУ, 1978. 103 с.
15. Шкаратан О. И. Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР. М.: Мысль, 1970. 472 с.
16. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 4. Оп. 97. Д. 226. Л. 142.
17. Итоги всесоюзной переписи населения 1959 года. Белорусская ССР / Центр. стат. упр. при Совете Министров СССР. М.: Госиздат, 1963. 146 с.
18. НАРБ. Ф. 4. Оп. 97. Д. 228. Л. 23.
19. Тихонова Л. Е. Современные миграционные процессы: особенности, планирование, прогнозирование // Вопросы народонаселения, труда и уровня жизни / Науч.-исслед. ин-т экон. и экон.-матем. методов планирования при Госплане БССР; науч. ред. А. А. Раков, Д. П. Шахотько. Минск: НИИЭМ, 1980. С. 16–28.

References

1. *Narodnoye khozyaystvo BSSR. Statisticheskii sbornik* [The national economy of the BSSR. Statistical collection]. Minsk, Gos. izd-vo BSSR Publ., 1963. 510 p. (In Russian).
2. *Narodnoye khozyaystvo Belorusskoy SSR* [National economy of the Byelorussian SSR]. Minsk, Belarus' Publ., 1978. 300 p. (In Russian).
3. *Narodnoye khozyaystvo Belorusskoy SSR, 1922–1982* [National economy of the Byelorussian SSR]. Minsk, 1982. 249 p. (In Russian).
4. *Kommunisticheskaya partiya Belorussii v tsifrakh* 1918–1988 [Communist Party of Belarus in figures, 1918–1988]. Minsk, Belarus' Publ., 1988. 254 p. (In Russian).
5. *Kommunisticheskaya partiya Belorussii v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"yezdov plenimov TSK. 1966–1975. T. 6* [The Communist Party of Belarus in resolutions and decisions of the congresses of the plenums of the Central Committee 1966–1975. Vol. 6]. Minsk, Belarus' Publ., 1987. 623 p. (In Russian).
6. *Istoriya rabocheho klassa Belorusskoy SSR. V 4. T. 4. Rabochiy klass BSSR na etape sovershenstvovaniya sotsializma (1961–1986)* [History of the working class of the Byelorussian SSR. In 4 vol. Vol. 4: The working class of the BSSR at the stage of improving socialism (1961–1986)]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1987. 509 p. (In Russian).
7. Korshuk V. K. *Vozrastaniye rukovodyashchey roli partii v kommunisticheskom stroitel'stve (na materialakh kompartii Belarusi) 1959–1973* [The growth of the leading role of the party in communist construction (based on the materials of the Communist Party of Belarus) 1959–1973]. Minsk, Belarus Publ., 1974. 432 p. (In Russian).
8. Kascyuk M. P. *Bal'shavitskaya sistema ulady na Belarusi* [The Bolshevik system of power in Belarus]. Minsk, Ekaperspektyva Publ., 2000. 307 p. (In Belarusian).
9. Babosov Ye. M. The leading role of the working class in the historical framework of mature socialism. Social development of its main detachments *Rabochiy klass: pokazateli politicheskoy, trudovoy i нравstvennoy aktivnosti: tezisy dokladov Vsesoyuznoy konferentsii* [The working class: indicators of political, labor and moral activity: theses of the reports of the All-Union conference]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1984, pp. 3–8 (In Russian).
10. Lych L. M. *Spabornitsva – krynitsa initsyatyvy* [Competition – a source of initiative]. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1978. 87 p. (In Belarusian).
11. Marchenko I. Ye. *Rabochiy klass BSSR v poslevoyennyye gody (1945–1950)* [The working class of the BSSR in the post-war years (1945–1950)]. Minsk, Akademiya nauk BSSR Publ., 1962. 257 p. (In Russian).

12. Bondarchik V. K., Braim I. N., Belyavina V. N. *Etnicheskiye protsessy i obraz zhizni: na materialakh issledovaniya naseleniya gorodov BSSR* [Ethnic processes and lifestyle: based on the study of the population of cities of the BSSR]. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1980. 280 p. (In Russian).

13. Razuvayeva N. N. Old and new approaches: the working class of the USSR in historical literature. 1992, pp. 49–60. Available at: <https://starye-kontseptsii-i-novye-podhody-rabochiy-klass-sssr-v-istoricheskoy-literature-1> (accessed 25.07.2024) (In Russian).

14. Belyakovich N. N. *Sotsial'naya aktivnost' rabocheho klassa* [Social activity of the working class]. Minsk, BGU Publ., 1978. 103 p. (In Russian).

15. Shkaratan O. I. *Problemy sotsial'noy struktury rabocheho klassa SSSR* [Problems of the social structure of the working class of the USSR]. Moscow, Mysl' Publ., 1970. 472 p. (In Russian).

16. *Natsional'nyy arkhiv Respubliki Belarus' (NARB)* [National Archive of the Republic of Belarus (NARB)]. Fund 4. I. 97. F. 226. L.142 (In Russian).

17. *Itogi vsesoyuznoy perepisi naseleniya 1959 goda. Belorusskaya SSR* [Results of the All-Union Population Census of 1959. Byelorussian SSR]. Moscow, Gosizdat Publ., 1963. 146 p. (In Russian).

18. NARB. Fund 4. I. 97. F. 228. L.123.

19. Tikhonova L. Ye. Modern migration processes: features, planning, forecasting. *Voprosy narodonaseleniya, truda i urovnya zhizni* [Population, labor and living standards issues]. Minsk, NIIEM Publ., 1980, pp. 16–28 (In Russian).

Информация об авторе

Поляк Наталья Александровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и политологии. Белорусский государственный медицинский университет (220083, Минск, пр-т Дзержинского, 83, Республика Беларусь). E-mail: Polyak77@mail.ru

Information about the author

Poliak Natalia Aleksandrovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Philosophy and Political Science. Belarusian State Medical University (83, Dzerzhinskogo Ave., 220083, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: Polyak77@mail.ru

Поступила 15.09.2024

УДК 631.115.6.016(09)

Н. М. Якуш

Белорусский государственный технологический университет

**ПРОЦЕССЫ ИНТЕНСИФИКАЦИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО
ПРОИЗВОДСТВА В БЕЛОРУССКОЙ ССР (1970-Е – СЕРЕДИНА 1980-Х ГГ.)**

В статье рассмотрена работа тружеников сельского хозяйства Белорусской ССР, направленная на достижение его принципиально нового научно-технического и организационного уровня. Рассмотрены направления перевода земледелия и животноводства на промышленную основу, изменение качественных характеристик содержания труда аграриев с учетом внедрения в сельскохозяйственное производство интенсивных технологий и перспективы его широкой индустриализации. Обращено внимание на динамику роста энергетических мощностей и энерговооруженности труда в хозяйствах республики с учетом поставок новой энергонасыщенной высокопроизводительной техники и реализации масштабной государственной программы электрификации. Выделены моменты участия в процессе технического перевооружения сельскохозяйственного производства предприятий машиностроительной отрасли Белорусской ССР. Проанализированы объемы, результаты и проблемы проведения в БССР гидротехнической мелиорации заболоченных земель и известкования кислых почв. Отражена роль науки в вопросах повышения плодородия земель и программирования роста урожайности зерновых культур, обеспечения стабильного земледелия, внедрения экономически обоснованной системы ведения животноводства. Рассмотрены вопросы организации системы научного и материально-технического обеспечения циклического известкования почв. Изучены организационно-экономические формы межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции, их целевая направленность, влияние на возрастание масштабов производства, внедрение индустриальных практик, строительство культурно-бытовых объектов.

Ключевые слова: интенсификация, индустриализация, мелиорация, химизация, электрификация, известкование, специализация, интеграция.

Для цитирования: Якуш Н. М. Процессы интенсификации сельскохозяйственного производства в Белорусской ССР (1970-е – середина 1980-х гг.) // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2024. № 2 (287). С. 77–81.

DOI: 10.52065/2520-6885-2024-287-14.

N. M. Yakush

Belarusian State Technological University

**PROCESSES OF INTENSIFICATION OF AGRICULTURAL PRODUCTION
IN THE BYELORUSSIAN SSR (1970S – MID-1980S)**

The article examines the work of agricultural workers in the Byelorussian SSR aimed at achieving a fundamentally new scientific, technical and organizational level. It examines the directions of transferring agriculture and livestock farming to an industrial basis, changing the qualitative characteristics of the content of labor of farmers taking into account the introduction of intensive technologies in agricultural production and the prospects for its broad industrialization. Attention is drawn to the dynamics of growth of energy capacities and energy intensity of labor in the republic's farms taking into account the supply of new energy-saturated high-performance equipment and the implementation of a large-scale state electrification program. The aspects of participation in the process of technical re-equipment of agricultural production of enterprises of the machine-building industry of the Byelorussian SSR are highlighted. The volumes, results and problems of carrying out hydrotechnical melioration of swampy lands and liming of acidic soils in the BSSR are analyzed. The role of science in the issues of increasing land fertility and programming the growth of grain crop yields, ensuring stable agriculture, introducing an economically sound system of livestock farming is reflected. The issues of organizing a system of scientific and logistical support for cyclic liming of soils are considered. The organizational and the volumes, results and problems of carrying out hydrotechnical melioration of swampy lands and liming of acidic soils in the BSSR are analyzed. The role of science in the issues of increasing land fertility and programming the growth of grain crop yields, ensuring stable agriculture, introducing an economically sound system of livestock farming is reflected. The issues of organizing a system of scientific and logistical support for cyclic liming of soils are considered. The organizational and economic forms of inter-farm cooperation and agro-industrial integration, their target orientation, impact on increasing the scale of production, introducing industrial practices, and building cultural and community facilities are studied.

Keywords: intensification, industrialization, melioration, chemicalization, electrification, liming, specialization, integration.

For citation: Yakush N. M. Processes of intensification of agricultural production in the Byelorussian SSR (1970s – mid-1980s). *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2024, no. 2 (287), pp. 77–81 (In Russian). DOI: 10.52065/2520-6885-2024-287-14.

Введение. В жизни советского общества 1970-е – первая половина 1980-х гг. – это неоднозначное и противоречивое время, получившее название «период застоя». Не останавливаясь на негативных тенденциях, определивших такую историческую характеристику, отметим, что «застой» в политике и экономике никогда не был абсолютным и полным. На примере Белорусской ССР можно отчетливо увидеть созидательные моменты и положительные результаты, которых добивались партийно-советское руководство и труженики республики в своих усилиях по хозяйственному реформированию, модернизации промышленности и сельского хозяйства. Современные социально-экономические достижения Республики Беларусь во многом определены научно-техническими, культурно-образовательными, социально-бытовыми характеристиками общественной жизни, которые были сформированы в рассматриваемый период времени. В силу этого изучение опыта решения ряда проблем представляет бесспорный исследовательский интерес.

Основная часть. Ввиду исчерпанности возможностей экстенсивного хозяйствования в аграрном секторе и нарастания негативных тенденций в самом сельскохозяйственном производстве, вопросы его интенсификации к началу 1970-х гг. приобретают чрезвычайную актуальность и остроту. Начало этапу интенсификации сельского хозяйства положил мартовский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС. Конкретно, с учетом природно-экономических условий усилия тружеников села были нацелены на решение таких коренных проблем, как повышение плодородия земель за счет их мелиорации и химизации, концентрация и специализация производства в земледелии и животноводстве, перевод этих отраслей на промышленную основу, повышение производительности труда, решение крупных социальных и культурно-бытовых проблем. При этом благодаря перераспределению средств в народном хозяйстве были более чем в два раза увеличены объемы капитальных вложений, направляемых в аграрный сектор. Это создало финансовые возможности для формирования новой материально-технической базы колхозно-совхозного производства. В 1970-х гг. в рамках СССР были созданы новые отрасли: машиностроение для животноводства и кормопроизводства, сельское строительство, комбикормовая и микробиологическая промышленность. Машиностроительная отрасль только за 1976–1980 гг. освоила производство

или модернизировала более 200 наименований машин и начала переход от создания отдельных машин к производству высокопроизводительных комплектов оборудования. К концу десятой пятилетки выпускалось 72 наименования такого оборудования, позволявшего повысить уровень комплексной механизации работ на фермах крупного рогатого скота в 1,6, свиноводческих и птицеводческих – в 1,4 раза [1, с. 2].

Партийным и советским руководством Белорусской ССР также был взят курс на достижение такого уровня технической и энергетической базы сельского хозяйства, который обеспечивал бы комплексную механизацию и автоматизацию производственных процессов, внедрение промышленных технологий и поточно-индустриальных методов труда. Кардинальный прорыв в вопросах интенсификации всего аграрного сектора республики требовал значительного увеличения машин для животноводства повышенной производительности, грузоподъемности и проходимости, техники для внесения в почву органических удобрений, транспортных средств увеличенной емкости для перевозки зеленой кормовой массы, погрузочно-разгрузочных механизмов. Не хватало оборудования для первичной обработки, охлаждения и хранения молока на фермах, линейки технологических комплектов для механизации работ по заготовке и приготовлению кормов, мобильных кормораздатчиков, транспортеров и скреперных установок с круглозвенными цепями повышенной надежности, комплектов каскадного клеточного оборудования для птицефабрик.

На таком техническом перевооружении сельского хозяйства и повышении эффективности использования техники было сконцентрировано внимание не только партийных, советских и сельскохозяйственных органов Белорусской ССР, но и промышленных машиностроительных предприятий республики. В порядке шефской помощи сельскому хозяйству машиностроители Гомельской, Могилевской областей, города Минска размещали дополнительные производства недостающих для ремонта сельскохозяйственной техники дефицитных запасных частей, современных двигателей, деталей и узлов, наращивали объемы выпуска основной техники. К примеру, машиностроители Минска в 1972 г. отгрузили в адрес тружеников села сверх плана 375 тракторов, около 1400 тракторных двигателей, более чем на 1 млн рублей запасных частей к ним [2, л. 22]. В итоге за годы девятой пятилетки комбайновый

парк республики увеличился на 5300 машин, тракторный насчитывал 102,5 тыс. машин, число грузовых автомобилей достигло 63,6 тыс. В сельском хозяйстве имелось 37,9 тыс. тракторных плугов, 32,1 тыс. культиваторов, 32,2 тыс. тракторных сеялок. Общая стоимость машинно-тракторного парка достигла 1,2 млрд руб., а система машин, используемых в сельскохозяйственном производстве, включала 900 наименований [3, с. 105, 112]. Техническое перевооружение сельскохозяйственного производства продолжалось в десятой пятилетке (1976–1980 гг.). В нарастающих поставках селу машин все больший удельный вес занимали высокоскоростные автомобили, высокопроизводительные комбайны, новые мощные тракторы. Увеличились и поставки комплексов машин в виде законченных поточных линий, позволяющих механизировать все процессы технологического цикла. Одновременно в республике были развернуты производства агрегатов и приспособлений, позволяющих частично механизировать операции при проведении работ в растениеводстве. Подобная оснастка значительно расширяла возможности замены ручного труда трудом машинным. Были полностью механизированы посев и уборка зерновых, междурядная обработка пропашных культур. К 1983 г. на 89% было механизировано сенокосение, на 99,5 – копка картофеля, на 85 – сев и посадка овощей, на 13% по сравнению с 1975 г. возросла механизация работ по уборке овощей [4, с. 29].

Предметом особой заботы являлась механизация животноводства как наиболее трудоемкой отрасли сельского хозяйства. Наряду с реконструкцией и переоборудованием старых мелких ферм в республике магистральным направлением стало строительство крупных животноводческих комплексов и ферм с возможностью комплексной механизации всего производственного цикла и автоматизации производственных процессов. В рассматриваемый период на проектные мощности вышло большое количество комплексов, на которых производство организовывалось по принципу промышленного конвейера с применением автоматики и пультов управления. В 1984 г. в помещениях с комплексной механизацией содержалось 71% поголовья свиней, 79 – птицы, достигнут достаточно высокий уровень механизации ряда отдельных работ. Так, подача воды на фермах крупного рогатого скота была механизирована на 93%, переведено на машинное доение более 80% коров и значительно вырос уровень механизированной уборки помещений [5, с. 32].

Заметную роль в интенсификации сельскохозяйственного производства сыграла электрификация, обеспечение сельских потребителей устойчивым двухсторонним электроснабжением. Присоединение сельскохозяйственных предприятий

к государственным энергосистемам значительно повысило надежность и качество энергоснабжения, расширило сферу технического оснащения труда и в целом производственные возможности материально-технической базы села. Начиная с 1960-х гг., динамика энерговооруженности труда в сельском хозяйстве БССР демонстрировала рост энергетических мощностей в 2–3 раза каждое десятилетие. Если в 1960 г. на одного работника приходилось энергетических мощностей в размере 3,1 лошадиной силы, то в 1970 – 12,1, а в 1975 – 16,0. В расчете на 100 га посевов эти цифры составили соответственно в 1960 г. 101, в 1970 – 282, а 1975 уже 345 лошадиных сил [6, с. 37].

Масштабной и значимой для изменения материальной базы растениеводства стала работа по коренному улучшению качества заболоченных, оподзоленных, кислых и песчаных почв, подъему их плодородия. На создание и поддержание оптимального водного, воздушного, теплового и питательного режимов почв для сельскохозяйственных растений были нацелены проводимые в республике мелиоративные мероприятия. Значительные силы и средства были направлены на быстрое осуществление гидротехнической мелиорации (регулирование водного стока) и других ее видов. Разрабатывались и внедрялись меры по увеличению капитальных вложений на осушение переувлажненных земель, их мелиорирование закрытым дренажем, полному обеспечению мелиоративных организаций грамотными специалистами и механизаторскими кадрами. В мелиоративное строительство республика направила 3,3 млрд капитальных вложений. Только в девятой пятилетке на проведение мелиоративных работ было вложено 1,5 млрд руб., или в 2,1 раза больше, чем в 1966–1970 гг. Это позволило осушить 860 тыс. га заболоченных земель, из которых свыше 500 тыс. га, или 60%, было мелиорировано закрытым дренажем. Общая площадь мелиорированных земель в рассматриваемом нами периоде составила 2,6 млн га [7, с. 53].

Новая для Беларуси практика проведения мелиорации выявила сложности, требующие постоянного внимания со стороны сельскохозяйственной науки. В их числе проблема методов мелиорации переувлажненных суглинистых почв, а также полей и участков с сильно пересеченным рельефом. Потребовались коррективы в методы так называемого двустороннего регулирования влаги в поле с учетом рельефа местности, типа и механического состава почв. Мелиорированные земли в 1970-х гг. давали реальную возможность повышения средней урожайности, однако значительная часть их использовалась недостаточно эффективно и целенаправленная работа по повышению отдачи каждого гектара осушенных земель стала приоритетной в 1980-х гг.

Следующим решающим фактором создания прочных предпосылок для уменьшения производственных рисков стала рациональная и всесторонняя химизация земель республики, связанная с грамотным использованием удобрительных ресурсов и известкованием кислых почв. Географическое положение Беларуси предопределило преимущественное распространение дерново-подзолистых и дерново-подзолистых заболоченных почв, которые отличаются плохими физическими свойствами и высокой кислотностью. Получать высокие и устойчивые урожаи на кислых почвах можно только после проведения комплекса агротехнических мероприятий. Широкомасштабное известкование кислых почв в республике стало проводиться с 1965 г. К настоящему времени создана система научного и материально-технического обеспечения работ: Витебское ОАО «Доломит», производящее высококачественную доломитовую муку; районные объединения «Сельхозхимия», осуществляющие хранение, транспортировку и внесение извести в почву, агрохимическая служба, ведущая мониторинг состояния кислотности, подготовку проектно-сметной документации и контроль за качеством работ. В 1970-х гг. известкование кислых почв пахотных угодий проводилось дважды и его объемы достигали 1 млн га в год. До конца 1990-х гг. проведено семь циклов известкования кислых почв, внесено примерно 145 млн тонн CaCO_3 , или 16,0 т на гектар интенсивно используемых земель [8, с. 3–5].

Решение задачи повышения устойчивости и продуктивности земледелия в процессе проведения мелиорации и химизации, совершенствования системы обработки земли потребовало утверждения научного подхода в организации производства. Наука превращалась в решающий фактор развития производительных силы сельского хозяйства БССР. Исследовательскую работу вели 10 сельскохозяйственных научно-исследовательских институтов, 8 областных и 4 отраслевые опытные станции, 4 вуза и 29 сельскохозяйственных техникумов. Силами ученых были созданы и широко внедрены в производство высокопродуктивные сорта интенсивного типа – озимая рожь «Белта», лен-долгунец «Оршанский 2» и «Оршанский 3», картофель «Белорусский ранний», «Темп», «Кандидат», «Огонек» и т. д. Ученые-землеведы и агрохимики приняли участие в процессах известкования кислых почв. На основе их исследований была создана Почвенная карта БССР, разработаны принципы и методы распределения и эффективного использования минеральных удобрений, программирования и получения высоких урожаев зерновых, кормовых культур, льна и картофеля, а также экономически обоснованная система ведения земледелия и животноводства применительно к природно-экономическим условиям зоны.

Научно-технический прогресс в области технологии и организации производственных процессов диктовал необходимость усиления специализации и концентрации сельскохозяйственного производства. Однако ресурсы и возможности отдельных многоотраслевых хозяйств были недостаточными для создания крупных специализированных предприятий с высоким уровнем механизации, поэтому в 1971–1980 гг. в БССР заметно ускорился процесс межхозяйственной кооперации. В значительной мере межхозяйственное кооперирование было направлено на перевод животноводства на промышленную основу, строительство производственных и культурно-бытовых объектов на селе, производство строительных материалов. Специализация и кооперирование сопровождалось возрастанием масштабов производства, внедрением в практику работы колхозов и совхозов индустриальных практик. Улучшались размещение животноводческих комплексов и их зональная специализация, межобластное и межрайонное разделение труда, увеличивалась концентрация посевных площадей сельскохозяйственных культур и производства продукции животноводства.

Производство товарных овощей было в основном сосредоточено в 7 аграрно-промышленных объединениях Министерства плодоовощного хозяйства БССР, включающих 132 специализированных овощеводческих совхоза, 85 перерабатывающих предприятий, 330 магазинов, хранилищ и других подразделений. Специализированные семеноводческие хозяйства вырастили в 1976–1980 гг. для нужд республики около 45 тыс. т семян многолетних трав, или 60% общего их производства. В начале 1980-х гг. десять производственных отраслевых объединений Птицепрома БССР произвели более 1,5 млрд шт. яиц и свыше 60 тыс. т мяса птицы, или 94 и 91% их общего объема в общественном секторе. В республике было создано 182 специализированных хозяйства по направленному выращиванию нетелей. На откорме крупного рогатого скота специализировались 300 хозяйств, из них 7 комплексов на промышленной основе. В целом к 1981 г. в Белорусской ССР имелось 375 межхозяйственных предприятий и организаций, 23 отраслевых объединения в растениеводстве и животноводстве [9, с. 15–17].

Однако углубление специализации и повышение концентрации производства не всегда имели экономическое обоснование. Система ведомственного управления в агропромышленном комплексе оказалась громоздкой и разобщенной, привела к необоснованному росту административного аппарата, усилила ведомственные интересы. Сказывалась также недооценка товарно-денежных отношений и механизмов хозяйствования. Поэтому, несмотря

на возможности выросших производительных сил, сельскохозяйственное производство не отвечало возрастающим потребностям общественно-го развития.

Заключение. На основании вышеизложенного материала можно сделать выводы, что развитие и совершенствование материальной базы сельскохозяйственного производства Белорусской ССР в 1970-х – сер. 1980-х гг. определялось потребностями социальной переориентации экономики и возможностями, которые открывала научно-техническая революция. Основными задачами стали переход к интенсивному земледелию и животноводству, индустриализация аграрно-

го труда, механизация и автоматизация производственных процессов, специализация и концентрация на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции. В рамках реализованных программ был сделан значительный шаг вперед на пути уменьшения зависимости земледелия от стихийных сил природы, механизации тяжелого ручного труда и автоматизации трудоемких процессов. Но, как показывает исследование, достигнутые результаты не всегда соответствовали создаваемым возможностям и тем средствам, которые вкладывались государством в укрепление материально-технической базы сельскохозяйственных предприятий.

Список литературы

1. Экономическая газета. 1981. № 45.
2. Национальный архив республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4. Оп. 20. Д. 505.
3. Народное хозяйство Белорусской ССР в 1975 году: стат. ежегодник. Минск, 1976. 272 с.
4. Народное хозяйство Белорусской ССР в 1983 году: стат. ежегодник. Минск, 1984. 247 с.
5. Народное хозяйство Белорусской ССР в 1984 году: стат. ежегодник. Минск, 1985. 239 с.
6. Сельское хозяйство Белоруссии / Н. И. Дементей [и др.]. Минск: Ураджай, 1980. 263 с.
7. Грек Г. В. Новый этап современной аграрной политики КПСС. Минск: Беларусь, 1984. 78 с.
8. Клебанович Н. В., Васильюк Г. В. Известкование почв Беларуси. Минск: БГУ, 2003. 322 с.
9. Давыденко Л. Н. Сельскохозяйственный труд в агропромышленном комплексе: экономические и социальные аспекты. Минск: БГУ, 1983. 183 с.

References

1. *Ekonomicheskaya gazeta* [Economic newspaper], 1981, no. 45 (In Russian).
2. *Natsional'nyy arkhiv Respubliki Belarus' (NARB)* [National Archives of the Republic of Belarus (NARB)]. Fund 4. I. 20. F. 505.
3. *Narodnoye khozyaystvo Belorusskoy SSR v 1975 godu: statisticheskiy ezhegodnik* [National economy of the Belarusian SSR in 1975: statistical yearbook]. Minsk, 1976. 272 p. (In Russian).
4. *Narodnoye khozyaystvo Belorusskoy SSR v 1983 godu: statisticheskiy ezhegodnik* [National economy of the Belarusian SSR in 1983: statistical yearbook]. Minsk, 1984. 247 p. (In Russian).
5. *Narodnoye khozyaystvo Belorusskoy SSR v 1984 godu: statisticheskiy ezhegodnik* [National economy of the Belarusian SSR in 1984: statistical yearbook]. Minsk, 1985. 239 p. (In Russian).
6. Dementey N. I., Sen'ko F. P., Al'smik P. I., Antonyuk V. S., Bavrin V. I., Bormotov V. E., Vostrukhin N. P., Golushko A. V., Goncharov N. D., Grakhovskiy A. A., Danilenko V. D., Dubovets N. A., Ermolenko V. E., Erey A. I., Kalitko A. Ya., Kulakovskaya T. N., Kadushkevich I. A., Korobach A. P., Kozlov V. A., Lesun V. K., Mirochitskiy F. V., Nechaev V. N., Pavlyuchuk, V. I., Pozharskiy B. M., Samsonov V. P., Starovoytov A. M., Severnev M. M., Tishkevich A. I., Tikhonovskiy N. S., Khitrin L. I., Shevelukha V. S., Shlapunov V. N. *Sel'skoye khozyaystvo Belorussii* [Agriculture of Belarus]. Minsk, Uradzhay Publ., 1980. 263 p. (In Russian).
7. Grek G. V. *Novyy etap sovremennoy agrarnoy politiki KPSS* [A new stage of the modern agrarian policy of the CPSU]. Minsk, Belarus' Publ., 1984. 78 p. (In Russian).
8. Klebanovich N. V., Vasilyuk G. V. *Izvestkovaniye pochv Belarusi* [Liming of soils in Belarus]. Minsk, BGU Publ., 2003. 322 p. (In Russian).
9. Davydenko L. N. *Sel'skokhozyaystvennyy trud v agropromyshlennom komplekse: ekonomicheskiye i sotsial'nyye aspekty* [Agricultural labor in the agro-industrial complex: economic and social aspects]. Minsk, BGU Publ., 1983. 183 p. (In Russian).

Информация об авторе

Якуш Надежда Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: yakush@belstu.by

Information about the author

Yakush Nadzhezhdha Mikhailovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: yakush@belstu.by

Поступила 16.09.2024

УДК 355.233:378(476)

А. В. Миронюк

Белорусский государственный технологический университет

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В ГРАЖДАНСКИХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ (1998–2016 ГГ.)**

В начале 1990-х годов перед Республикой Беларусь встали сложнейшие задачи, связанные с необходимостью создания собственных Вооруженных Сил с одновременным глубоким реформированием военной организации государства, вследствие чего одним из важных направлений деятельности военного ведомства в тот период являлось решение вопроса организации подготовки собственных военных кадров. В условиях напряженного социально-экономического, политического, а также идеологического кризиса в Республике Беларусь, вызванного распадом СССР, важной была задача не только сохранения, но и дальнейшего развития военных учебных заведений, находящихся на ее территории. Актуальность данных мер обусловлена традиционно высокой ролью офицерского корпуса оборонного ведомства в выполнении задач по обеспечению военной безопасности государства, а также защиты его суверенитета и государственной целостности. В статье рассматривается историография проблемы становления и развития военного образования в гражданских учреждениях высшего образования Республики Беларусь. Анализируются различные публикации, такие как научные журнальные и газетные статьи, а также монографии и диссертационные исследования. В приведенных публикациях показана эволюция и конкретные этапы создания национальной военной школы, приводятся исторические аспекты, связанные с организацией, становлением и развитием системы военного образования в Республике Беларусь. Делается вывод, что проблема эволюции военного образования в гражданских учреждениях высшего образования Республики Беларусь, несмотря на свою актуальность, в белорусской историографии 1998–2016 гг. изучена недостаточно.

Ключевые слова: историография, законодательные акты, публикации, военное образование, военное строительство.

Для цитирования: Миронюк А. В. Становление и развитие военного образования в гражданских учреждениях высшего образования Республики Беларусь: историография проблемы // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2024. № 2 (287). С. 82–86.

DOI: 10.52065/2520-6885-2024-287-15.

A. V. Mironyuk

Belarusian State Technological University

**FORMATION AND DEVELOPMENT OF MILITARY EDUCATION
IN CIVIL INSTITUTIONS OF HIGHER EDUCATION OF THE REPUBLIC
OF BELARUS: HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM (1998–2016)**

In the early 1990s, the Republic of Belarus faced the most difficult tasks associated with the need to create its own Armed Forces with a simultaneous deep reform of the military organization of the state, as a result of which one of the important areas of activity of the military department at that time was the solution to the issue of organizing the training of its own military personnel. In the conditions of a tense socio-economic, political and ideological crisis in the Republic of Belarus caused by the collapse of the USSR, an important task was not only to preserve, but also to further develop military educational institutions located on its territory. The relevance of these measures is due to the traditionally high role of the officer corps of the defense department in fulfilling the tasks of ensuring military security of the state, as well as protecting its sovereignty and state integrity. The article considers the historiography of the problem of formation and development of military education in civilian institutions of higher education of the Republic of Belarus. Various publications, such as scientific journal and newspaper articles, as well as monographs and dissertations, are analyzed. The cited publications show the evolution and specific stages of the creation of the national military school, provide historical aspects related to the creation, formation and development of the military education system in the Republic of Belarus. It is concluded that the problem of the evolution of military education in civilian institutions of higher education of the Republic of Belarus, despite its relevance, has not been sufficiently studied in the Belarusian historiography of 1998–2016.

Keywords: historiography, legislative acts, publications, military education, military construction.

For citation: Mironyuk A. V. Formation and development of military education in civilian institutions of higher education of the Republic of Belarus: historiography of the problem. *Proceedings of BSTU*, issue 6, *History, Philosophy*. 2024, no. 2 (287), pp. 82–86 (In Russian).

DOI: 10.52065/2520-6885-2024-287-15.

Введение. В белорусской историографии тема становления и развития военного образования в гражданских учреждениях высшего образования Республики Беларусь относится к числу недостаточно изученных. Исследователи основное внимание уделяют истории создания и реформирования Вооруженных Сил Республики Беларусь, их строительству и, особенно, вопросу изменения организационно-штатной структуры Вооруженных Сил. В то же время история становления и развития национальной военной школы по подготовке офицерских кадров в гражданских учреждениях высшего образования, которая сформировалась в рамках общего процесса создания, реформирования и строительства Вооруженных Сил суверенной Республики Беларусь, до сих пор остается без должного внимания.

Основная часть. Первые работы в области изучения эволюции национального военного образования стали появляться уже в 1990-х гг. Так, одной из первых в 1998 г. на страницах журнала «Армия» появились результаты исследования преподавателей военной кафедры Белорусского государственного университета Талерёнка В. В. и Грей-Григорьева О. М. «Военная школа Республики Беларусь. Какой ей быть» [1]. Эта работа посвящена взаимодействию высшей военной и гражданской школ. Авторы отмечали, что в последние годы во многих средствах массовой информации появились публикации о том, что военных специалистов, особенно в инженерно-технических областях, лучше могут подготовить гражданские вузы. «Усиленно пропагандируется идея о ненужности высших военных учебных заведений» [1, с. 14]. О. М. Грей-Григорьев и В. В. Талерёнок с этим категорически не согласились. «Для воспитания офицеров значение имеет сама военная среда, созданная в военном вузе, важнейший фактор формирования личности офицера, как особой категории государственных служащих» [1, с. 14]. Авторы статьи предложили в обязательном порядке сохранить высшее военное образование. Вместе с тем они разработали предложение о подготовке определенного количества будущих кадровых офицеров по некоторым специальностям в гражданских вузах, например, 2 или 4 года, а затем продолжать их подготовку в Военной академии. При этом авторы ссылались на мировой опыт: «нет ни одного крупного государства, которое не имело бы собственных систем военного образования» [1, с. 15]. Стоит отметить, что данные предложе-

ния в дальнейшем были частично реализованы. В наше время подготовка офицерских кадров осуществляется не только в Военной академии, но и на военных факультетах гражданских учреждений высшего образования Республики Беларусь, где жизнь курсантов проходит в военной среде с организацией быта и отдыха, а большая часть занятий – на кафедрах военных факультетов.

Позднее, в 2000–2002 гг. публикуются исследования, связанные с анализом изменений национальной концепции военного образования и уточнением целей реформирования системы военного образования.

Основные цели реформирования системы военного образования и главные пути их достижения в соответствии с планами развития Вооруженных Сил Республики Беларусь в XXI в. были сформулированы в статье тогдашнего Министра обороны Республики Беларусь Мальцева Л. С. «Реформирование военно-образовательного комплекса в контексте обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь», опубликованной в газете «Во славу Родины» в августе 2002 г. [2]. По сути, это был программный документ по развитию системы военного образования как минимум на первое десятилетие XXI в. Впоследствии Л. С. Мальцев впервые в отечественной историографии предпринимает попытки шире раскрыть историю создания и становления системы подготовки офицерских кадров для Вооруженных Сил Республики Беларусь. В итоге в 2003 г. выходит в свет книга «Вооруженные Силы Республики Беларусь: История и современность» [3]. В ней автор остановился и на истории формирования национальной военной школы в течение 1992–2002 гг. в рамках анализа создания, становления и развития Вооруженных Сил Республики Беларусь [3]. При этом он сделал вывод, что с 1992 по 1994 г. меры, предпринимавшиеся по созданию национальной военной школы, не решили всех проблем военного образования. Более того, в связи с резким уменьшением денежного довольствия военнослужащих значительно упал престиж службы в Вооруженных Силах, что привело к большому увольнению офицеров и существенной нехватке офицерских кадров [3, с. 89–92]. Автор отметил, что исправить ситуацию удалось лишь с середины 1990-х гг. с избранием Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко. Таким образом, Л. С. Мальцев в своей работе кратко остановился

на первых двух периодах становления национальной военной школы, выделив при этом как самый важный по достигнутым результатам второй период (1995–2001 гг.), однако стоит отметить, что все же работа достаточно фрагментарна и не дает полного освещения исследуемой проблемы.

Одним из первых диссертационных исследований на соискание ученой степени кандидата исторических наук, посвященных развитию военного образования, стало исследование подполковника Вооруженных Сил Республики Беларусь Пташника В. М. «Вооруженные Силы Республики Беларусь: формирование и реформирование (1991–2000 гг.)» [4]. В своей диссертации он затрагивает некоторые проблемы создания и становления системы подготовки офицерских кадров для Вооруженных Сил Республики Беларусь в конце XX в., но делает поспешный вывод о том, что после подписания Указа Президента Республики Беларусь № 192 от 17 мая 1995 г. «О создании Военной Академии Республики Беларусь» реформирование военного образования вступило в третий, завершающий этап [4, с. 54]. Однако это не совсем так, процесс реформирования и совершенствования высшего военного образования продолжался. В 2003 г. были созданы военные факультеты в гражданских учреждениях образования Республики Беларусь [5, с. 39]. Кроме того, в этой диссертации фактически не раскрываются причинно-следственные связи между указанными мерами по созданию, становлению и дальнейшему развитию системы подготовки офицерских кадров и практической работой в данном направлении. Проблемы, связанные с подготовкой офицерских кадров в 1991 – начале 1992 г., в упомянутой диссертации вообще не рассматривались.

Стоит отметить, что дальнейшее развитие системы подготовки офицерских кадров для Вооруженных Сил Республики Беларусь проходило в рамках утвержденного в сентябре 2006 г. на заседании Совета безопасности Плана строительства и развития Вооруженных Сил на 2006–2010 гг.

Анализ проблем, связанных с подготовкой офицерских кадров в Республике Беларусь, в контексте реформирования системы военного образования в ведущих странах НАТО и СНГ, в отечественной историографии начали предприниматься в 2006–2007 гг. Так, в 2006 г. в журнале «Наука и безопасность» (№ 4) опубликована статья первого заместителя начальника главной военной инспекции Министерства обороны Республики Беларусь, ранее заместителя начальника факультета связи и АСУ Военной академии Республики Беларусь Кернасовского Ю. М. «Сравнительный анализ систем военного образования зарубежных стран» [6]. В ней автор останавли-

вается на основных отличительных требованиях, которые предъявляются к будущим офицерским кадрам в армиях ведущих зарубежных стран (Россия, США, Франция, Германия, Великобритания, Польша, Китай), и реализации этих требований в ходе образовательного процесса в военных учебных заведениях. В то же время в статье приводится сравнительный анализ с действующей на то время системой подготовки офицерских кадров для Вооруженных Сил Республики Беларусь. В начале 2007 г. в журнале «Наука и безопасность» (№ 1) публикуется статья профессора кафедры идеологической работы и социальных дисциплин Военной академии Республики Беларусь Андреева В. И. «Сравнительный анализ подготовки офицеров в армиях зарубежных государств и Республики Беларусь» [7]. В ней автор останавливается на специфике педагогического аспекта в военном образовании ведущих стран НАТО: США, Германии, Великобритании и Франции. Показываются основные концепции, оказывающие влияние на теорию и практику подготовки будущих офицеров зарубежных армий. Однако пути совершенствования системы подготовки офицерских кадров для Вооруженных Сил Республики Беларусь в контексте сравнения с военным образованием в ведущих странах НАТО автором в статье не были разработаны и четко не выделены.

В январе 2008 г. появился ряд научно-популярных публикаций профессора Андреева В. И. под общим названием «Педагогика высшей военной школы» – так назывался учебно-методический комплекс, разработанный автором. В нем сформулированы основные итоги развития отечественной военной педагогической школы, 90-летие которой отмечалось в феврале 2008 г. (она берет начало одновременно с образованием Вооруженных Сил Республики Беларусь). Кроме всего прочего в данном учебно-методическом комплексе раскрыты сущность, методы, структура военно-педагогического процесса, сделаны обобщения применительно к современному этапу развития педагогики, показаны особенности деятельности военного преподавателя [8, с. 2–3]. Главная ценность данной серии публикаций заключается в том, что автор в них не только впервые дает научное обоснование термина «военное образование», но и раскрывает смысл современных инноваций в системе военного образования. Он обращает внимание на то, что развитие Вооруженных Сил Республики Беларусь на современном этапе характеризуется процессами обновления и переходом на инновационный путь во всех сферах образования военнослужащих. Однако каких-либо исторических фактов в рассматриваемых публикациях В. И. Андреева не приводится.

В начале 2013 г. в специальном выпуске журнала «Армия», посвященном 95-летию Вооруженных Сил Республики Беларусь, вышла статья заместителя Министра обороны по кадрам и подготовке войск – начальника главного управления кадров Министерства обороны Республики Беларусь генерал-майора Пузикова М. В.: «Система военного образования в Республике Беларусь: актуальные вопросы функционирования и направления совершенствования» [9, с. 26–31]. В статье раскрывается действующая на тот период структура системы военного образования в республике, компоненты системы высшего военного образования, ее ступени и уровни, а также послевузовское и дополнительное образование. Кроме того, автор показывает основные направления оптимизации ее структуры и повышения качества образовательного процесса в военно-учебных заведениях страны. В то же время противоречия, существующие в функционировании данной системы, не раскрывались. Исторические аспекты, связанные с созданием, становлением и развитием системы военного образования, не рассматривались.

В мае 2013 г. в статье «Приоритет – качество», опубликованной в «Белорусской военной газете», посвященной 21-й годовщине создания органа управления военным образованием Вооруженных Сил, начальник управления военного образования Вооруженных Сил Республики Беларусь (2010–2015 гг.) полковник Лепешко Г. В. подробно остановился на требованиях, предъявляемых к военно-профессиональной подготовке офицеров Вооруженных Сил Республики Беларусь. История создания системы военного образования в республике, в т. ч. управления военного образования Вооруженных Сил, отражена кратко в статье [10, с. 3].

В 2016 г. на базе успешно защищенной в 2013 г. кандидатской диссертации была опубликована одноименная монография преподавателя военно-технического факультета БНТУ Савика С. А. «Подготовка офицерских кадров для Вооруженных Сил Республики Беларусь (1991–2006 гг.)», посвященная истории создания, становления и развития системы подготовки офицер-

ских кадров для Вооруженных Сил Республики Беларусь. Здесь более подробно рассматривается вопрос военного образования по сравнению с авторами других исследований, однако проблематика военного образования в гражданских учреждениях высшего образования Республики Беларусь освещена не в полной мере – основной акцент сделан на создании и развитии Военной академии Республики Беларусь, а также системе военной довузовской подготовки в Республике Беларусь. Тем не менее данная работа содержит полезные и важные сведения для проведения исследований по рассматриваемой проблематике. Нужно отметить, что С. А. Савик является автором ряда других интересных исследований по вопросам эволюции военного образования в Республике Беларусь.

В феврале 2016 г. в статье «Не силой воюют, а умением» («Белорусская военная газета») начальник управления военного образования Вооруженных Сил Республики Беларусь (2015–2023 гг.) полковник Слуцкий И. П. рассказал о состоянии белорусской национальной военной школы на современном этапе и перспективах ее развития [11, с. 2–3]. Подчеркивая возрастание авторитета белорусской системы военного образования, автор отметил, что в 2015 г. в военных учебных заведениях Республики Беларусь проходили обучение по 30 специальностям 200 иностранных военнослужащих из 7 стран. Говорилось и о планируемом введении новых специальностей в некоторых военных учебных заведениях страны. Однако в исследуемой публикации И. П. Слуцкого вопрос становления и развития белорусской военной школы автором не рассматривался.

Заключение. Таким образом, тема становления и развития военного образования в гражданских учреждениях высшего образования Республики Беларусь в белорусской историографии 1998–2016 гг., несмотря на свою несомненную актуальность, изучена крайне недостаточно. Немногочисленные научно-популярные и научные публикации лишь подчеркивают это и только частично позволяют рассмотреть исследуемую проблематику.

Список литературы

1. Грей-Григорьев О. М., Талерёнок В. В. Военная школа Республики Беларусь. Какой ей быть? // Армия. 1998. № 3. С. 12–15.
2. Мальцев Л. С. Реформирование военно-образовательного комплекса в контексте обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь // Во славу Родины. 2002. 31 авг. С. 1–2.
3. Мальцев Л. С. Вооруженные Силы Республики Беларусь: история и современность // Армия. 2003. Спец. вып. 85 лет Вооруженным Силам Респ. Беларусь. С. 2–16.
4. Пташник В. М. Вооруженные Силы Республики Беларусь: Формирование и реформирование (1991–2000 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Минск, 2005. 131 л.
5. О военных факультетах в учреждениях образования Республики Беларусь: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 11 июня 2003 г. № 775 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2003. № 67. 5/12599.

6. Кернасовский Ю. М. Сравнительный анализ систем военного образования зарубежных стран // Наука и безопасность. 2006. № 4. С. 59–64.
7. Андреев В. И. Сравнительный анализ подготовки офицеров в армиях зарубежных государств и Республики Беларусь // Наука и безопасность. 2007. № 1. С. 58–63.
8. Андреев В. Педагогика высшей военной школы: К 90-летию отечественной военно-педагогической мысли // Белорусская военная газета. 2008. 18 янв. С. 2–3.
9. Пузиков М. В. Система военного образования в Республике Беларусь: актуальные вопросы функционирования и направления совершенствования // Армия. 2013. № 1–2. Спец. вып. 95 лет Вооруженным Силам Респ. Беларусь. С. 26–31.
10. Лепешко Г. В. Приоритет – качество // Белорусская военная газета. 2013. 31 мая. С. 3.
11. Слуцкий И. П. Не силой воюют, а умением // Белорусская военная газета. 2016. 9 февр. С. 23.

References

1. Grey-Grigoriev O. M., Talerenok V. V. Military School of the Republic of Belarus. What Should It Be Like? *Armiya* [Army], 1998, no. 3, pp. 12–15 (In Russian).
2. Maltsev L. S. Reforming the Military Educational Complex in the Context of Ensuring National Security of the Republic of Belarus // *Vo slavu Rodiny* [For the Glory of the Motherland], 2002. August 31, pp. 1–2 (In Russian).
3. Maltsev L. S. Armed Forces of the Republic of Belarus: History and Modernity. *Armiya* [Army], 2003. Special issue. 85 years of the Armed Forces of the Republic of Belarus, pp. 2–16 (In Russian).
4. Ptashnik V. M. *Vooruzhennyye Sily Respubliki Belarus': Formirovaniye i reformirovaniye (1991–2000 gg.). Dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk* [Armed Forces of the Republic of Belarus: Formation and reform (1991–2000). Dissertation PhD (History)]. Minsk, 2005, 131 p (In Russian).
5. On military faculties in educational institutions of the Republic of Belarus: Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus of June 11, 2003, no. 775. *Natsional'nyy reyestr pravovykh aktov Respubliki Belarus'* [National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus], 2003, no. 67. 5/12599 (In Russian).
6. Kernasovsky Yu. M. Comparative analysis of military education systems of foreign countries. *Nauka i bezopasnost'* [Science and Security], 2006, no. 4, pp. 59–64 (In Russian).
7. Andreev V. I. Comparative analysis of officer training in the armies of foreign countries and the Republic of Belarus. *Nauka i bezopasnost'* [Science and Security], 2007, no. 1, pp. 58–63 (In Russian).
8. Andreev V. I. Pedagogy of higher military school: On the 90th anniversary of domestic military-pedagogical thought. *Belorusskaya voyennaya gazeta* [Belarusian military newspaper], 2008, January 18, pp. 2–3 (In Russian).
9. Puzikov M. V. The system of military education in the Republic of Belarus: current issues of functioning and directions of improvement. *Armiya* [Army], 2013, no. 1–2, Special. issue. 95 years of the Armed Forces of the Republic of Belarus, pp. 26–31 (In Russian).
10. Lepeshko G. V. Priority is quality. *Belorusskaya voyennaya gazeta* [Belarusian military newspaper], 2013, May 31, p. 3 (In Russian).
11. Slutsky I. P. They fight not by force, but by skill. *Belorusskaya voyennaya gazeta* [Belarusian military newspaper], 2016, February 9, p. 23 (In Russian).

Информация об авторе

Миронюк Артём Васильевич – магистр, старший преподаватель – начальник служб военной кафедры. Белорусский государственный технологический университет. (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: mironyuk.art@mail.ru

Information about the author

Mironyuk Artyom Vasilievich – Master of Sciences, Senior lecturer – head of services of the Military Department. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: mironyuk.art@mail.ru

Поступила 10.09.2024

УДК 331.5:024.54

Н. В. Зайцева, И. Н. Кандричина

Белорусский национальный технический университет

**СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Республика Беларусь проводит активную социальную политику, направленную на поддержание уровня и качества жизни населения. При этом социальная политика зависит от политической и экономической ситуации в стране. Немаловажное значение оказывают международная ситуация, внешнеполитические ориентиры. В Республике Беларусь социальная политика реализуется в соответствии с планами социально-экономического развития. Современная социальная политика направлена на развитие потенциала населения страны и обеспечение достойного жизненного уровня. Эффективность государственного управления и функционирования самого государства можно охарактеризовать через действенное и результативное функционирование социальной политики. Основные направления социальной политики широки. Это и непосредственно социальная защита населения, экономическая безопасность населения, поддержка материнства, детства и т. д.

Государственная социальная политика охватывает все население страны. Ее основные положения, цели и задачи носят, практически, директивный характер и обязательны для исполнения. Качество и уровень жизни гарантированы государством и эффективной системой управления. Принцип социального государства является первостепенным и основополагающим всей системы государственного управления страны.

В статье проведен анализ становления, формирования и развития социальной политики Республики Беларусь.

Ключевые слова: социальная политика, социальная защита, социальное страхование, экономическое развитие, социальное развитие, экономическая безопасность населения.

Для цитирования: Зайцева Н. В., Кандричина И. Н. Социальная политика Республики Беларусь: история и современность // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия, 2024. № 2 (287). С. 87–90. DOI: 10.52065/2520-6885-2024-287-16.

N. V. Zaytseva, I. N. Kandrichina

Belarusian National Technical University

**SOCIAL POLICY OF THE REPUBLIC OF BELARUS:
HISTORY AND MODERNITY**

The Republic of Belarus is pursuing an active social policy aimed at maintaining the level and quality of life of the population. At the same time, social policy depends on the political and economic situation in the country. The international situation and foreign policy guidelines are of great importance. In the Republic of Belarus, social policy is implemented in accordance with socio-economic development plans. Modern social policy is aimed at developing the potential of the country's population and ensuring a decent standard of living. The effectiveness of public administration and the functioning of the State itself can be characterized through the effective and efficient functioning of social policy. The main directions of social policy are broad. These are directly social protection of the population, economic security of the population, support for motherhood, children, etc.

The State social policy covers the entire population of the country. Its main provisions, goals and objectives are, in practice, prescriptive and mandatory for implementation. The quality and standard of living are guaranteed by the State and an effective management system. The principle of the welfare State is paramount and fundamental to the entire system of public administration of the country.

The article analyzes the formation, formation and development of the social policy of the Republic of Belarus.

Keywords: social policy, social protection, social insurance, economic development, social development, economic security of the population.

For citation: Zaytseva N. V., Kandrichina I. N. Social policy of the Republic of Belarus: history and modernity. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2024, no. 2 (287), pp. 87–90 (In Russian). DOI: 10.52065/2520-6885-2024-287-16.

Введение. Цель любого государства – повышение благосостояния и качества жизни населения. Формирование и развитие эффективной социальной политики является показателем уровня развития государства, эффективности государственной политики и качества взаимодействия государства и населения. Главная задача функционирования и деятельности системы государственного управления заключается в повышении уровня жизни населения, обеспечении доступности социальных услуг, улучшении их качества. Достижение главной цели путем реализации вышеперечисленных задач создает предпосылки и способствует развитию и реализации человека и социального капитала.

Основная часть. Современная Республика Беларусь активно проводит социальную политику по защите и поддержке наиболее уязвимых слоев населения. Современная система социальной защиты населения страны имеет достаточно четкую историю формирования и становления. После событий 1917 г. и дальнейшего развития ситуации в республике начала формироваться система в соответствии с требованиями времени и ситуации.

Первоначально в стране функционировала система социального обеспечения, которая полностью финансировалась государством, а точнее, государственным казначейством.

Еще в 1919 г. на Всероссийском съезде комиссаров социального обеспечения был принят и утвержден административный порядок системы социального обеспечения (центральные, губернские, уездные органы социального обеспечения). В дальнейшем была создана и эффективно функционировала единая целостная система социальной защиты и поддержки населения.

В 1922 г. было утверждено Постановление «О социальном страховании лиц, занятых наемным трудом на кооперативных, концессионных, арендных и частных предприятиях, учреждениях и хозяйствах», согласно которому организовывалось управление социального страхования. Данное управление и занималось всеми вопросами и проблемами социального обеспечения населения указанного времени.

Значимым этапом явилось принятие Конституции 1936 г. В соответствии с основным Законом, равными правами были наделены все граждане. Гарантировалось право на труд, медицинское обслуживание, образование. Однако некоторые категории населения не могли активно и полностью использовать данные гарантии. Особенно это касалось сельского населения. Естественное отставание качества и уровня жизни уже имело место.

Таким образом, в довоенный период фактически было сформировано государство с развитой системой социальной защиты. Естественным

образом в данной системе нашли отражение принципы всеобщего равенства и социальной справедливости, что явилось проявлением внутренней политики и идеологии государства.

В дальнейшем, в послевоенные годы, высокие научно-технические и производственные достижения приводят, соответственно, к более высокому уровню жизни, который предъявляет и более высокие требования к социальной политике и системе.

Возникают новые отрасли промышленного производства, что влечет за собой освоение новых профессий, развитие и получение нового этапа знаний. Формируются и оформляются новые отрасли, научные дисциплины и знания. Происходит постепенное вытеснение ручного труда машинным. Но этот процесс еще не имеет массового и масштабного характера. Возрастает ценность знаний, умений, навыков. Формируется понимание человеческого капитала [1].

Все это оказывает непосредственное влияние на социальные ожидания и представления.

Основной целью государственной политики становится повышение уровня жизни населения.

В 1949 г. создано Министерство социальной защиты населения. В данный период система социальной защиты формировалась из следующих элементов: государственное социальное обеспечение, которое развивалось за счет госбюджетов различных уровней, государственное социальное страхование (за счет страховых взносов населения и предприятий, постоянной финансовой поддержки государства), а также социальное обеспечение колхозников, которое осуществлялось за счет средств колхозов и финансирования государства.

Социальная политика периода Советского Союза являлась отражением всех мероприятий, проводимых государством. В ее основе нашли отражение и применение принципы марксизма-ленинизма всеобщего равенства и социальной справедливости, что являлось отражением проводимой государственной политики. Данная политика нашла свое воплощение в таких формах, как создание и функционирование общественных фондов потребления, которые формировались для удовлетворения ряда потребностей населения [2].

На основе общественных фондов потребления развивалась и совершенствовалась система медицинского обслуживания, образования, частично культура. Также обеспечивалось и содержалось нетрудоспособное население.

За счет данных фондов оплачивалась подготовка специалистов, осуществлялась выплата стипендий, содержались детские дошкольные и иные образовательные и культурные учреждения [3].

Как свидетельствуют архивные данные, наблюдался постоянный рост расходов предприятий

на подготовку кадров и специалистов для собственных предприятий [4].

Также имели место возрастающие расходы на выплаты по нетрудоспособности, особенно в колхозах республики.

Значимым моментом развития социального страхования в стране явилось дальнейшее развитие системы социального страхования страны. 1 апреля 1970 г. была введена единая система социального страхования и для членов колхозов.

Именно данная система включала выплату пособий по беременности и родам, на рождение ребенка, путевки в лагеря, санатории, дома отдыха и т. д. Она обеспечивала основные выплаты материальной помощи и социальной поддержки.

Дальнейшее развитие и совершенствование данной системы претерпело непосредственное влияние всех событий, происходящих в государстве [5].

Сегодня в стране проводится активная социальная политика по поддержке ряда категорий населения. Она реализуется в соответствии с государственными планами и программами. Сейчас реализуется государственная программа «Социальная защита» на 2021–2025 гг. Сюда относится «создание условий для качественного развития потенциала человека и обеспечения достойной жизни населения, в том числе через социальную защиту населения и создание комфортных условий жизнедеятельности». Реализация данной программы направлена на достижение основных положений Целей устойчивого развития 2030 г., а также Программы социально-экономического развития Республики Беларусь [6].

Ежегодно в бюджете государственных расходов наблюдается постоянное увеличение на данную сферу. Это и улучшение качества и количества услуг, различная их вариантность, усиление государственной поддержки и т. д.

Современная социальная политика страны направлена на поддержание и дальнейшее раз-

витие социальной защиты и поддержку населения страны.

Социальная политика, проводимая в Республике Беларусь, активно поддерживает молодое поколение, а именно население в возрасте до 31 года.

Молодежь инициативно участвует в формировании и продвижении своих интересов, взаимодействует с государством для повышения эффективности своей деятельности.

В Республике Беларусь существует ряд организаций, которые активно защищают права и интересы молодежи. Молодежные объединения организуют мероприятия и обсуждения важных вопросов, направленных на обеспечение благоприятных условий для развития молодого поколения в обществе. Организации, занимающиеся защитой прав человека, также предоставляют поддержку, консультации и ресурсы для решения различных вопросов. Кроме того, студенческие советы защищают интересы студентов в различных областях, включая сферу образования. Студенческие организации обеспечивают социальную поддержку, а также дают возможность участвовать в управлении учреждениями образования.

В Республике Беларусь функционирует множество общественных молодежных объединений, которые предоставляют возможности для участия молодежи в различных сферах общественной жизни. Все эти объединения можно классифицировать на физкультурно-спортивные, творческие, научно-технические, благотворительные, культурно-массовые и др. Финансирование мероприятий, проводимых молодежью, осуществляется государством и другими источниками (не запрещенными законом). Также создаются специальные фонды для поддержки талантливой молодежи.

Заключение. С учетом общемировых тенденций формирования и развития государствами социальных услуг Республика Беларусь активно использует накопленный опыт прошлых лет, сочетая его с инновационными достижениями современности.

Список литературы

1. Stone D. L., Dulebohn J. H. Emerging issues in theory and research on electronic human resource management. // Human Resource Management Review. 2018. No. 23 (1). URL: <https://www.sciencedirect.com/journal/human-resource-management-review/issues-5> (дата обращения: 12.06.2024).
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 1220. Оп. 2. Д. 7609. Планы персонального распределения молодых специалистов, окончивших высшие учебные заведения и отчет министерства за 1975 г. 175 л.
3. НАРБ. Ф. 4. Оп. 81. Д. 2678. Материалы к протоколу заседания бюро ЦККПБ от 29 июля 1976 г. 154 л.
4. НАРБ. Ф. 1220. Оп. 1. Д. 1191. Планы персонального распределения молодых специалистов, окончивших высшие учебные заведения и отчет министерства за 1970 г. 203 л.
5. Социальное страхование в Беларуси. URL: <https://www.ssf.gov.by/ru/history-ru/> (дата обращения: 10.08.2024).
6. О Государственной программе «Социальная защита» на 2021–2025 годы. URL: <http://trudgrodnogov.by/wp-content/uploads/2021/04/pr.pdf> (дата обращения: 12.08.2024).

References

1. Stone D. L., Dulebohn J. H. Emerging issues in theory and research on electronic human resource management. *Human Resource Management Review*. 2018. no. 23 (1). Available at: <https://www.sciencedirect.com/journal/human-resource-management-review/issues-5> (accessed 12.06.2024).
2. *Natsional'nyy arkhiv Respubliki Belarus' (NARB)* [National Archive of the Republic of Belarus (NARB)]. Fund.1220. I. 2. F. 7609. Plans for the personal distribution of young specialists who graduated from higher educational institutions and the ministry's report for 1975. 175 p.
3. NARB. Fund.48 I. 81. F. 2678. Materials for the minutes of the meeting of the bureau of the Central Committee of the Central Committee of the Russian Federation dated July 29, 1976. 154 p.
4. NARB. Fund.1220. I.81. F. 1191. Plans for the personal distribution of young specialists who graduated from higher educational institutions and the ministry's report for 1970. 203 p.
5. Social insurance in Belarus. Available at: <https://www.ssf.gov.by/ru/history-ru/> (accessed 10.08.2024). (In Russian).
6. About the State Program "Social Protection" for 2021–2025. Available at: <http://trudgrodnno.gov.by/wp-content/uploads/2021/04/pr.pdf> (accessed 12.08.2024) (In Russian).

Информация об авторах

Зайцева Надежда Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Экономика и право». Белорусский национальный технический университет (220013, Минск, пр-т Независимости, 65, Республика Беларусь). E-mail: nadezhda_zaytseva_1972@mail.ru

Кандричина Ирина Николаевна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры «Менеджмент». Белорусский национальный технический университет (220013, Минск, пр-т Независимости, 65, Республика Беларусь). E-mail: ikandrichina@yandex.ru

Information about the authors

Zaytseva Nadezhda Viktorovna – PhD (History), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Economics and Law. Belarusian National Technical University (65, Nezavisimosti Ave., 220013, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: nadezhda_zaytseva_1972@mail.ru

Kandrichina Irina Nikolaevna – PhD (Sociology), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Management. Belarusian National Technical University (65, Nezavisimosti Ave., 220013, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: ikandrichina@yandex.ru

Поступила 04.09.2024

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

УДК 101.1:316:008

А. А. Потоцкий

Белорусский государственный технологический университет

ДИАЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ И ЕГО КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

В статье рассматриваются принципы и закономерности взаимовлияния искусства и целостного организма – культуры. Раскрываются культурозависимые свойства искусства, которые могут воплощать в той или иной степени фундаментальные представления своей эпохи о мире, системе ценностей, гармонии. В статье обосновывается точка зрения, согласно которой не существует некоего вневременного правильного художественного видения, оно меняется вместе со сложным комплексом общественно-культурных обстоятельств и психологией личности. Вместе с тем и само искусство является активно участвующим в формировании концепций бытия, «автором» нового понимания мира и человека, новых идеалов и вкусов.

Исследование коммуникативного потенциала художественного произведения осуществляется в контексте современной художественной культуры, провозглашающей в качестве главного творческого принципа радикальный плюрализм стилей и художественных программ, мировоззренческих моделей и языков культуры и отказывающейся от идеи иерархичности культурного пространства. Установлено, что неповторимая актуальность художественного произведения состоит в том, что оно безгранично открыто для новых интеграций, нового коммуникативного опыта.

Использование подобной методологической стратегии позволяет исследовать художественное произведение как феномен, обеспечивающий преемственность в развитии художественной культуры, ее обновление на основе актуализации и творческого переосмысления художественного наследия.

Ключевые слова: коммуникация, искусство, эстетика, художественная культура, диалог, традиция.

Для цитирования: Потоцкий А. А. Диалогическая природа художественного произведения и его коммуникативный потенциал // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2024. № 2 (287). С. 91–94. DOI: 10.52065/2520-6885-2024-287-17.

A. A. Pototski

Belarusian State Technological University

THE DIALOGICAL NATURE OF A WORK OF ART AND ITS COMMUNICATIVE POTENTIAL

The article examines the principles and patterns of mutual influence of art and the integral organism of culture. It reveals the culture-dependent properties of art, which can embody to one degree or another the fundamental ideas of its era about the world, the value system, harmony. The article substantiates the point of view according to which there is no timeless correct artistic vision, it changes along with a complex set of socio-cultural circumstances and the psychology of the individual. At the same time, art itself is the "author" of a new understanding of the world and man, new ideals and tastes, actively participating in the formation of concepts of being.

The study of the communicative potential of a work of art is carried out in the context of modern artistic culture, which proclaims as the main creative principle a radical pluralism of styles and artistic programs, ideological models and languages of culture and rejects the idea of the hierarchy of cultural space. It has been established that the unique relevance of a work of art lies in the fact that it is infinitely open to new integrations and new communicative experiences. The use of such a methodological strategy allows us to study a work of art as a phenomenon that ensures continuity in the development of artistic culture, its renewal based on the actualization and creative rethinking of artistic heritage.

Key words: communication, art, aesthetics, artistic culture, dialogue, tradition.

For citation: Pototski A. A. The dialogical nature of a work of art and its communicative potential. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2024, no. 2 (287), pp. 91–94 (In Russian). DOI: 10.52065/2520-6885-2024-287-17.

Введение. Произведение искусства не только целостный, но и живой организм. Сотворенное однажды, произведение переживает своего создателя, осуществляя связь времен и поколений, продолжая излучать творческую энергию художника. И вместе с тем действенность художественного произведения и его коммуникативный потенциал не остаются в границах своего первоначального исторического горизонта. Неповторимая актуальность художественного произведения состоит в том, что оно безгранично открыто для новых интеграций и нового коммуникативного опыта.

Причина того, что каждая новая эпоха стремится заново прочитывать и интерпретировать классические произведения, скрывается в потребности измерить степень устойчивости и преемственности принятых в этой культуре собственных ценностей. Кроме того, в потребности понимания художественного наследия зачастую заключена попытка восполнить дефицит собственной духовной жизни за счет актуализации ценностей и мировоззренческих ориентиров, выражаемых классическими произведениями. Произведения прошедших эпох необходимы именно потому, что в них мы находим ответы на новые и новые вопросы нашего времени.

Основная часть. Проблема восприятия произведения, его понимания неразрывно связана с проблемой онтологической, бытийственной – существования, бытия произведения искусства. Этот принципиальный акцент был подчеркнут М. Хайдеггером, для которого вопрос о смысле искусства тесно связан с вопросом о смысле бытия. Хайдеггер полагает, что не в «художественности» произведения заключена его истинная действительность, как полагает эстетическое сознание и его квинтэссенция – эстетика, а в его предметном бытии.

По мысли Хайдеггера, эстетика рассматривает художественное произведение как предмет чувственного восприятия в широком смысле и, таким образом, низводит произведение до роли источника переживания. В такой атмосфере субъективизма, как считает философ, искусство постепенно умирает. Поэтому автономии субъективного переживания прекрасного, как эстетический принцип, Хайдеггер заменяет «вещным» бытием художественного произведения, тем самым стремясь преодолеть противопоставление в эстетике истины и искусства. «Если взглянуть на творения в их незатронутой действительности и ничего себе не внушать, то окажется, что

творения наличествуют столь же естественным образом, как и всякие прочие вещи» [1, с. 53]. Следовательно, в основе своей любое художественное произведение есть «вещность», а присущий ему способ бытия идентичен способу бытия вещи. Более того, эта «вещность» столь неотъемлема от сути творения, что именно в ней, а отнюдь не в эстетических качествах художественного произведения как живописного полотна или каменного изваяния следует, по мнению Хайдеггера, искать исходное и первоначальное в творении, его исток.

Произведение искусства не есть нечто просто наличное, оно должно постоянно заново пробуждаться к жизни, то есть произведение как форма бытия искусства всегда дано лишь в его исполнении. И для таких искусств, как поэзия, театр и музыка, характерно, что произведениями искусства они являются лишь в своей презентации. В соответствии с этим музыкальное произведение или пьеса только тогда есть музыка или спектакль, когда они исполняются, а не находятся в архиве или музее в качестве письменного документа.

Этот факт немецкий философ Г.-Г. Гадамер дополняет некоторыми положениями, проясняющими обстоятельство, согласно которому тезис о невозможности никаким опытом охватить целое произведение искусства согласуется с тезисом о присутствии произведения искусства только в его презентации. Целью его размышлений является обоснование положения, согласно которому художественное произведение не является готовой данностью, которая в процессе интерпретации и толкования может пониматься все лучше, то есть более дифференцированно и комплексно, нежели это удавалось предшествующим интерпретаторам. Произведение искусства в каждом его исполнении вступает в диалог с интерпретатором, «заговаривает» с ним, причем так, что его содержание никогда не может быть исчерпывающим образом выражено в понятии. Причина этого заключается не в том, что у реципиентов художественного произведения могут расходиться мнения о его смысле и значении, а в том, что автор не может произвольно судить о том, в чем заключается смысл его собственного творения и как возможно наиболее верное истолкование этого смысла, его интерпретация и презентация.

Произведение искусства абсолютно в силу своего отрыва от творца и контекста, в котором он его создал, и герменевтическая редукция

к мнению автора столь же неуместна, как и в случае исторического события редукция к намерениям тех, кто участвовал в этом событии. И то, что, например, поэтическая речь может присутствовать лишь в процессе говорения и чтения, объясняется освобождением произведения от творческой деятельности автора. Только при этом условии субъектом опыта искусства является само произведение искусства, и опыт произведения искусства может быть определен как его бытие. Поэтому произведение искусства «имеет место» не только в своей конкретной презентации: «презентация позволяет проявиться постоянно иному в произведении искусства и вследствие этого, опыт произведения искусства никогда не одинаков, он всякий раз новый, то есть иной» [2, с. 117].

С одной стороны, инсценировка драмы, декламация стихотворения или исполнение музыкальной композиции зависят от понимания их изначального смысла. Под этим изначальным смыслом подразумевается не только точка зрения автора, но и все то, что само говорит о себе художественное произведение, так называемый «универсум смысла», в соответствии с которым произведение всегда уже предистолковано стилистикой и жанром, а мышлению герменевтического субъекта всегда предположен объективно организованный исходный художественный материал.

С другой стороны, этот смысл произведения всегда раскрывается в горизонте его ситуативного понимания. Это означает, что в качестве интерпретации всевозможные презентации художественного произведения обладают характером собственного (по отношению к реципиенту) творения, которое, однако, остается связанным с интерпретируемым произведением, поскольку интерпретатор не имеет никакой иной функции, кроме достижения понимания относительно того, в каком направлении универсум смысла открыт самим произведением. По этой причине сознание интерпретатора не является текстом в собственном смысле, но, скорее, интерпретатор служит некоему тексту. В связи с этим положением возникает ощущение того, что в конце концов исчезает сам вклад интерпретатора в существующее единство смысла, раскрытого в произведении искусства, поскольку он черпает из произведения только то, что в нем уже и без того есть, а удачная презентация произведения отличается только тем, что «исполняющий», интерпретирующий подчиняется «универсуму смысла» художественного текста.

Однако, в отличие от объектов, исследованием которых занимаются естественные науки, произведение искусства, несмотря на возникающую и, возможно, увеличивающуюся близость

с ним, неисчерпаемо в том, что мы благодаря ему испытываем. «Это как раз противоположный случай: по мере того, как наше отношение к произведению искусства становится все доверительнее, его речь становится все убедительнее, нам раскрываются все новые и новые взаимосвязи смысла» [3, с. 415].

Это утверждение можно подтвердить на примере трех видов узнавания, которые можно выделить вслед за Г.-Г. Гадамером в презентациях произведения искусства. В данном случае речь пойдет о таких типах узнавания, в которых реципиент познает некое языковое образование, заключенное в тексте; в которых реципиент узнавал бы самого себя; в которых реципиент узнает нечто, заключенное в произведении искусства, но выходящее за его пределы.

Первый тип узнавания ведет интерпретатора к часто встречающейся ситуации, которая заключается в том, что мы не всегда способны распознать произведение искусства в том, что оно презентует, ведь иногда мы недостаточно знаем о том, идет ли речь в данном случае о произведении искусства или нет. И действительно, ведь в некоторых случаях мы не в состоянии воспринимать некий предмет в качестве произведения искусства (особенно в тех случаях, когда мы имеем дело с продуктами поп-арта) [4]. Однако для узнавания обязательным является следующий момент – узнаваемое познается в качестве того, что оно презентует. Этот центральный момент при рассмотрении произведения искусства подразумевает, что произведение, понимаемое с его художественной стороны, должно быть вновь узнано в качестве произведения искусства.

Второй тип узнавания тесным образом сопряжен с процессом «дополнения» содержания произведения собственным опытом реципиента. То, что обозначается в качестве дополнения, осуществляется лишь при такой увлеченности читателя, зрителя или слушателя, когда последний позволяет собственному миру опыта раствориться в произведении искусства. Тем самым он выходит за пределы явленного в произведении, кающегося самому интерпретатору все более и более отчетливо постигаемым в содержании. Этот процесс также является признаком того, что в опыте искусства можно достичь встречи с самим собой [5].

Обратясь к третьему виду узнавания, можно обнаружить, что за формулировкой, по которой в соответствующей презентации произведения искусства осуществляется метаморфоза чего-то якобы изначально данного, открывается сама суть бытия художественного произведения. Для того, чтобы понять то или иное художественное сообщение как произведение, необходимо воспроизвести все имеющиеся в нем существенные знания

на языке наших сегодняшних понятий, — они должны сохраняться и нечто сообщать нам. И поскольку речь идет не о простой констатации наличия текстов, а об их адекватном понимании, в них должны вновь заговорить накопленный опыт и некогда дискутируемые проблемы. Однако это возможно не тогда, когда понятийный аппарат подлежащего пониманию произведения перенимают с наибольшей степенью адекватности оригиналу, но когда мысленно следуют его идеям, то есть находят им новое выражение в наших собственных понятиях и, таким образом, возвращают уже познанное в горизонт нашего сегодняшнего понимания. Без такого своеобразного «понимаемого перевода» мы только перефразировали, но не понимали бы в подлинном смысле этого слова и не смогли бы адаптировать уже познанное другими авторами к горизонту нашего настоящего опыта, к горизонту нашего понимания.

Заключение. Установлению диалога между произведением и культурно-исторической эпохой, социумом способствует сам художественный язык, многозначный по своей природе. Система взаимосвязей выразительных средств любого произведения подобна живому организму: в разных социокультурных условиях она способна актуализировать те или иные стороны и смысловые грани. При этом жизнь произведения искусства всегда связана с тем, что на определенном этапе обнаруживаются лишь определенные стороны художественных феноменов, которые соответствуют тем или иным ориентациям общества. В процессе понимания произведения во многом реализуется потребность человека и общества в самоидентификации, стремление среди множества художественных практик найти максимально созвучные собственному внутреннему миру мировоззренческие установки.

Список литературы

1. Хайдеггер М. Исток художественного творения. М.: Гнозис, 1993. 119 с.
2. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 368 с.
3. Гадамер Г.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
4. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. 616 с.
5. Делёз Ж. Логика смысла. М.: Академия, 1995. 392 с.

References

1. Heidegger M. *Istok khudozhestvennogo tvoreniya* [The origin of artistic creation]. Moscow, Gnosis Publ., 1994. 119 p. (In Russian).
2. Gadamer G.-G. *Aktual'nost' prekrasnogo* [The relevance of beauty]. Moscow, Iskustvo Publ., 1991. 368 p. (In Russian).
3. Gadamer G.-G. *Istina i metod. Osnovy filosofskoy germeneytiki* [Truth and method. Fundamentals of philosophical hermeneutics]. Moscow, Progress Publ., 1988. 704 p. (In Russian).
4. Bart R. *Izbrannyye raboty. Semiotika. Poyetika* [Selected Works. Semiotics. Poetics]. Moscow, Progress Publ., 1994. 616 p. (In Russian).
5. Deleuze J. *Logika smysla* [Logic of meaning]. Moscow, Akademiya Publ., 1995. 392 p. (In Russian).

Информация об авторе

Потоцкий Алексей Александрович – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: potoc78@mail.ru

Information about the author

Pototski Aliaksei Aleksandrovich – PhD (Philosophy), Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13 Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: potoc78@mail.ru

Поступила 16.09.2024

УДК 355.01

В. А. Ксенофонтов

Военная академия Республики Беларусь

**ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ ДИАЛЕКТИКИ
КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЗНАНИЯ ВОЕННОЙ СФЕРЫ**

В статье отмечается, что в условиях нарастания военно-силового противостояния в международных отношениях приоритетное значение отведено эффективному функционированию военной сферы национальной безопасности государства. Автор считает, что важнейшим методологическим инструментом научного познания и управления данной подсистемой национальной безопасности и обороны государства выступает потенциал материалистической диалектики. Подчеркивается, что знание и умелое применение основных законов диалектики и парных категорий выступает базой целесообразной деятельности людей.

В системе категорий диалектики особое место принадлежит парным категориям как неосновным законам, посредством которых идет углубление в сущность изучаемых явлений. Раскрыты функции, сущностное содержание и методологическое значение парных категорий: единичное и общее, содержание и форма, причина и следствие, необходимость и случайность, возможность и действительность, явление и сущность. Приведен ряд примеров их «работы» в военной сфере. Сделан вывод, что применение категорий диалектики, имеющих предельную степень общности, вооружают человека научными знаниями, мировоззрением и рациональным методом исследования. Основные категории диалектики направляют всесторонний анализ явлений военной сферы национальной безопасности и способствуют принятию оптимальных решений в области военного строительства.

Ключевые слова: военная сфера национальной безопасности, человек, познание, деятельность, диалектика, законы и парные категории диалектики, методологическое значение.

Для цитирования: Ксенофонтов В. А. Основные категории диалектики как инструмент познания военной сферы // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2024. № 2 (287). С. 95–100.

DOI: 10.52065/2520-6885-2024-287-18.

V. A. Ksenofontov

Military Academy of the Republic of Belarus

**MAIN CATEGORIES OF DIALECTICS
AS A TOOL FOR UNDERSTANDING THE MILITARY SPHERE**

The article notes that in the context of increasing military-force confrontation in international relations, priority is given to the effective functioning of the military sphere of national security of the state. The author believes that the most important methodological tool for scientific knowledge and management of this subsystem of national security and defense of the state is the potential of materialistic dialectics. It is emphasized that knowledge and skillful application of the basic laws of dialectics and paired categories is the basis for the purposeful activity of people.

In the system of categories of dialectics, a special place belongs to paired categories as non-basic laws, through which there is a deepening into the essence of the phenomena under study. The functions, essential content and methodological significance of paired categories are revealed: individual and general, content and form, cause and effect, necessity and chance, possibility and reality, phenomenon and essence. A number of examples of their “work” in the military sphere are given. It is concluded that the application of dialectic categories, which have the utmost degree of generality, equip a person with scientific knowledge, worldview and rational research method. The main categories of dialectics guide a comprehensive analysis of the phenomena of the military sphere of national security and contribute to the adoption of optimal solutions in the field of military development.

Keywords: military sphere of national security, man, cognition, activity, dialectics, laws and paired categories of dialectics, methodological significance.

For citation: Ksenofontov V. A. Main categories of dialectics as a tool for understanding the military sphere. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2024, no. 2 (287), pp. 95–100 (In Russian).

DOI: 10.25065/2520-6885-2024-287-18.

Введение. В условиях активного нарастания военного насилия в мире существенное значение приобретает эффективное функционирование военных подсистем (сфер) национальной безопасности государств. Научное познание и понимание *военной сферы национальной безопасности* (далее – ВС НБ) требует теоретического и практического овладения законами и основными категориями диалектической логики [1]. Убеждены, что методологический инструментарий материалистической диалектики (далее – диалектика) предостерегает от заблуждений и ошибочных действий, делает управление в сфере НБ более целеустремленным и эффективным. Справедливо отмечал профессор В. Л. Акулов: «Всякая система знаний есть не только теория, но и метод» [2, с. 44]. Так, *основные законы диалектики*: закон единства и борьбы противоположностей, закон взаимного перехода количественных и качественных изменений и закон отрицания отрицания, – дают целостную, обобщенную характеристику развития, где бы оно ни происходило.

Сфера военной безопасности также подчинена действию названных законов, которые характеризуют процесс ее развития. В категориях же диалектики отражены всеобщие характеристики, стороны, свойства окружающего мира. Они формируют основное содержание метода диалектики, образуя логический каркас движения познающей мысли. Особое место в системе категорий диалектики принадлежит *парным категориям диалектики* (неосновным ее законам), посредством которых идет углубление в сущность изучаемых явлений. К ним относятся: единичное и общее, содержание и форма, причина и следствие, необходимость и случайность, возможность и действительность, явление и сущность. Они позволяют вскрыть наиболее глубокие свойства и отношения действительности, познать ее объективные законы. Знание и применение их в теории и на практике – важнейшее условие рационального развития ВС НБ.

Основная часть. В отличие от понятий и категорий частных наук, диалектика разрабатывает и оперирует категориями, которые имеют *всеобщий характер, отражают наиболее существенные связи любых материальных и духовных явлений действительности*. Категории диалектики имеют предельную степень общности, они выступают как логические категории всякого научного познания и практической деятельности, применяются во всех науках, в любой области практики, включая военную. Категории диалектики выполняют ряд важных *функций*, главными из которых являются: научно-познавательная, мировоззренческая и методологическая, органически связанные между собой [3, с. 142].

В ходе познавательной деятельности категории как бы закрепляют достигнутые в науке рубежи, результаты все более глубокого обобщения явлений действительности, выступают как *всеобщие определения бытия*. Содержание каждой категории формирует представление о какой-либо важной стороне действительности, о необходимых существенных свойствах и отношениях объективного мира и отражающего его познания. Таким образом, категории диалектики обеспечивают адекватное отражение действительности и способствуют выработке научного мировоззрения.

Категории диалектики выполняют также активную методологическую функцию, выступают в качестве инструмента (орудий), узловых пунктов, ступеней все более глубокого и всестороннего познания действительности. Они показывают, какие стороны действительности, в какой последовательности необходимо изучать, для того чтобы от внешнего явления проникнуть в глубь, в сущность. Этот процесс трудоемкий, и чем сложнее избранный нами объект исследования, тем труднее проникнуть в его сущность [3, с. 143–152]. А ведь это важнейшее условие постижения истины и целесообразной человеческой деятельности в любой сфере действительности. Сегодня это положение особенно важно в силу того, что сложнейшие процессы социального бытия порой объясняются не только в СМИ, но и в ряде научно-методических изданий на уровне явлений, носят описательный характер и не раскрывают внутренние глубинные закономерные связи и отношения. Это элемент манипулирования человеком, сокрытие от него истины. Такая ситуация в любой сфере действительности чревата трагедией.

В процессе познания человек сталкивается с теми или иными единичными, конкретными явлениями, вещами. Под *единичным* (отдельным) понимаются относительно обособленные предметы или процессы, обладающие такими признаками, конкретная совокупность которых придает им индивидуальные черты, дает возможность отличить данный объект от другого (например, военнослужащий Александр Яковлев, мотострелковый батальон, оборона Брестской крепости и т. п.).

Сравнение определенных явлений, вещей позволяет обнаружить у них и одинаковые черты, сходные свойства. Такое единство устойчивых, повторяющихся одинаковых признаков, характерных для множества однородных явлений, выражается категорией *общего*. Наличие общих признаков позволяет объединять предметы, процессы в различные классы, группы (военнослужащий Республики Беларусь, военный конфликт, оборонительная операция и т. п.).

Внутри общего (родового) могут иметь место и общности меньшего порядка (видовые),

со спецификой, присущей лишь определенной группе вещей данного рода. Такие специфические признаки, которые отличают вид от рода, разновидность от вида и т. п., отражаются категорией *особенное*. Особенное является своеобразным связующим звеном между единичным и общим. По отношению к единичному оно выступает как общее, а по отношению к более широкому общему (родовому) как единичное. Отвлекаясь от особенных черт, мы постепенно переходим от единичного к общему (операция «Багратион» – наступательная операция – военные действия и т. д.).

Единичное и общее находятся в тесной диалектической взаимосвязи, с различных сторон характеризуют каждое отдельное явление. Связь этих категорий выступает как закон бытия и познания, имеющий важное методологическое значение. Знание категорий «единичное» и «общее» позволяет правильно осмыслить логику, поступательность процесса познания, важную роль общих понятий науки. Познание нового, как правило, начинается с исследования отдельных предметов и явлений, выявления их различных черт, свойств. Оно идет от целостной, но не глубокой характеристики к вычленению в каждом явлении его общих и особенных черт, к последующему синтезу общих характеристик в соответствующих научных понятиях. Наряду с этим в познании применимо изучение процессов на базе использования общих законов для проникновения в сущность единичных явлений, событий. Категории «единичное», «особенное» и «общее» важны и для военно-политической практики. Руководство республики осуществляет военное строительство с учетом диалектики общего и особенного. В этом можно убедиться при анализе базовых документов в области НБ (Концепция национальной безопасности и Военная доктрина Республики Беларусь) [4]. В системе идеологической работы в Вооруженных Силах задачи решаются с учетом взаимосвязи единичного (отдельного) с общим, особенностей контингентов военнослужащих и решаемых задач.

Анализируя явления объективного мира, можно заметить, что в цепи событий существует определенная последовательность: за одним движением следует другое, одно событие вызывает, порождает другое, служит его причиной. *Причина* – это такое явление, которое вызывает, порождает другое явление или изменяет существующее явление. Причинность (каузальность) – одна из форм всеобщей закономерной связи явлений объективного мира, при которой всякий раз, когда существует одно явление, за ним неизбежно следует другое.

Причина вызывает следствия. *Следствие* – это то, что возникает под воздействием причины,

что порождается соответствующим взаимодействием вещей. В конечном счете это всегда новое движение, новое взаимодействие. Так, например, война как крайняя форма социального насилия вызревает на основании комплекса причин и вызывает целый ряд следствий в трансформации политической, экономической, социальной и духовной сфер жизни общества.

Причинно-следственные связи всеобщие, они действуют в природе, обществе, человеческом мышлении. По своему характеру причины могут быть внутренними и внешними, главными и второстепенными, общими и специфическими, существенными и несущественными, объективными и субъективными. При анализе причин необходимо отличать их от *условий*, в которых происходит действие, а также от *повода* – события или явления, предшествующего другому событию, но не порождающего его, а лишь ускоряющего проявление причины.

Причины и следствия неразрывно связаны. Эта связь носит противоречивый характер. Однако в данном противоречии причина является ведущей стороной, следствие всегда зависит от причины. Следствие может быть результатом целого комплекса причин. Одна причина может вызвать несколько следствий. Вместе с тем связь между причиной и следствием носит характер взаимодействия, а не одностороннего воздействия причины на следствие. При определенных условиях причина и следствие могут как бы меняться местами: следствие становится причиной других явлений, а причина возникает как следствие закономерного хода развития процесса. Учение о закономерной связи, причинной обусловленности явлений называется *детерминизмом*.

Диалектику причинно-следственных связей выражает закон: причинно-следственная связь носит всеобщий характер – все имеет свою причину, причем любая причина выступает как следствие других причин, а следствие – как причина других следствий. Методологическое значение данного закона многопланово. Поскольку причинно-следственная связь – всеобщий объективный закон, то нахождение этой закономерной связи есть важнейшая цель научного познания. Закон требует вскрывать объективные причинно-следственные связи, устанавливать их характер, помня, что причинно-следственные связи многообразны. В практической деятельности закон требует полнее и глубже определять причины, условия, факторы, влияющие на практику, уяснять цели деятельности, предвидеть ее возможные результаты, уметь использовать следствия, возникающие в результате действия объективных причин.

Кроме причинно-следственных связей существуют и другие. Связи, с которыми сталкивается

познающий субъект, могут быть необходимыми и случайными. *Необходимость* – это внутренняя устойчивая связь явлений, процессов, определяющая их закономерное изменение и развитие. Это то, что неизбежно должно произойти. Напомним, что ведение боя, операции, военного конфликта определяют не случайные, а существенные, необходимые связи, поэтому вся деятельность военных кадров строится на основе познания необходимости, требований объективных законов подготовки и ведения военных действий [5].

Как в научной, так и в практической деятельности стоит также учитывать, что необходимость тесно связана со случайностью, что реальные события есть переплетение необходимости и случайности. *Случайность* – это то, что возникает под действием побочных, второстепенных для данного процесса причин, что может произойти, а может не произойти, уступив место другому. Так, законы войны и вооруженной борьбы пробивают себе дорогу через ряд случайностей, порождаемых действиями своих войск, противника, неожиданными изменениями погоды и т. д.

Необходимость и случайность объективны и диалектически взаимосвязаны. Они могут переходить друг в друга. Одно и то же явление в различных связях может выступать или как необходимое, или как случайное. Необходимость проявляется через случайности. Случайность есть форма проявления необходимости.

Диалектика необходимости и случайности представляет собой закон. Согласно ему, необходимость объективна и носит всеобщий характер: необходимость прокладывает себе дорогу через массу случайностей; случайность есть дополнение и форма проявления необходимости. Понимание категорий необходимости и случайности и закона их взаимосвязи имеет существенное методологическое значение. В процессе познания следует стремиться за случайными явлениями открывать необходимые, закономерные связи, тенденции развития объективной реальности. В практической деятельности следует действовать на основе познания необходимости и вместе с тем учитывать влияние на ход процессов, явлений возможных случайностей. Умение видеть их в явлениях, процессах военно-силового противоборства – важнейшее условие успешного руководства войсками.

Углубление в изучение предметов, процессов окружающего мира ведет к познанию их содержания и формы. *Содержание* – это совокупность всех составных элементов, свойств, состояний, событий данного предмета, процесса. В процессе познания мы стремимся охватить все содержание исследуемого объекта, хотя пробле-

матично проанализировать его сразу и целиком. Для этого необходимо обратиться не только к содержанию, но и к форме изучаемых явлений.

Форма – это способ существования и выражения данного содержания, относительно устойчивая определенность связи элементов содержания и их взаимодействия. Так, вооруженная борьба осуществляется в форме наступления, обороны и т. п. Познание формы помогает глубже отразить содержание.

Связь содержания и формы противоречива, это показывает особенности познавательного процесса. Между старой формой и новым содержанием идет борьба, которая завершается отрицанием отжившей формы. Так, появление средств огневого поражения с большим радиусом воздействия, беспилотных летальных аппаратов потребовало изменить формы организации войск, боевых порядков, способы ведения военных действий.

Взаимосвязь содержания и формы выражает диалектический закон: всякое содержание оформлено, всякая форма содержательна. При этом содержание определяет форму, а форма активно влияет на содержание. Категории и закон взаимосвязи содержания и формы выполняют важные методологические функции. В познании они требуют глубокого анализа содержания изучаемых явлений, определения их внешней и внутренней формы. Они лежат в основе научных приемов формализации и в то же время предостерегают от крайностей формализма, отрыва форм от содержания. В практической деятельности они ориентируют на развитие наиболее совершенных, соответствующих новому содержанию форм, на необходимость соблюдения осторожности при ломке старых форм. Следует проявлять диалектическую гибкость в использовании различных форм деятельности, не преувеличивать роль формы в ущерб ее содержанию.

В процессе познания и практики важная роль отводится категориям «возможность» и «действительность». Категория *возможность* отражает существующие в предметах, процессах тенденции, которые при определенных условиях способны воплотиться в жизнь, породить нечто иное, новое. Это то, что может произойти необходимым или случайным образом. Возможность реализуется в действительность. Так, возможности инноваций в военном строительстве определяются тенденциями развития международных отношений, военно-политической и стратегической обстановки.

Действительность – это осуществленная, реализованная возможность. Реализация возможности в действительность происходит в борьбе противоречивых тенденций, условий, что затрудняет процесс предвидения. Возможности делятся

на две основные группы: реальные и абстрактные. Так, первые вытекают из действия объективных закономерностей, и для их превращения в действительность имеются достаточные условия. Вторые также вытекают из действия объективных законов, но для превращения их в действительность в данное время нет достаточных условий, а некоторые из них могут быть реализованы лишь в исключительных, идеальных условиях.

Ведущая сторона диалектики возможности и действительности есть действительность, так как она является реализованной возможностью и представляет собой источник новых возможностей. В процессе развития возможность и действительность превращаются друг в друга. В любом предмете, процессе имеется не одна, а множество возможностей. Какая из них будет реализована в действительность, зависит от целого ряда как внутренних, так и внешних факторов. Важно учитывать, что реальные возможности при определенных условиях могут перейти в формальные и даже превратиться в невозможные.

Закон взаимосвязи возможности и действительности утверждает: возможность действительна, а действительность возможна. Развитие есть переход возможности в действительность, которая, в свою очередь, порождает новые возможности. Методологическое значение категорий возможности и действительности и закона их взаимосвязи в том, что в области познания они помогают правильно вскрывать и оценивать тенденции в развитии явлений действительности, определять степень вероятности той или иной возможности, предвидеть будущее. На практике знание данной закономерной зависимости требует осуществлять деятельность людей на научной основе, исходить из правильно взвешенных реальных возможностей. Не стоит забывать, что в отличие от природы, где превращение возможности в действительность происходит в целом стихийно, в человеческом обществе существенную роль играет субъективный фактор.

Процесс теоретического исследования и практическая деятельность человека с необходимостью предполагают проникновение в глубь изучаемого объекта. Выполнению этой задачи наряду с другими категориями диалектики способствуют философские категории «сущность» и «явление».

Явление – это внешняя, более подвижная сторона вещи или события, непосредственно данная человеку в ощущениях, это внешнее обнаружение сущности. Любой новый предмет предстает перед нами вначале как совокупность явлений – внешних признаков. Необходимо выяснить, что скрывается за этими явлениями, какова их суть?

Сущность – это основа существования явлений, совокупность внутренних, устойчивых,

определяющих связей, выражающих общие и специфические черты ряда явлений. Сущность постигается посредством абстрактного мышления, посредством логических форм и методов. Ее познание требует серьезных усилий. В современных условиях практически обыденным явлением в мире стали военные конфликты, сущность которых можно определить через анализ проводимой политики противоборствующими сторонами, так как она скрыта от непосредственного восприятия.

Проникая в явление, человек вместе с тем проникает и в сущность. Однако от восприятия явления до проникновения в их основу – те связи, которые определяют это явление, – большое расстояние. Важно отличать объективно существующее явление от видимости (кажимости). *Видимость* – это поверхностный, а нередко и субъективно искаженный образ явления.

Явление и сущность диалектически взаимосвязаны, их взаимоотношение противоречиво. Явление богаче, а сущность беднее, но глубже явления. Явление более подвижно, изменчиво, а сущность значительно постояннее. Сущность и явление никогда полностью не совпадают. Сущность – наиболее важная, глубинная сторона, грань, связь в предмете, а явление – внешняя сторона предмета, события. По своему содержанию сущность стоит рядом с законом, так как закон отражает устойчивые связи предметов и явлений материального мира. Сущность сама носит противоречивый характер, в силу чего может изменяться в процессе развития.

Соотношение сущности и явления выражает закон диалектики, суть которого в том, что сущность составляет основу явления, а явление выступает как внешнее выражение сущности. Понимание взаимосвязи сущности и явления имеет важное методологическое значение. В познании оно показывает направление движения мысли человека. Закон взаимосвязи явлений и сущности требует не останавливаться на рассмотрении явления, а идти к познанию сущности. В сфере практики знание диалектики этих категорий позволяет видеть и выделять главное, определяющее, находить основное звено, помогает за внешними событиями, за случайными фактами видеть внутренние основы (связи) возникающих явлений и эффективно влиять на них.

Заключение. Таким образом, знание и применение категорий диалектики вооружают человека научными знаниями, мировоззрением и рациональным методом исследования. Выявление связей категорий, осознание этих связей в качестве законов бытия и познания, их целенаправленное использование позволяет решать как теоретические, так и практические задачи. Заметим, что понимание и применение основных

категорий диалектики является очень сложной теоретической и практической задачей. Параметры статьи позволили лишь контурно обозначить их созидательную роль в социальной практике. Категории диалектики имеют важное значение для управленческих кадров сферы национальной

и военной безопасности. Они направляют всесторонний анализ явлений ВС НБ, способствуют принятию оптимальных решений в области военного строительства, отвечающего на вызовы современной и перспективной военно-политической действительности.

Список литературы

1. Ксенофонтов В. А. Военная сфера национальной безопасности: моногр. Минск: ВА РБ, 2024. 365 с.
2. Акулов В. Л. Диалектический материализм как система: Опыт теоретического анализа. Минск: Университетское, 1986. 319 с.
3. Актуальные проблемы диалектического материализма: учеб. пособие. М.: ВПА им. В. И. Ленина, 1983. 268 с.
4. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь. Военная доктрина Республики Беларусь. Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2024. 128 с.
5. Тюшкевич С. А. О законах войны (вопросы военной теории и методологии). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2018. 352 с.

References

1. Ksenofontov V. A. *Voyennaya sfera natsional'noy bezopasnosti: monografiya* [Military Sphere of National Security: monograph]. Minsk, VA RB Publ., 2024. 365 p. (In Russian).
2. Akulov V. L. *Dialekticheskiy materializm kak sistema: Opyt teoreticheskogo analiza* [Dialectical Materialism as a System: Experience of Theoretical Analysis]. Minsk, Universitetskoe Publ., 1986. 319 p. (In Russian).
3. *Aktual'nyye problemy dialekticheskogo materializma: ucheb. posobiye*. [Actual Problems of Dialectical Materialism: textbook]. Moscow, VPA im. V. I. Lenina Publ., 1983. 268 p. (In Russian).
4. The Concept of National Security of the Republic of Belarus. Military Doctrine of the Republic of Belarus. Minsk: Nats. tsentr pravovoy inf. Resp. Belarus' Publ., 2024. 128 p. (In Russian).
5. Tyushkevich S. A. *O zakonakh voyny (voprosy voyennoy teorii i metodologii)* [On the Laws of War (issues of Military Theory and Methodology)]. Moscow, Prospekt Publ., 2018. 352 p. (In Russian).

Информация об авторе

Ксенофонтов Владислав Анатольевич – кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры идеологической работы и социальных наук. Военная академия Республики Беларусь (220057, г. Минск, пр-т Независимости, 220). E-mail: nksena777@gmail.com

Information about the author

Ksenofontov Vladislav Anatol'yevich – PhD (Philosophy), Associate Professor, Professor, the Department of Ideological Work and Social Sciences. Military Academy of the Republic of Belarus (220, Nezavisimosti Ave., 220057, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: nksena777@gmail.com

Поступила 09.09.2024

УДК 316.22

М. В. Подручный

Белорусский государственный технологический университет

ДЖ. С. МИЛЛЬ КАК МЕТОДОЛОГ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

В статье рассматриваются проблемы становления предмета и метода социологии как самостоятельной науки и роль философии позитивизма Дж.С. Милля в этом процессе. В качестве логика и методолога Милль принимает участие в спорах об онтологическом и эпистемологическом статусе предмета социально-гуманитарного познания. В статье рассматриваются положения индуктивной логики Милля, которые становятся основополагающими принципами методологии когнитивной социальной науки и критики социологического объективизма.

Публикация содержит обзор современных подходов к анализу роли философского позитивизма в дискуссии о когнитивных аспектах социологического познания. В частности, в статье выявлены мировоззренческие основания индуктивистской методологии социально-гуманитарного познания, раскрыты основные принципы идеологии индивидуализма и систематизированы их методологические импликации. Автор уделяет особое внимание заочной полемике представителей антипсихологизма (К. Р. Поппера, К. Маркса) в социологии и сторонников миллевской трактовки философских оснований социального и гуманитарного познания. Самоопределение социологии как поведенческой науки о человеке требует явного или латентного постулирования модели человеческой субъектности и, как следствие, допускает наличие психологических факторов в числе тех, которые определяют коллективные феномены поведения.

Ключевые слова: Дж. С. Милль, позитивизм, когнитивная социология, индуктивизм, индивидуализм, этология, социальное действие.

Для цитирования: Подручный М. В. Дж. С. Милль как методолог социологического познания // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2024. № 2 (287). С. 101–105.

DOI: 10.52065/2520-6885-2024-287-19.

M. V. Podruchny

Belarusian State Technological University

J. S. MILL AS A METHODOLOGIST OF SOCIOLOGICAL COGNITION

The article deals with the problems of the formation of the subject and method of sociology as an independent science and the role of J.S. Mill's positivist philosophy in this process. As a logician and methodologist, Mill takes part in disputes about the ontological and epistemological status of the subject of socio-humanitarian cognition. The article discusses the provisions of Mill's inductive logic, which become fundamental principles of the methodology of cognitive social science and the critique of sociological objectivism. The paper attempts to review modern approaches to analyzing the role of philosophical positivism in the discussion of cognitive aspects of sociological cognition.

The article provides an overview of modern approaches to analyzing the role of philosophical positivism in the discussion of cognitive aspects of sociological cognition. In particular, the article reveals the worldview foundations of inductivist methodology of socio-humanistic cognition, reveals the main principles of the ideology of individualism and systematizes their methodological implication. The author pays special attention to the extramural polemics between the representatives of antipsychologism (K. R. Popper, K. Marx) in sociology and the supporters of the Mille's interpretation of the philosophical foundations of social and humanitarian cognition. Sociology's self-definition as a behavioral science of man requires explicit or latent postulation of a model of human subjectivity and, as a consequence, allows for the presence of psychological psychological factors among those that determine collective phenomena of behavior.

Keywords: J. S. Mill, positivism, cognitive sociology, inductivism, individualism, ethology, social action.

For citation: Podruchny M. V. J. S. Mill as a methodologist of sociological cognition. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2024, no. 2 (287), pp. 101–105 (In Russian).

DOI: 10.52065/2520-6885-2024-287-19.

Введение. Зарождение социологии как науки можно проследить по работам такого исследователя, как О. Конт. Как представитель позитивистского подхода, он разработал общий способ исследования общества, назвав социологию

«властительницей всех наук» и предположив, что, как самая возвышенная из всех наук, она будет использовать «позитивистскую» стратегию восприятия, экспериментирования и синтеза комплексных методик для объяснения человеческих

действий. Социология как самостоятельная дисциплина зародилась в XIX в. благодаря вкладу четырех ученых, а именно О. Конта, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма и М. Вебера. Каждый из этих ученых сосредоточился на социологических проблемах, с которыми сталкивались люди на протяжении XIX и середины XX в. Этот вклад стал предпосылкой, на которой была основана современная социология.

Однако среди неочевидных основоположников социологии можно упомянуть Дж. С. Милля как одного из выдающихся ученых, занимавшихся вопросами рационального и логического познания в середине XIX в. Он обосновал систему логики, которая впервые была опубликована в 1843 г. и воспроизводилась в различных изданиях многократно. Система состоит из обширной трактовки логического познания и логической индукции в рамках эмпирической традиции. Его вклад в социологию был отмечен выпуском книги «Логика нравственных наук», в которой он охарактеризовал социологию как дисциплину, занимающуюся изучением человеческих душ, характеров и деятельности. Общая идея Милля заключалась в том, чтобы изложить принципы психологии и прийти при этом к более социологической перспективе объяснения человеческих действий.

Милль заслуживает упоминания в качестве основоположника социологии за свой глубокий вклад в развитие методологии социальных наук. Его попытка внести социальные явления в психологическую перспективу имело решающее значение для развития социологии. Милль также использовал знания психологии, чтобы объяснить, что побуждает людей действовать так, как они действуют, взаимодействуя друг с другом. Помимо выведения законов, Милль подчеркивал необходимость использования эксперимента для понимания личностного и межличностного взаимодействия людей. Однако следует отметить, что такой подход в середине XIX в. не был очевидным; большинство социологов отвергали и критиковали его позицию о необходимости проведения экспериментов и отказа от дедуктивных рассуждений. Ученые, выступавшие против позиции Милля, придерживались идеи антипсихологизма. К числу таких авторов и ученых относятся К. Маркс, М. Вебер, Уоткинс, Л. фон Мизес, К. Р. Поппер, Менгер, фон Хайек, Будон, Эльстер и другие. К. Р. Поппер – один из тех ученых, которые решительно выступили против идеи психологизма Милля, способствуя восстановлению автономии социологии и социальных законов. Однако миллевская программа и идеология интеграции психологизма в социологию была принята несколькими учеными, начиная с 1970-х гг.

Основная часть. Зарождение когнитивной социологии и вклад Джона Стюарта Милля. Истоки когнитивной социологии можно проследить

по публикациям в области социологии знания, социологии культуры, когнитивной и культурной антропологии. Кроме того, значительный вклад в развитие этой дисциплины внесла и недавняя литература по социологии культуры и когнитивной науке. Финн и Михеенкова отмечают, что ученых часто больше волнуют процессы реификации [1, р. 115]. По мнению Свингуода, эту тенденцию можно связать с локусом когнитивных процессов в человеке, который был предметом споров среди ученых [2, р. 176]. Вероятно, ученые стремятся понять когнитивные процессы в попытке выяснить, как люди придают смысл различным явлениям в обществе.

В центре внимания социальных наук находятся последствия действий человека в обществе. Автор подразумевает, что социологи часто делают выводы и разрабатывают объяснения различных явлений на основе того, как они влияют на личные и межличностные отношения людей. Далее автор подчеркивает, что никто не может возразить или предоставить разумное обоснование против объяснений, которые дает социальная наука. Это утверждение подразумевает, что социальная наука как академическая дисциплина является на сегодняшний день самым надежным источником информации о человеческих действиях и значениях, придаваемых этим действиям. Культура при этом воспримается как среда, через которую формируются действия индивидов.

Базовой методологической гипотезой понимания основных принципов социального познания является небезосновательное утверждение, что культура влияет на то, что и как люди делают в обществе. Социологи придерживаются мнения, что действия людей определяются тем, как они поступают в той среде, в которой живут, а не тем, что они хотят делать или чего они хотят для себя. Напротив, психологи придерживаются мнения, что индивид действует определенным образом под влиянием своих личных установок и стилей личности. Можно сделать вывод, что развитие когнитивной социологии имеет корни в интеграции как социологических, так и психологических принципов. Социологи должны искать психологический механизм, побуждающий индивидов действовать определенным образом, который является общим для группы людей.

Джон Стюарт Милль заслуживает признания за свой глубокий вклад в развитие методологии социальных наук. Добавление Миллем психологической перспективы имело решающее значение для развития социологии. Исследователи, придерживающиеся психологической перспективы, исходят из того, что разные общества имеют различное мировоззрение. По их мнению, различия в мировоззрении можно объяснить различными аспектами, включая географическое положение обществ, их религии или генетические

особенности. Далее можно выделить два мировоззрения: индивидуализм и коллективизм – последнее из которых в явном виде содержит ориентацию поведения человека на других. Последующие исследования смогли найти объяснение феномену, сосредоточившись на индивидуальных качествах человека, чтобы понять причины его социальных действий.

Индивидуализм – это мировоззрение, которое воспринимает человека как центр анализа человеческих действий. Люди несут индивидуальную ответственность за результаты своих действий, и поэтому им необходимо прилагать усилия, чтобы поступать правильно и следовать своим интересам. Критический анализ этого аргумента показывает, что это пример психологической точки зрения для объяснения того, почему человек поступает так, как он поступает. Подобные предположения основываются на идее Дж. С. Милля об объединении психологических постулатов для объяснения социальных действий человека в обществе.

Милль также использовал знания психологии, чтобы объяснить, что побуждает людей действовать так, как они действуют, взаимодействуя друг с другом. Милль утверждал, что личности людей напрямую связаны с причинно-следственными законами среды, в которой они живут, учитывая, что причинно-следственные законы могут узаконить их догадки. Он выделил два уровня, с которых человек может гипотетически представлять себе функции мозга. Это нижний уровень, который подразумевает базовое исследование характера человека, и верхний уровень, который подразумевает изучение рудиментарных законов психики. Можно объяснить разницу в характерах людей, выведя законы этологии из принципов психологии. Помимо выведения законов, Милль подчеркивал необходимость использования эксперимента для понимания личностного и межличностного взаимодействия индивидов.

Интеграция психологизма с социологией. Следует признать значимость интеграции психологизма и социологии Милля и отметить, что когнитивная социология внесла огромный вклад в интеллектуальное развитие социальных наук. Развитие когнитивной социологии способствовало многочисленным трансформациям и достижениям в области социальных наук. Среди ключевых областей, на которые повлияло развитие когнитивной социологии в плане прогресса подходов и методик, можно выделить изучение социальных норм, социальных трансформаций, безопасности в обществе и организации социальной структуры. Однако существует различие между когнитивной социологией и когнитивной социальной психологией. Рассмотрение этих двух подполей социологии может оказаться полезным для понимания когнитивного развития социологии.

Когнитивная социальная психология в основном занимается познанием человека и тем, как он или она воспринимает непосредственное окружение. Когнитивные социальные психологи используют основные цели, мотивы, чувства, потребности и контекст, в котором действует человек, для объяснения его действий. Согласно когнитивной социальной психологии, характеры и поступки индивидов являются результатом процесса социализации в ближайшие окружения. Напротив, когнитивная социология предполагает анализ процессов, посредством которых поведение индивидов формируется в ходе их взаимодействия с другими людьми.

Кроме того, К. Р. Поппер утверждал, что область психологии должна быть подвергнута редукции, чтобы интерпретировать концепцию с социальной точки зрения, а не наоборот. Его аргумент существенно противоречит идее психологизма Милля, который предлагает редуцировать социологические понятия и объяснять их с точки зрения психологии.

Поведение человека в обществе зависит от действий, которые совершают другие люди в его окружении. Действия людей в основном определяются их способностью анализировать и оценивать культурные ценности и стандарты поведения, установленные обществом. Манера поведения индивидов во многом определяется тем, как они социализированы, чтобы верить или понимать общественные ценности.

Необходимо отметить, что в середине XIX в. большинство ученых не были хорошо знакомы с социологическими концепциями, что заставляет задуматься о том, как Милль относился к созданию социологии. Бринтон и Ни отмечают, что основатели социологии, предположительно, не имели достаточного количества фактов или принципов, которые они могли бы использовать в качестве основы для этих исследований [3, р. 14]. Клеменс упоминает, что наиболее жизнеспособным предметом, который он мог бы взять за основу исследования, была политическая экономия, поскольку в то время она была одной из главных тем в жизни людей и обществ [4, р. 531]. Предметы, которые современные социологи рассматривали для изучения и объяснения, возникли в результате смены парадигмы в отношении социологических тенденций в обществе. Смена фокуса внимания ученых с политэкономии на другие социологические аспекты привела к развитию дисциплины «Политология», занимающейся подходами, которые люди используют для управления политическими отношениями в конкретной стране.

Милль был особенно увлечен идеологией, выдвинутой О. Контом – ученым, который ввел в философскую дисциплину понятия социального взаимодействия между людьми и позитивизма.

Милль открыто признает себя адептом контовской исследовательской программы. Однако идеология и метод, разработанные О. Контом, не придали достаточной значимости тем общественным явлениям, которые исследовали ученые-социологи – современники Конта. Одной из основных задач, которую ставил перед собой Конт, было изучение правовых аспектов, играющих роль в социальных изменениях, однако такой подход Конта был слишком сложным для понимания принципов социологии.

Когнитивное развитие социологии также характеризовалось тем, что Милль одобрил идею предсказания в области науки. Его одобрение было очевидным, когда он ссылаясь на раздел в книге Кондорсе, в котором говорится о жизне-способности предсказаний и ожиданий в области науки и истории. Кондорсе проводит прямую параллель между пределом предвидения в некоторых обычных науках (например, в космической науке) и развитием истории; при этом предполагается, что история действительно была создана людьми. Далее Милль говорит о том, что людям крайне необходимо принять законы поведения и использовать их для предвидения истории (Книга VI). Вклад Милля в развитие социологии также отмечен его утверждением, что социальные достижения являются результатом деятельности и практики каждого человека. По его словам, объяснить отдельные действия возможно, обратившись к законам, которые можно найти в изучении функций мозга, науке и этологии (искусстве совершенствования человека). Из этого утверждения следует, что изучение социального взаимодействия должно быть направлено на исследование законов поведения, на которые можно опереться, чтобы предвидеть поведение людей и социальные результаты.

Кроме того, концепция закона и закономерности сыграла важную роль в развитии социологии. Это произошло в том смысле, что Милль, как и другие социологи, был убежден, что социология – как и любая другая область науки – характеризуется раскрытием законов и закономерностей. Использование совокупности восприятий для выявления закономерностей и рассмотрение этой процедуры как научного действия противоречит логике. По этой причине Милль и другие ученые предположили, что социология должна интегрировать раскрытие законов социального поведения и социального прогресса.

Развитие социологии определяется полемикой в решении следующих вопросов. Во-первых, подчиняются ли действия индивидов, а также другие характерные случаи вечным законам? Во-вторых, является ли эта согласованность с причинностью действий основой для создания обоснованной логической гипотезы? Милль, по-видимому, согласен с тем, что существует не-

сколько законов, регулирующих поведение индивидов, и решения, которые они принимают в своей повседневной жизни. Социологи XIX и XX вв. придерживались мысли о том, что основной принцип гуманитарных наук заключается в определении наилучшего подхода к применению законов для всего общества. Этот процесс подразумевает исследование законов деятельности и этологии индивида в соотношении с ценностями общества. Поэтому от социальных исследователей требуется прояснить конкретные моменты синтетического состояния общества.

Миллевская концепция и идеология интеграции перспективы психологизма в социологию была принята несколькими учеными, начиная с 1970-х гг. Ключевым среди сторонников этой идеологии был Гольдштейн, который известен тем, что осудил позицию Уоткина об анонимности социальных объяснений. По мнению Гольдштейна, независимость методологий достаточна для доказательства важности ментальных атрибутов в прояснении и изображении социальных оснований. Гольдштейн утверждает, что манера, в которой другие ученые ссылаются на неизвестные ориентиры, не совсем подходит для установления методологической независимости. Он ставит под сомнение убедительность аргументов, выдвигаемых противниками перспективы психологизма Милля в социологии.

Критики Джона Стюарта Милля. Другие люди, также внесшие вклад в развитие социологии, отвергали и критиковали позицию Милля о необходимости проводить эксперименты и не полагаться на дедуктивные рассуждения. Ученые, выступавшие против позиции Милля, придерживались идеи антипсихологизма. К числу таких авторов и ученых относятся К. Маркс, М. Вебер, Уоткинс, Л. фон Мизес, К.Р. Поппер, Менгер, Л. фон Хайек, Будон, Эльстер и др. Эти авторы выступали, в частности, против психологизма Милля и его предложения свести социальные действия индивидов к причинно-следственным механизмам, происходящим в сознании человека. Они придерживались противоположного мнения, что люди – это социальные существа, а их действия обусловлены социальными драйвами – факторами окружающей среды, которые предрасполагают их к определенным действиям.

Выступая против психологизма Дж. С. Милля, К. Р. Поппер утверждал, что К. Маркс, как выдающийся социолог, добился больших успехов, критикуя психологизм Милля и способствуя тем самым восстановлению автономии социологии и социальных законов. По его мнению, Дж. С. Милль принижал принципы, на которых построена социология, делая слишком много выводов на основе психологических принципов. Исходя из его аргументации, Поппер воспринимает предложения

Милля как «регрессивный процесс в развитии социологии и упоминает, что социологи когда-то придерживались идеала, согласно которому действия индивидов определяются социальными ценностями и ожиданиями общества» [5, р. 163]. Для подтверждения своей точки зрения автор ссылается на теорию рационализации Макса Вебера и волонтаристскую теорию действия Т. Парсонса, которые констатируют, что поведение индивида мотивировано его желаемыми целями. Поппер придает значение концепции культуры как сыгравшей ключевую роль в определении хода развития когнитивной социологии.

Поппер связывает недостаток идеи психологизма Милля с утверждением, что все социологические явления и социальные нарушения должны быть сведены к психологическим законам и психологическим феноменам на основе принципа методологического индивидуализма. Его идея в какой-то мере перекликается с утверждением в отношении культуры и религии. Индивиды могут иметь общие интересы только в том случае, если они способны признать различия в своих культурах и приложить усилия для трансформации своих взглядов на эти различия. Автор также приписывает культуре создания социальных связей и границ, индивидов и групп. Таким образом, он указывает, что культура играла центральную

роль в определении социологических концепций и развитии когнитивной социологии. Это произошло в том смысле, что культура повлияла на то, как индивиды взаимодействовали и относились друг к другу, диктуя, что они должны делать в каждой ситуации. Поппер также обвинил Милля в том, что тот слишком полагался на исторический подход при разработке концепции психологизма, основной постулат которой опирается на идею существования человеческой природы и индивидуальной психологии до создания общества.

Заключение. Целью данной работы было предложить более глубокое понимание вклада Джона Стюарта Милля в когнитивное развитие социологии. Из этого исследования следует, что, по мнению Милля, все институты и системы, составляющие общество, должны быть объяснены с точки зрения действий и ментальных процессов индивида. Это предложение подразумевало, что социологические явления следует понимать или рассматривать не в социальном контексте, а с точки зрения индивида. То есть психические процессы, черты характера и общие черты личности определяют то, что происходит между людьми в обществе, и именно они должны быть в центре внимания для понимания причин, по которым люди придерживаются определенных убеждений или принадлежат к различным культурам.

Список литературы

1. Finn V. K., Mikheyenkova M. A. Plausible Reasoning for the Problems of Cognitive Sociology // *Logic and Logical Philosophy*. 2011. Vol. 20. P. 111–137.
2. Swingewood A. Origins of Sociology: The Case of the Scottish Enlightenment // *The British Journal of Sociology*. 1970. Vol. 21. P. 164–180.
3. *The New Institutionalism in Sociology*. New York: Russell Sage Foundation, 1998. 29 p.
4. Clemens E. S. Toward a Historicized Sociology: Theorizing Events, Processes, and Emergence // *Annual Review of Sociology*. 2007. Vol. 33. P. 527–549.
5. Popper K. R. *Evolutionary Epistemology, Rationality, and the Sociology of Knowledge*. Chicago, IL: Open Court Publishing. 1987. 231 p.

References

1. Finn V. K., Mikheyenkova M. A. Plausible Reasoning for the Problems of Cognitive Sociology. *Logic and Logical Philosophy*, 2011, vol. 20, pp. 111–137.
2. Swingewood A. Origins of Sociology: The Case of the Scottish Enlightenment. *The British Journal of Sociology*, 1970, vol. 21, pp. 164–180.
3. *The New Institutionalism in Sociology*. New York, Russell Sage Foundation Publ., 1998. 29 p.
4. Clemens E. S. Toward a Historicized Sociology: Theorizing Events, Processes, and Emergence. *Annual Review of Sociology*, 2007, vol. 33, pp. 527–549.
5. Popper K. R. *Evolutionary Epistemology, Rationality, and the Sociology of Knowledge*. Chicago, IL, Open Court Publishing Publ., 1987. 231 p.

Информация об авторе

Подручный Михаил Викторович – старший преподаватель кафедры философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: pmichail720@gmail.com

Information about the author

Podruchny Mikhail Viktorovich – Senior Lecturer, the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: pmichail720@gmail.com

Поступила 11.09.2024

УДК 347.78

Л. А. Кулис

Белорусский государственный технологический университет

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ОДНОСТОРОННЕГО ОТКАЗА ОТ ДОГОВОРА

В статье рассматриваются актуальные вопросы правовой природы одностороннего отказа от договора, правовые основания и условия применения данного способа прекращения договорных отношений, его преимущества и недостатки для предсказуемости отношений и стабильности деятельности субъектов хозяйствования. Анализируются изменения в законодательстве, направленные на усиление связи права на односторонний отказ от договора с общегражданским принципом добросовестности и разумности сторон, а также касающиеся некоторых особенностей реализации данного субъективного права. Обращается внимание на то, что любые нарушения установленного законодательством или соглашением сторон порядка одностороннего отказа от договора могут быть оспорены в суде путем заявления требования о признании несостоявшимся отказа от договора. Делается вывод о целесообразности закрепления на законодательном уровне в качестве альтернативы возмещению убытков возможности взыскания компенсационных выплат в определенных пределах в пользу стороны, потерпевшей от злоупотребления правом. В целях взаимовыгодного возобновления договорных отношений видится целесообразным обсуждение вопроса о законодательном закреплении возможности аннулирования или отзыва направленного уведомления об одностороннем отказе от договора.

Четкое и однозначное правовое регулирование одностороннего отказа от договора, включая ответственность за злоупотребление правом, соответствует интересам всех участников гражданского оборота.

Ключевые слова: договор, исполнение договора, прекращение обязательств, односторонний отказ от договора, злоупотребление правом, возмещение убытков.

Для цитирования: Кулис Л. А. Правовая природа одностороннего отказа от договора // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2024. № 2 (287). С. 106–109.

DOI: 10.52065/2520-6885-2024-287-20.

L. A. Kulis

Belarusian State Technological University

LEGAL NATURE OF UNILATERAL REFUSAL FROM A CONTRACT

The article examines current issues of the legal nature of unilateral withdrawal from a contract, legal grounds and conditions for the application of this method of termination of contractual relations, its advantages and disadvantages for the predictability of relations and the stability of the activities of business entities. Changes in legislation aimed at strengthening the connection between the right to unilateral withdrawal from a contract and the general civil principle of good faith and reasonableness of the parties are analyzed, as well as those concerning some features of the implementation of this subjective right. Attention is drawn to the fact that any violations of the procedure for unilateral withdrawal from a contract established by law or by agreement of the parties can be challenged in court by filing a claim for recognition of the withdrawal from the contract as invalid. A conclusion is made on the advisability of securing at the legislative level, as an alternative to compensation for damages, the possibility of collecting compensation payments within certain limits in favor of the party that suffered from the abuse of rights. For the purpose of mutually beneficial renewal of contractual relations, it seems appropriate to discuss the issue of legislatively securing the possibility of cancellation or revocation of a sent notice of unilateral withdrawal from a contract.

Clear and unambiguous legal regulation of unilateral refusal of a contract, including liability for abuse of rights, corresponds not only to the interests of participants in civil transactions, but also to the interests of society and the state.

Keywords: contract, execution of a contract, termination of obligations, unilateral refusal of a contract, abuse of rights, compensation for damages.

For citation: Kulis L. A. Legal nature of unilateral refusal of the contract. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2024, no. 2 (287) (In Russian).

DOI: 10.52065/2520-6885-2024-287-20.

Введение. Актуальность вопроса о правовой природе одностороннего отказа от договора обусловливается наличием как преимуществ, так и недостатков при реализации этого права в условиях усиливающихся интеграционных связей между субъектами хозяйствования. Односторонний отказ от договора активно внедряется в договорную практику и давно перестал восприниматься редким либо исключительным явлением во взаимоотношениях сторон. Закрепленное законом право на односторонний отказ от договора неразрывно связано с основополагающими принципами договорных отношений – свободой договора и автономией воли сторон при определении его условий, а также общегражданским принципом добросовестности и разумности сторон.

Основная часть. Согласно статье 390 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь, ГК РБ), договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей. К договору применяются правила о дву- и многосторонних сделках [1]. Договор считается универсальным правовым средством для реализации взаимных интересов участников гражданского оборота на взаимовыгодных для них условиях. Поэтому на уровне закона закреплена обязанность надлежащего исполнения обязательств, возникающих у участников гражданского оборота. Договор является наиболее распространенным основанием возникновения обязательств. В этой связи любая возможность прекращения договорных отношений до момента надлежащего исполнения обязательств по нему должна быть урегулирована правом максимально ясно и однозначно.

Однако при определенных обстоятельствах сторонам становится выгоднее прекратить договорные отношения и не исполнять принятые обязательства, используя расторжение договора. Основания расторжения договора названы в статье 420 ГК Республики Беларусь. К ним относятся: соглашение сторон; решение суда, принятое по требованию одной из сторон; односторонний отказ от договора полностью или частично, когда такой отказ допускается законодательством или соглашением сторон. При расторжении договора обязательства сторон прекращаются.

Из смысла фразы «односторонний отказ» следует, что этот способ прекращения договорных отношений реализуется по усмотрению одной стороны. Согласие другой стороны либо обращение в суд не требуется. Рассматривая правовую природу одностороннего отказа от договора с точки зрения содержания правоотношения, под которым понимаются субъективные права и обязанности сторон [2], следует отметить, что право одной стороны отказаться от договора не преду-

смотрена связанная с этим обязанность другой стороны. Для другой стороны имеет место лишь пассивная констатация факта прекращения всех обязательств, вытекающих из договора. Бесспорным преимуществом такого способа прекращения договорных отношений следует признать простоту его осуществления и отсутствие финансовых расходов и затрат времени на какие-либо сопровождающие формальности, которые непременно присутствуют при других способах расторжения договора.

Однако в целях обеспечения финансовой и экономической стабильности в договорных отношениях, а также для предотвращения наступления для другой стороны неблагоприятных последствий реализация права на односторонний отказ возможна при соблюдении ряда условий, закрепленных законом.

Обязательным условием реализации этого права в каждом конкретном случае является наличие прямого и однозначно закрепленного указания на возможность применения этого права в законодательстве или в соглашении сторон. Законодательство нашей страны образуют не только законы и кодексы, но и другие нормативные правовые акты, вступившие в силу в установленном порядке [3]. Следовательно, возможность одностороннего отказа от договора может быть предусмотрена любым нормативным правовым актом Республики Беларусь.

Предусмотренное законодательством либо соглашением сторон право на односторонний отказ от договора может быть безусловным либо содержащим определенные условия различной степени конкретизации. Так, например, статья 736 ГК РБ предоставляет заказчику право отказаться от исполнения договора возмездного оказания услуг при условии оплаты исполнителю фактически понесенных расходов.

Односторонний отказ от исполнения договора поставки (ст. 493 ГК Республики Беларусь) предусматривает ряд достаточно сложных условий, которые образуют существенное нарушение договора одной из сторон. Так, сторона, именуемая поставщиком по этому договору, вправе реализовать право на отказ от договора в случае неоднократного нарушения покупателем сроков оплаты товара или неоднократной невыборки им товаров. В свою очередь, покупатель может отказаться от договора при наличии условий другого характера: если поставлен товар ненадлежащего качества с недостатками, которые не могут быть устранены в приемлемый для покупателя срок, либо при неоднократном нарушении сроков поставки.

По общему правилу если основанием для одностороннего отказа от договора послужило существенное нарушение договора одной из сторон, другая сторона имеет право требовать

возмещения убытков. В некоторых договорах право на возмещение убытков связано с конкретным видом нарушения. К примеру, в соответствии со статьей 669 ГК Республики Беларусь, если подрядчик не приступает своевременно к исполнению договора подряда или выполняет работу настолько медленно, что окончание ее к сроку становится явно невозможным, заказчик вправе отказаться от исполнения договора и потребовать возмещения убытков. Кроме того, при реализации права на односторонний отказ от договора действует правило о том, что стороны не вправе требовать возмещения того, что было исполнено ими по обязательству до момента расторжения договора, если иное не установлено законодательством или соглашением сторон.

Как отмечалось выше, условие об одностороннем отказе от договора может быть согласовано сторонами и изложено в самом договоре. Стороны могут предусмотреть случаи одностороннего отказа от договора, не связанные с его нарушением. В то же время стороны могут привязать реализацию этого права с наступлением каких-либо определенных обстоятельств. Однако для того чтобы исключить споры в будущем и неопределенность в отношениях, формулировка условия договора должна быть максимально точной и однозначной. Следует признать недопустимой подмену данного конкретного основания, исследуемого в настоящей статье, – односторонний отказ от договора – двусмысленной формулировкой «одностороннее расторжение договора». Эти формулировки имеют принципиальное различие. Так как реализация права на односторонний отказ от договора в определенных случаях связывается с наличием конкретных условий или причин, то встает вопрос о необходимости подтверждения этих причин. Кроме того, соглашением сторон может быть предусмотрено соблюдение иных дополнительных формальностей, которые предшествуют одностороннему отказу от договора. Если установленная законодательством или соглашением сторон процедура или условия отказа от договора были нарушены, такой отказ может быть оспорен в суде. Отметим, что в статью 11 ГК Республики Беларусь включен дополнительный способ защиты гражданских прав – признание одностороннего отказа от договора (исполнения договора) несостоявшимся. При реализации данного права принципиальное значение имеет момент, с которого прекращаются договорные отношения, а также требования к форме уведомления.

Законом Республики Беларусь от 13.11.2023 № 312-З «Об изменении кодексов» (вступает в силу 19.11.2024 года) [4] названные условия значительно конкретизированы путем дополнения Гражданского кодекса Республики Беларусь статьей

420¹ «Односторонний отказ от договора (исполнения договора) или от осуществления прав по договору». Данная статья предписывает оформлять уведомление в той же форме, что и договор, если из законодательства или соглашения сторон не вытекает иное. Впервые на уровне закона закреплен момент расторжения договора, который связывается с моментом получения уведомления об одностороннем отказе от договора, если иное не предусмотрено ГК Республики Беларусь, иными актами законодательства или договором. Если при наличии оснований для отказа от договора сторона, имеющая право на такой отказ, не воспользовалась этим правом и подтверждает действие договора любым способом, в том числе путем принятия предложенного другой стороной исполнения обязательств, последующий отказ по тем же основаниям не допускается. В закреплении этого правила усматривается стремление законодателя смягчить неопределенность в отношениях сторон, которую непременно сопровождает право на односторонний отказ от договора.

Общегражданский принцип добросовестности и разумности, закрепленный статьей 9 ГК Республики Беларусь, сформулирован в качестве уточняющего правила в вышеуказанной статье 420¹ ГК РБ: сторона, которой предоставлено право на отказ от договора, должна при осуществлении этого права действовать добросовестно и разумно в пределах, предусмотренных законодательством или договором. Несмотря на сугубо оценочный характер категорий добросовестности и разумности и сложность их доказывания, установление факта явного отклонения от названного принципа свидетельствует о злоупотреблении правом, которое влечет негативные последствия для стороны в договоре, так как нарушает стабильность ее хозяйственной деятельности, а также нарушает ценность института гражданско-правового договора. В этой связи представляется целесообразным при установлении факта злоупотребления правом закрепить на законодательном уровне в качестве альтернативы возмещению убытков, ввиду сложности доказывания их размера, возможность взыскания потерпевшей стороной компенсационных выплат в определенных пределах. Кроме того, в сложных и изменчивых условиях осуществления хозяйственной деятельности не исключается возникновение ситуации, когда сторона, направившая уведомление об одностороннем отказе от договора, решила его аннулировать или отозвать.

Не отрицая вытекающую из законодательства принципиальную возможность возобновления договорных отношений, полагаем целесообразным урегулировать на уровне закона возможности отозвать в одностороннем порядке уведомление при соблюдении определенных взаимовыгодных

условий. Для сравнения отметим, что закреплённая в статье 40 Трудового кодекса Республики Беларусь возможность отозвать заявление об увольнении, предоставленная работнику при определенных условиях и в течение определенного срока [5], на протяжении многих лет доказывает свою эффективность и взаимную выгоду для обеих сторон трудового договора.

Заключение. Четкое и однозначное правовое регулирование одностороннего отказа от договора, включая ответственность за злоупотребление правом, и формирование единообразного подхода в практике реализации данного субъективного права соответствуют интересам не только участников гражданского оборота, но и общества и государства в целом.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь: принят Палатой Представителей 28 октября 1998 г.: одобрен Советом Республики 19 ноября 1998 г. Минск: Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь, 2013. 656 с.
2. Гражданское право: учебник: в 3 т. / под ред. В. Ф. Чигиря. Минск: Амалфея, 2010. Т. 2. 2960 с.
3. О нормативных правовых актах: Закон Респ. Беларусь от 17.07.2018 № 130-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11800130> (дата обращения 02.09.2024).
4. Об изменении кодексов: Закон Респ. Беларусь от 13.11.2023 № 312-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12300312> (дата обращения 02.09.2024).
5. Трудовой кодекс Республики Беларусь от 26.07.1999 № 296-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900296> (дата обращения 02.09.2024).

References

1. Civil Code of the Republic of Belarus: adopted by the House of Representatives on October 28, 1998; approved by the Council of the Republic, November 19, 1998. Minsk, Natsional'nyy tsentr pravovoy informatsii Respubliki Belarus' Publ., 2013. 656 p. (In Russian).
2. *Grazhdanskoye pravo: uchebnik* [Civil law: textbook. Vol. 2]. Ed. V. F. Chigir. Minsk, Amalfeya Publ., 2010. 2960 p. (In Russian).
3. On regulatory legal acts: Law of the Republic of Belarus dated 17.07.2018 No. 130-Z. *Natsional'nyy pravovoy Internet-portal Respubliki Belarus* [National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus]. Available at: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11800130> (accessed 02.09.2024) (In Russian).
4. On Amendments to Codes: Law of the Republic of Belarus dated 13.11.2023 No. 312-Z. *Natsional'nyy pravovoy Internet-portal Respubliki Belarus* [National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus]. Available at: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12300312> (accessed 02.09.2024) (In Russian).
5. Labor Code of the Republic of Belarus]: dated 26.07.1999 No. 296-Z [National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus]. *Natsional'nyy pravovoy Internet-portal Respubliki Belarus* <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900296/>.

Информация об авторе

Кулис Лидия Андреевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: lidia.kylis@gmail.com

Information about the author

Kulis Lidziya Andreevna – PhD (Law), Associate Professor, Assistant Professor, the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: lidia.kylis@gmail.com

Поступила 13.09.2024

УДК 1(091)

Н. М. Лукьянович

Белорусский государственный университет

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПЕРСОНАЖИ В ТЕАТРЕ ИСТОРИИ
ФИЛОСОФИИ ЖИЛЯ ДЕЛЁЗА**

В статье рассматривается роль концептуальных персонажей в историко-философском проекте французского философа Жюль Делёза.

Согласно французскому мыслителю, философские системы можно представить как театр действий, который состоит из набора концептуальных персонажей. В работе показывается, что при создании собственной концепции философу необходим концептуальный персонаж, чтобы сказать «я», так как у него нет власти говорить за себя, от своего имени, и чтобы установить свой собственный образ мысли. В каждом случае или для каждого концептуального персонажа, вышеприведенное положение должно также сопровождаться другой серией концептуальных персонажей, начинающихся с префикса «анти-». От самого появления философии до современных концепций и направлений история философии определяется этими эмпатическими и антипатическими движениями, которые привязываются к имени философа и определенным персонажам, тем самым устанавливая специфическую форму драматургии, которая принадлежит философии. И вся история философии является местом изобретения другого концептуального персонажа, который вступает в борьбу с первым, чтобы опрокинуть его образ. Таким образом, можно утверждать, что вся история философии Жюль Делёза предстает как концептуальный театр.

Ключевые слова: концептуальный персонаж, образ мысли, план имманенции, история философии, театр.

Для цитирования: Лукьянович Н. М. Концептуальные персонажи в театре истории философии Жюль Делёза // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2024. № 2 (287). С. 110–115.

DOI: 10.52065/2520-6885-2024-287-21.

N. M. Lukyanovich

Belarusian State University

**CONCEPTUAL PERSONAE IN THE THEATRE OF THE HISTORY
OF PHILOSOPHY BY GILLES DELEUZE**

The article examines the role of conceptual characters in the historical and philosophical project of the French philosopher Gilles Deleuze.

According to the French thinker, philosophical systems can be imagined as a theater of action, which consists of a set of conceptual characters. The work shows that in creating his own concept, a philosopher needs a conceptual character to say "I", since he does not have the power to speak for himself, on his own behalf, and to establish his own way of thinking. In each case or for each conceptual character, the above statement must also be accompanied by another series of conceptual characters, beginning with the prefix "anti-". From the very appearance of philosophy to modern concepts and trends, the history of philosophy is determined by these empathic and antipathetic movements that are attached to the name of the philosopher and certain characters, thereby establishing a specific form of dramaturgy that belongs to philosophy. And the entire history of philosophy is a place for the invention of another conceptual character who enters into a struggle with the first in order to overturn his image. Thus, it can be argued that the entire history of Gilles Deleuze's philosophy appears as a conceptual theatre.

Keywords: conceptual personae, image of thinking, plane of immanence, history of philosophy, theatre.

For citation: Lukyanovich N. M. Conceptual personae in the theatre of the history of philosophy by Gilles Deleuze. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy*, 2024, no. 2 (287), pp. 110–115 (In Russian).

DOI: 10.52065/2520-6885-2024-287-21.

Введение. Жюль Делёз стал известен как автор обширного творчества, опирающегося на колоссальный спектр источников: от биологии до геологии и от психиатрии до литературы и философии. Одним из главных вопросов в творчестве Ж. Делёза, начиная с его ранних работ, является

отношение между философией и театром. Правоммерно сказать, что Ж. Делёз был готов к признанию специфического театрального течения в современной философии.

Связь между театром и философией является важной темой крупной работы Ж. Делёза «Раз-

личие и повторение» [1]. Оценивая в этой работе С. Кьеркегора и Ф. Ницше как философов повторения, Ж. Делёз сталкивается с драматической природой их философии. Сначала он замечает, что они представляют свои соответствующие концепции различия через фигуру или характер, которые Ж. Делёз называет «героями повторения»: Авраам и Заратустра. Ж. Делёз отмечает: «Они [Кьеркегор и Ницше – Н. М. Лукьянович] изобрели в философии невероятный эквивалент театра, основывая тем самым театр будущего и одновременно новую философию» [1, с. 22]. Театр не является объектом философского исследования, как это было со времен Аристотеля. Делёз не представляет себе философского театра, который хотели создать многие авторы платоновской драмы. Скорее, он видит в С. Кьеркегоре и Ф. Ницше мыслителей, «живущих проблемой масок», создающих театры будущего, которые можно представить как отдельные направления в концептуальном поле философии. Их театр был театром будущего, театром философии, *theatrumphilosophicum*, как выразился Мишель Фуко в своей восторженной рецензии на книгу Ж. Делёза [2, с. 438].

В последующих работах Ж. Делёза театру отводилась критическая роль, хотя он и его соавтор Феликс Гваттари продолжали часто ссылаться на драму и театр. Однако теперь они сосредоточились на очень конкретной пьесе и фигуре – Эдипе. Театр в лице Эдипа стал объектом критики. Эдипов психоанализ З. Фрейда, как признали оба автора, не только опирался на такие пьесы, как «Царь Эдип» и «Гамлет», но и предусматривал психоаналитический театр идентификации (с фигурами) и репрезентации (например, комплекса); это был театр, изображавший сугубо личную драму, «частный» и «интимный театр». В противовес З. Фрейду Ж. Делёз и Ф. Гваттари теперь пытаются противопоставить обезличенную фигуру шизофреника наряду с марксистской концепцией производства за кулисы, в то время как они безраздельно господствуют на фабрике [3].

Основная часть. Однако негативная идентификация театра как пространства эдиповой репрезентации длилась недолго. В 1991 г. Ж. Делёз и Ф. Гваттари опубликовали книгу «Что такое философия?» [4], которая восходит к «Различию и повторению» и его театральному словарю. В частности, в этой книге на первый план выдвигается категория философской фигуры, которую оба автора называют «концептуальными персонажами». Снова появляются более ранние «герои повторения», в том числе Дон Жуан С. Кьеркегора и Заратустра Ф. Ницше, к которым теперь присоединилась фигура идиота Николая Кузанского и Сократ Платона. Концептуальные персонажи являются игроками философского

театра Ж. Делёза. Их отношения не всегда характеризуются мирным сосуществованием. «Театр Делёза – это театр военных действий: он ставит драму и участвует в бою. Он ссылается на сцену и партизанскую войну» [5, р. 37].

Для чего же философу необходимо изобретать концептуального персонажа? Каждый философ стремится изложить план имманенции, чтобы наполнить его своими собственными концептами, в отличие от понятий, принадлежащих религии и науке, включая те концепты, которые он заимствует у предыдущих (и даже «антипатичных») философов. Чтобы выполнить этот план, во-первых, должен быть изобретен концептуальный персонаж, чтобы оживить философию, персонифицировать ее, и, во-вторых, план концептов должен быть связан с образом мысли, следуя координатам, которые излагает концептуальный персонаж, и в соответствии с интенсивностями, которые выражает этот образ. В противном случае никто не смог бы распознать, кто говорит, или чем эта манера говорить отличается от всех других философов, которые были до него. Как пишут Ж. Делёз и Ф. Гваттари, «концепты не выводимы прямо из плана, для их творчества в плане имманенции требуется концептуальный персонаж, как требуется он и для начертания самого плана, и все же эти две операции не совпадают в персонаже, который в каждом случае совершает отдельную операцию [4, с. 88]. Другими словами, если мышление определяется посредством образа, который отличается от образов восприятия, памяти, интуиции или воображения, то концептуальный персонаж относится к особой инстанции высказывания, которая не всегда отождествляется с субъектом отдельного философа. Эту мысль мы проиллюстрируем следующим образом.

Во-первых, чтобы понять эту форму индивидуации, которая принадлежит определенной философии, отношение между философом и концептуальным персонажем может быть определено как самоощущение внутри другого. Ж. Делёз и Ф. Гваттари определяют это чувство как особый вид эмпатии, но которое остается крайне неоднозначным, особенно когда они писали вместе и следовали движению мышления, которое создает эмпатическое движение двух индивидов, пытающихся думать одну и ту же мысль. С другой стороны, например, Ф. Ницше является одинокой фигурой философа, как мы можем понимать тот факт, что философ испытывает эмпатию к своей собственной мысли таким образом, которая не является чем-то не связанным с чувством эмпатии к другому человеку? Например, это чувство – то, что Заратустра будет постоянно выражать относительно мысли о вечном возвращении, хотя он еще не способен думать эту великую мысль, то есть утверждать все, что она

потребуется относительно переворота нынешних ценностей, сопровождаемое чувством, что он еще не заслуживает собственной мысли. Тем не менее мысль Заратустры всегда остается близкой ему, как близкий товарищ, выражая форму близости, которая еще неизвестна и представлена в образе змеи, обвивающейся вокруг шеи орла «как друг». Этот эмпатический образ является основой для создания концептуального персонажа Заратустры как отношения между мыслителем и его мыслью, которая также становится точкой, где мысль отделяется от реальной личности философа, и позволяет мышлению становиться способами, которые превосходят пределы изначального мыслителя. Как пишут Ж. Делёз и Ф. Гваттари: «Судьба философа – становится своим концептуальным персонажем или персонажами, в то время как и сами эти персонажи становятся иными, чем в истории, мифологии или же повседневном быту (Сократ у Платона, Дионис у Ф. Ницше, Идиот у Н. Кузанского). Концептуальный персонаж – это становление или же субъект философии, эквивалентный самому философу, так что Н. Кузанский или даже Р. Декарт должны были бы подписываться “Идиот”, подобно тому как Ф. Ницше подписывался “Антихрист” или “Дионис распятый”» [4, с. 74].

Во-вторых, почему же философам «нужны» концептуальные персонажи в первую очередь? Например, зачем Ф. Ницше был нужен Заратустра в качестве своего рупора? Было ли это потому, что он не мог говорить сам за себя, от своего имени, что ему отчасти нужно было придумать другого персонажа, который говорил бы за него? Можно сказать, что Заратустра был изобретен буквально для того, чтобы служить его маской. Искусство изобретения фигур речи принадлежит истории риторики и поэтики как символических или поэтических форм изобретения. Таким образом, изобретение «концептуальных персонажей» обращается к конкретной риторической и поэтической конструкции, которая принадлежит философии как дискурсу. И поскольку философия имеет дело с концептами, ее персонажи являются концептуальными, а не просто риторическими фигурами, поэтическими символами или героями. Проводя различие от риторической фигуры речи или поэтического символа, Ж. Делёз и Ф. Гваттари определяют нечто «идиосинкразическое» и, в то же время, «безличное» в отношениях между философом и его концептуальными персонажами; следовательно, концептуальные персонажи являются не представителями философа, а фактическими субъектами, которые имеют или которым дано право писать свое собственное имя, хотя часто случается, что философ подписывается за них в том смысле, как Платон подписывался за Сократа.

В-третьих, отличающиеся от фигуры речи, риторического приема или дискурсивного тропа, концептуальные персонажи являются самым средством философского высказывания. Именно концептуальный персонаж говорит «я», тем самым устанавливая связь между выражением мысли и субъектом мыслителя, который не является той же идентичностью, что и индивидуум, который мыслит, но вместо этого относится к подчиненному третьему лицу как к истинному субъекту высказывания.

Тем не менее вспоминая вопрос о том, как создаются или изобретаются концептуальные персонажи, все еще остается некоторая степень таинственности, которая продолжает окружать технику изобретения и кажется очевидным, что Ж. Делёз всегда стремится обнаружить намеки и подсказки в фигурах, придуманных писателями и художниками, которые могли бы привести к изобретению уникального концептуального персонажа, которого он мог бы адаптировать к своей собственной философской программе или образу мысли.

Целесообразно подчеркнуть драматическую ситуацию суда, который выступает в качестве места действия в работе Ж. Делёза «Что такое философия?». Концептуальный персонаж философа не является нейтральной стороной, согласно образу кантовского законодателя или судьбы. Вместо этого появляются несколько субъектов, каждый из которых стремится «предъявить права на концепт» (художники, писатели, ученые, и т. д.), однако только философ, по Ж. Делёзу, предъявляет права на концепт «по виду права». Следовательно, концептуальный персонаж современного философа, созданный Ж. Делёзом и Ф. Гваттари, – это субъект, который провозглашает перед неопределенной публикой в эпоху массовой коммуникации: «Я предъявляю права на концепт». Разница между этим концептуальным персонажем и кантовским философом как законодателем глубока, поскольку сегодня философу уже не гарантировано право на концепт, и это создает ситуацию, когда нужен концептуальный персонаж, который будет служить «посредником» или «защитником» (в показательном случае Ф. Ницше), чтобы энергично говорить от имени философа и его философии. Именно таким образом ситуация, заданная главным вопросом в «Что такое философия?», драматически реактивирует изначальную ситуацию самой философии в первом веке н. э., когда философы кочевали по территориям Малой Азии и вели битвы не только с другими философами (стоиками, киниками, эпикурейцами, аристотелианцами и платониками), но и с гностиками, христианами, иудеями и восточными мудрецами за лучшую концепцию жизни или того, что

сам Ж. Делёз позже назовет «жизнью чистой имманентности».

Считаем возможным выделить две важные характеристики, с помощью которых правомерно определить роль концептуального персонажа в работах Ж. Делёза и Ф. Гваттари:

1) концептуальный персонаж – это истинный субъект высказывания, тот, кто говорит «я»;

2) философу нужен концептуальный персонаж, чтобы объективировать свое собственное мышление или образ мысли.

Тем не менее то, что можно назвать философским высказыванием, относится к определенному виду движения: мыслить – значит создавать движение к плоскости имманентности, утверждать, конструировать, излагать концепты, но это движение происходит только через посредничество концептуального персонажа, и это движение отождествляется с производством движения в мышлении, которое одновременно отличается от других мыслей, в разных плоскостях, сконструированных иными философиями. Чтобы продемонстрировать это, достаточно вспомнить утверждение Ж. Делёза о том, как некоторые философы фундаментально изменили значение слова «мыслить» и тем самым не только переориентировали предыдущую традицию философского исследования или «историю философии», но и сумели установить условия философского высказывания для каждого последующего философа. Например, имя Р. Декарта больше не относится исключительно к определенному человеку и не функционирует как имя собственное в той же степени, в которой термин «картезианство» относится не только к собственным трудам Декарта, но и к традиции философии, которая зависит от его метода, а также к антикритическим философиям, которые устанавливают свой образ мысли на уничижительном и негативном использовании того же термина. В случае с именем Декарта, например, мы становимся свидетелями рождения отличительного, и все же исторически меняющегося, концептуального персонажа, который, по-видимому, представляет философию Декарта благодаря многократным крещениям, в которых имя функционирует и как линия родства, и в полемическом смысле «антикартезианства». Изменчивая природа конкретных концептуальных персонажей становится более очевидной в следующих особых случаях: Платон и платонизм, Декарт и картезианство, Б. Спиноза и спинозизм, И. Кант и неокантианство, Ф. Гегель и гегельянство, Ф. Ницше и ницшеанство.

В каждом случае или для каждого концептуального персонажа вышеприведенная история должна также сопровождаться другой серией концептуальных персонажей, начинающихся с

префикса «анти-». Это особенно касается антипатии, которая развилась в определенные моменты, как в случае «антигегельянства», объединяющего некоторые современные философии вокруг смутного и неопределенного желания чего-то иного, другого вида движения мышления, определяющего будущее философии. Именно по этой причине, возможно, существует целая драма симпатии, эмпатии и антипатии, которая также определила концептуальных персонажей великих философов и которая составляет их становление. Как описывают это становление Ж. Делёз и Ф. Гваттари, «концептуальные персонажи осуществляют те движения, которыми описывается авторский план имманенции, и принимают участие непосредственно в творчестве его концептов» [4, с. 73–74]. Даже когда они полностью «антипатичны», эти концептуальные персонажи принадлежат плану, который излагает рассматриваемый философ, и концептам, которые он создает, включая также опасности, характерные для этого плана. Кроме того, возможно, именно философ также становится ответственным за все плохие восприятия, плохие чувства и даже негативные движения, которые возникают из этого плана, поскольку они сами первыми вдохновили эти аффективные возможности, предложив концепты, критические или даже негативный характер которых остается конститутивным свойством этой философии.

От ранней Греции до современности история философии определяется этими эмпатическими и антипатическими движениями, которые привязываются к имени философа и определенным образам или персонажам, которые представляют эту мысль, в том смысле, что она конституирует то, что является отличительным в этой мысли по сравнению со всеми другими, и, таким образом, конституирует изначальную, даже примитивную, форму драматургии, которая исконно принадлежит философии. Начиная с греков, и особенно с момента распространения философии по всей Малой Азии в римский и раннехристианский периоды, философии постепенно стали идентифицироваться как «школы» (как движения, как коллективные общества, даже как культы) и в то же время начали различаться по их концептуальным персонажам: стоик, киник, эпикурейец, неоплатоник, даже христианин и иудей.

Для Ф. Ницше сам читатель предстает как новый концептуальный персонаж, который должен быть произведен или завещан наряду с созданием концептуального персонажа автора для философии будущего. Он не существует с самого начала, а принадлежит только будущему и остается посмертным или отсутствующим. Как пишут Ж. Делёз и Ф. Гваттари, «концептуальный персонаж как таковой может появляться довольно

редко или же лишь намеком. Тем не менее он присутствует, и, даже оставаясь неназванным, подспудным, обязательно должен быть восстановлен читателем» [4, с. 73]. Таким образом, именно читатель приводит нас к современной функции комментария как излюбленному жанру для изобретения новых концептуальных персонажей, и это стало причиной как славы для любого современного философа, так и претензии к нему, и особенно для тех, кому посчастливилось или не посчастливилось быть воссозданным с помощью приставки «анти». Никогда не начинаешь читать работы философа, не столкнувшись с теневым присутствием концептуального персонажа, который, кажется, затемняет или блокирует основную работу и, в некотором смысле, служит прообразом или даже предвосхищает его. Каждый философ — это одинокая фигура, которой предшествует толпа комментаторов; поэтому, читая конкретные тексты философа, всегда нужно парировать и бороться с существованием концептуального персонажа, приближаясь к философии и вычитая ее слишком простой и шаблонный образ мысли более сложным и нюансированным пониманием. Возможно, лучшие комментарии — это те, которые умудряются заменить этого концептуального персонажа на того, которого они сами создали. Это даже объясняет, почему некоторые из лучших комментариев в истории философии, такие как комментарии Ж. Делёза, могут на первый взгляд показаться противоречащими и идущими вразрез с пониманием или восприятием основной философии с точки зрения здравого смысла.

Заключение. Именно потому, что всю историю философии можно описать как поле битвы между различными концептуальными персонажами, которые часто обозначаются одним и тем же именем собственным или нарицательным, вся проблема репрезентации в философии может быть лучше понята, если снова обратиться к изначальному смыслу «драматургии». Так, один из исследователей творчества Ж. Делёза — Грегг Ламберт, признается, что его работы часто считают в большей степени литературной критикой, нежели философией, из-за его любопытства и инте-

реса к истории. Он всегда больше интересовался тем, что происходит с философией Ж. Делёза, когда ее читают, переводят, воспроизводят, адаптируют для других целей, но также и когда ее опровергают, отрицают, противостоят и часто яростно отвергают. «Как литературный критик, я понимаю, что такой смысл — это всего лишь «фигура на ковре», тайное желание которой связано с фантазией комментатора закрыть книгу навсегда, как будто сделать основную работу излишней для текста комментария и больше не нужной, тем самым интернализуя ее внешнее повторение в своем собственном образе мысли» [6, р. 43].

Хотя комментатор часто делает вид, что обращается к основной работе философа «для пользы читателей», большинство комментариев говорят «вместо философа», в том смысле, что они помещают предмет высказывания на поля — а иногда и в текст — сочинений основного философа, чтобы сформулировать что-то, что осталось недосказанным — прояснить и объяснить, истолковать или расширить, исправить или отредактировать; упрекнуть или стереть, либо заменить язык основного философа своим собственным.

Возможно, именно по этой причине философы всегда должны излагать свои концепты на плоскости имманентности, подобно броскам игральные костей, которые будут приняты (или нет) как их сочувствующими слушателями, так и их величайшими конкурентами. Ж. Делёз пишет в «Ницше и философии»: «Аутентичный образ философа не может сохраниться для умеющего воплощать его в соответствии с требованиями времени, для своей эпохи. В следующую эпоху его нужно возобновить и реанимировать, нужно, чтобы он обрел новое поле деятельности. Если критическая работа философии не будет активно возобновляться в каждую эпоху, то философия умрет, а вместе с ней умрет и образ философа, и образ свободного человека. Глупость и низость неперестанно создают новые сплавы. Глупость и низость всегда суть глупость и низость нашего времени, наших современников, наши глупость и низость» [7, с. 222].

Список литературы

1. Делез Ж. Различие и повторение. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 384 с.
2. Фуко М. *Theatrum philosophicum* // Логика смысла. М.: Академический проект, 2011. С. 438–470.
3. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.
4. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Академический проект, 2009. 261 с.
5. Conway J. Gilles Deleuze. Affirmation in Philosophy. Basingstoke; Palgrave Macmillan, 2010. 274 p.
6. Lambert G. Towards a Geopolitical Image of Thought. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2021. 186 p.
7. Делез Ж. Ницше и философия. М.: Ад Маргинем, 2003. 392 с.

References

1. Delez Zh. *Razlicheye i povtoreniye* [Difference and Repetition]. St. Petersburg, TOO TK "Petropolis" Publ., 1998. 384 p. (In Russian).
2. Fuko M. *Theatrum philosophicum. Logika smysla* [The Logic of Sense]. Moscow, Akademicheskii proyekt Publ., 2011, pp. 438–470 (In Russian).
3. Delez Zh., Gvattari F. *Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniya* [Anti-Edip: Capitalism and Schizophrenia]. Ekaterinburg, U-Faktoriya Publ., 2007. 672 p. (In Russian).
4. Delez Zh., Gvattari F. *Chto takoye filosofiya?* [What is Philosophy]. Moscow, Akademicheskii proyekt Publ., 2009. 261 p. (In Russian).
5. Conway J. Gilles Deleuze. *Affirmation in Philosophy*. Basingstoke, Palgrave Macmillan Publ., 2010. 274 p.
6. Lambert G. *Towards a Geopolitical Image of Thought*. Edinburgh, Edinburgh University Press Publ., 2021. 186 p.
7. Delez Zh. *Nitsshe i filosofiya* [Nietzsche and Philosophy]. Moscow, Ad Marginem Publ., 2003. 392 p. (In Russian).

Информация об авторе

Лукьянович Надежда Михайловна – аспирант кафедры философии культуры. Белорусский государственный университет (220050, г. Минск, ул. Кальварийская, 9, Республика Беларусь). E-mail: hopelukian@gmail.com

Information about the author

Lukyanovich Nadzeya Mikhailovna – PhD student' the Department of Philosophy of Culture. Belarusian State University (9, Kal'variyskaya str., 220050, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: hopelukian@gmail.com

Поступила 20.09.2024

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ	5
Астрога В. М. Питанні нацыянальнай адукацыі ў грамадска-педагагічным руху Беларусі (канец XIX – пачатак XX ст.).....	5
Алексашина Г. В., Воронич Т. В. Пожарная охрана в городах Беларуси в конце XIX – начале XX в.	10
Рыжанкоў І. М. Грамадска-палітычныя арганізацыі і жыццядзейнасць сялянства на этапе разгортвання Лютаўскай рэвалюцыі: па матэрыялах Віцебскай губерні	17
Семенчик Н. Е. Аграрные ожидания и политические настроения солдат Западного фронта после Февральской революции.....	21
Лукашевич А. М. Полоцкий кадетский корпус во время Гражданской войны (1917–1920 гг.)	27
Хованский А. В. Белорусские земли в системе военно-окружного управления II Речи Посполитой в 1918–1921 гг.	35
Ананька К. Д. Перыядызацыя функцыянавання беларускіх гімназій на тэрыторыі Заходняй Беларусі (1919–1939)	41
Коваль В. У. Беларуская літаратура як фактар кансалідацыі нацыянальнай дыяспары ў 1920-я гг.	46
Каляда І. У. Станаўленне беларускай дзяржаўнасці як вызначальны фактар палітыкі беларусізацыі.....	51
Острога В. А. Проблематика зарубежной военной истории в белорусской историографии 1920-х – 1980-х гг.	56
Долюк С. Г., Лепеш О. В. Влияние Великой Отечественной войны на изменение кадрового состава Белорусского политехнического института	61
Мосейчук Л. И. Воспоминания белорусских архитекторов о Великой Отечественной войне (по документам Белорусского государственного архива научно-технической документации)	67
Поляк Н. А. Социальный облик рабочего класса БССР в конце 50-х – 70-х гг. XX века	71
Якуш Н. М. Процессы интенсификации сельскохозяйственного производства в Белорусской ССР (1970-е – середина 1980-х гг.)	77
Миронюк А. В. Становление и развитие военного образования в гражданских учреждениях высшего образования Республики Беларусь: историография проблемы	82
Зайцева Н. В., Кандричина И. Н. Социальная политика Республики Беларусь: история и современность	87
ФИЛОСОФИЯ	91
Потоцкий А. А. Диалогическая природа художественного произведения и его коммуникативный потенциал	91
Ксенофонтов В. А. Основные категории диалектики как инструмент познания военной сферы	95
Подручный М. В. Дж. С. Милль как методолог социологического познания	101
Кулис Л. А. Правовая природа одностороннего отказа от договора	106
Лукьянович Н. М. Концептуальные персонажи в театре истории философии Жюль Делёза	110

CONTENTS

HISTORY	5
Ostroga V. M. Issues of national education in the socio-pedagogical movement of Belarus (late 19th – early 20th century).....	5
Aleksashina Г. V., Voronich T. V. Fire protection in the cities of Belarus at the end of the 19th – beginning of the 20th century	10
Ryzhankou I. M. Socio-political organizations and the vital activity of the peasantry at the stage of the February Revolution Unfolding: based on the materials of the Vitebsk province.....	17
Semenchik N. Ye. Agricultural expectations and political attitudes of soldiers of the Western Front after the February Revolution.....	21
Lukashevich A. M. Polotsk Cadet Corps during the Civil War (1917–1920).....	27
Khavanski A. V. Belarusian lands in the system of military district administration of the II Riche Postpolitana in 1918–1921.....	35
Ananka K. D. Periodization of the functioning of belarusian gymnasiums in Western Belarus (1919–1939).....	41
Koval V. U. Belarusian literature as a factor in the consolidation of the national diaspora in the 1920s.....	46
Kalyada I. U. Establishment of the Belarusian state as a determining factor of Belarusization policy	51
Astroha V. A. The problems of foreign military history in the belarusian historiography of the 1920s – 1980s	56
Daliuk S., Lepesh O. The impact of the Great Patriotic War on the change in the staffing of the Belarusian Polytechnic Institute.....	61
Maseichuk L. I. Memories of belarusian architects about the Great Patriotic War (based on documents of the Belarusian State Archive of Scientific and Technical Documentation)	67
Poliak N. A. Social shape of the working class of the BSSR in the 50s – 70s of the 20th century	71
Yakush N. M. Processes of intensification of agricultural production in the Byelorussian SSR (1970s – mid-1980s).....	77
Mironyuk A. V. Formation and development of military education in civilian institutions of higher education of the Republic of Belarus: historiography of the problem (1998–2016).....	82
Zaytseva N. V., Kandrichina I. N. Social policy of the Republic of Belarus: History and modernity	87
PHILOSOPHY	91
Pototski A. A. The dialogical nature of a work of art and its communicative potential.....	91
Ksenofontov V. A. Main categories of dialectics as a tool for understanding the military sphere	95
Podruchny M. V. J. S. Mill as a methodologist of sociological cognition.....	101
Kulis L. A. Legal nature of unilateral refusal from a contract	106
Lukyanovich N. M. Conceptual personae in the theatre of the history of philosophy by Gilles Deleuze	110

Редактор *Р. М. Рябая*
Компьютерная верстка *Е. А. Матейко, В. А. Маркушевская*
Корректор *Р. М. Рябая*

Подписано в печать 13.12.2024. Формат 60×84¹/₈.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать ризографическая.
Усл. печ. л. 13,7. Уч.-изд. л. 14,7.
Тираж 43 экз. Заказ .

Издатель и полиграфическое исполнение:
УО «Белорусский государственный технологический университет».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/227 от 20.03.2014.
ЛП № 38200000001984.
Ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск.